
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2019. Том 17, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

<i>Карпович В. Н.</i> Формальная логика, риторика и рациональная аргументация	5
<i>Целищев В. В., Хлебалин А. В.</i> Концепции интенциональности математического дискурса: этапы самореференции	17
<i>Маслов Д. К.</i> Проблема эпистемического разногласия в социальной эпистемологии	30

Социальная философия

<i>Диев В. С.</i> Философские аспекты российской модели управления	42
<i>Зазулина М. Р.</i> Категория «социокультурное» как инструмент анализа современных обществ: возможности интерпретации	54
<i>Федотова М. Г.</i> Информационный подход в исследовании мировоззренческой безопасности: к постановке проблемы	66
<i>Цыганков В. В.</i> Революционные волны XX века: «красная волна» в Азии 1940-х – 1970-х годов	76
<i>Солодова Г. С.</i> Иммиграционный фактор трансформации социального пространства	89
<i>Винчковский Е. В.</i> Гражданская религия Ж.-Ж. Руссо и Р. Н. Беллы и границы терпимости государства	99
<i>Сидорова Т. А.</i> Этическая концепция развития институтов биоэтики в разрешении моральных дилемм	110
<i>Абрамова М. А., Костюк В. Г., Гончарова Г. С.</i> Модели управления и регулирования процессов трансформации межэтнических и сельских сообществ современной России	122
<i>Шмаков В. С.</i> Методология моделирования развития сельских локальных сообществ	134

История философии

<i>Щеглова М. И.</i> Генезис проблемы квалитативности сознания в античной философии	147
<i>Матушкина М. О.</i> Становление случайности как метафизической категории в учениях ранних греческих философов Гераклита и Демокрита	154
<i>Игнатенко Е. А.</i> Мелисс и его единое	165
<i>Баженова Е. А.</i> Об аутентичности мифа Протагора и его роли в диалоге Платона «Протагор»	176
<i>Егорова О. С.</i> История переводов Аристотеля на русский язык (2-я половина XVIII – 1-я половина XX века)	185
<i>Бровкин В. В.</i> Установка на независимость от внешних обстоятельств в греческой философии в период раннего эллинизма	204
<i>Стрельцов А. М.</i> Теопасхистские формулы в контексте концепции бесстрастия Бога в раннем христианстве	216
<i>Горан В. П.</i> Т. Гоббс и Б. Спиноза о соотношении естественного, сверхъестественного и противоестественного	225

Научная жизнь, полемика и дискуссии

<i>Петров В. В., Персидская О. А., Санжсенаков А. А.</i> Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке: молодежный вектор	236
Информация об авторах	247

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2019. Vol. 17, № 1

CONTENTS

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

<i>Karpovich V. N.</i> Formal Logic, Rhetoric and Rational Argumentation	5
<i>Tselishchev V. V., Khlebalin A. V.</i> Conceptions of Intensionality of Mathematical Discourse: The Stages of Self-Reference	17
<i>Maslov D. K.</i> Epistemic Disagreement in Social Epistemology	30

Social Philosophy

<i>Diev V. S.</i> Philosophical Aspects of the Russian Model of Management	42
<i>Zazulina M. R.</i> The Concept of “Sociocultural” as a Tool for the Analysis of Contemporary Societies: The Possibility of Interpretation	54
<i>Fedotova M. G.</i> Information Approach in the Study of Weltanschauung Security: Problem Statement	66
<i>Tsygankov V. V.</i> Revolutionary Waves of the Twentieth Century: “The Red Wave” in Asia, 1940–1970	76
<i>Solodova G. S.</i> Immigration Factor of Transformation of Social Space	89
<i>Vinchkovskii E. V.</i> Civil Religion by J.-J. Rousseau and R. N. Bellah and Limits of the Toleration of the State	99
<i>Sidorova T. A.</i> Ethos Conception of Bioethics Development in Resolution of Moral Dilemmas	110
<i>Abramova M. A., Kostyuk V. G., Goncharova G. S.</i> Models of Management and Regulation of Transformation Processes of Ethnic and Rural Communities in Modern Russia	122

<i>Shmakov V. S.</i> Methodology of Modelling the Development of Rural Local Communities	134
--	-----

History of Philosophy

<i>Shcheglova M. I.</i> Qualitativeness of Consciousness: Genesis of the Problem in Ancient Philosophy	147
<i>Matushkina M. O.</i> The Formation of Chance as a Metaphysical Category in the Teachings of Early Greek Philosophers Heraclitus and Democritus	154
<i>Ignatenko E. A.</i> Melissus and the One	165
<i>Bazhenova E. A.</i> On the Authenticity of Protagoras' Myth and its Role in Plato's Protagoras	176
<i>Egorova O. S.</i> The History of Translations of Aristotle into Russian (2 Half of 18 th – 1 Half of 20 th Century)	185
<i>Brovkin V. V.</i> Disposition to Independence from External Circumstances in Greek Philosophy in the Period of early Hellenism	204
<i>Streletsov A. M.</i> Integration of Divine Impassibility with the Theopaschite Formulas in Early Christianity	216
<i>Goran V. P.</i> T. Hobbes and B. Spinoza on the Relationship between the Natural, the Supernatural and the Unnatural	225

Scientific Life, Polemic and Discussions

<i>Petrov V. V., Persidskaya O. A., Sanzhenakov A. A.</i> Humanitarian and Social Research in the 21 st Century: Youth Vector	236
Instructions to Contributors	247

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-5-16

Формальная логика, риторика и рациональная аргументация

В. Н. Карпович

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Теория аргументации предположительно должна быть связана с рациональностью. Традиционно рациональность определялась в связи с логикой, и в то же время была частью теории аргументации. Но и диалектика, в ее традиционном понимании, также связана с рациональностью. Таким образом, через рациональность обнаруживается связь двух дисциплин – риторики как учения об адекватной коммуникации и формальной логики как учения о сохранении истины от посылок к заключению. В этом единстве двух аспектов диалектической беседы выявляется связь формальных и содержательных аспектов аргументации как рационального основания научного исследования.

Ключевые слова

аргументация, логика, рациональность, истина, форма, содержание

Для цитирования

Карпович В. Н. Формальная логика, риторика и рациональная аргументация // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 5–16. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-5-16

Formal Logic, Rhetoric and Rational Argumentation

V. N. Karpovich

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The theory of argumentation is supposed to be related to rationality. Traditionally, rationality was defined in terms of logic, and at the same time considered an essential part

© В. Н. Карпович, 2019

of the theory of argumentation. But dialectic, in its traditional sense, is also associated with rationality. Thus, rationality reveals the connection between two disciplines, rhetoric as a theory of adequate communication and formal logic as a theory explaining the preservation of truth from premises to the conclusion. This unity of the two aspects of the dialectic conversation reveals the connection between the formal and material aspects of argumentation as a rational basis of scientific research.

Keywords

argumentation, logic, rationality, truth, form, content

For citation

Karpovich V. N. Formal Logic, Rhetoric and Rational Argumentation. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 5–16. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-5-16

Двадцатый век – это век расширения области моделирования рассуждений, осуществляемого формальными методами. Основанием для этого стало возникновение новой логики, которая отличается от традиционной формальной логики и которую называли иногда математической, указывая на историческую связь этой логики с математикой, или символической, когда акцент делался на возможности формального моделирования рассуждений в других науках. Рассел, один из основателей этой логики, так характеризовал ее: «Название “математическая логика” и буду использовать для обозначения логической теории, объектом которой является анализ и дедукция арифметики и геометрии посредством понятий, которые очевидно принадлежат логике. Именно эту современную тенденцию я собираюсь здесь обсудить» [Russell, 1913].

Со временем логика расширялась, распространяясь с синтаксиса на семантику и далее прагматику. Но остался довольно старый и традиционный вопрос: охватывает ли дедуктивная логика всю область возможных приемов и методов аргументации? Есть ведь риторика, и есть диалектика в ее традиционном понимании как логика беседы, сократического диалога, ведущего к усматриваемой умом (душой) истине. И поэтому остается вопрос – отражает ли логическая теория методологические и стилистические особенности аргументации, в том числе и в науке, не говоря уже о политической полемике? Безусловно, есть методологические теории, которые используют логику для построения особой методологии науки, как, например, это сделал Поппер в «Предположениях и опровержениях» [Popper, 2002], используя особенности известного правила «отрицание следствия (modus

tollens)», или Лакатос в «Доказательствах и опровержениях» [1967]. Но и здесь могут возникнуть трудности с описанием особенностей аргументации. Простейший пример: Из условной посылки «Если А, то В» и утверждения В все-таки иногда можно вывести А, хотя это считается формальной ошибкой «утверждение следствия». Для этого достаточно вместо А подставить «Некоторые предметы принадлежат категории А», а вместо В – «Все предметы принадлежат категории В». Тогда утверждение следствия не будет ошибкой, поскольку известно, что из В следует А, а это обстоятельство формальным образом в тексте не отражено.

Главное в такой логике – формальность, трактуемая жестко, в пределе – чисто синтаксически, просто по одинаковому выражению в языке, написанию или произнесению, составляющих рассуждение понятий и суждений. В идеале, каждая правильно построенная последовательность знаков не должна быть двусмысленной. В частности, закон недопустимости противоречия не применим к сопоставлению слов «черное» и «белое», эти слова, взятые автономно, т. е. для обозначения самих себя, должны считаться разными на том основании, что они выглядят различно, а значит, человек, не знающий русского, не увидит в соединении этих слов противоречия. О противоречии в этом примере можно говорить только на другом, семантическом уровне формальности – когда, например, «черное» определяется как «не белое». Но и здесь не все просто: отрицание «не белое» формально представляет собой так называемое бесконечное отрицание, когда «не белое» может быть не черным, а, например, цветным, или прозрачным. Слитное написание частицы «не» с каким-то нарицательным именем дает, как известно, омонимы, и тогда приятель становится неприятелем, т. е. врагом. И вот уже здесь возникают трудности с формальной операцией превращения, как она определена в силлогистике Аристотеля: фраза «Он мне не является приятелем» может превратиться в утверждение «Он мне является неприятелем», если не добавить какую-то дополнительную характеристику, которая покажет, что частицу «не» надо писать отдельно, например, так: «Он мне не приятель, а только коллега».

Все подобные примеры показывают, что идеализации, принятые при формальном логическом анализе, не всегда отражают реальные правила аргументации. Преподавание логики в этом случае становится довольно трудной задачей из-за разрыва между логической теорией и реальной практикой аргументации в естественном языке. Например, в традиционной логике трудности начинаются с истолкования суж-

дений об отношении как атрибутивных – простая фраза «Стол находится правее шкафа» должна превратиться в простое категорическое суждение «Стол является предметом, находящимся правее шкафа», с двумя терминами, слева и справа от связки «является». Даже такие простые формулировки могут представлять трудность, поскольку не очень естественны. В логике предикатов обратная ситуация – чтобы сказать, что какой-то человек, например, выше остальных людей в комнате, надо сначала доказать существование и единственность этого самого высокого человека, поскольку существование определяется по наблюдаемым свойствам и отношениям. Даже аккуратно отрицать существование поименованного предмета не удастся: фраза «Кашея нет» противоречива, потому что получится, что есть такое существо, которого зовут Кашей, и которое вдруг оказывается не существует. Именно по этой причине получила известность так называемая «теория определенных дескрипций» Рассела. Согласно ей все собственные имена представляют собой скрытые описания, составленные из нарицательных имен, и существование охарактеризованных таким образом предметов проверяется по наличию в предметной области объектов, обладающих соответствующими свойствами. Так, имя «Аристотель» обозначает и расшифровывается как описание «учитель Македонского и ученик Платона». Если вдруг обнаружится, что таких людей было двое или вообще не было в описанном месте и указанном времени, то Аристотеля не было, и наше привычное понимание имени «Аристотель» и представление о существовании такого человека просто ошибочно. Этот пример здесь приведен потому, что отрицание существования исторической личности или объекта основано на трактовке собственного имени объекта как описания, и это открывает возможность опровергать существование объекта. Ярким примером использования такого приема служат труды сторонников альтернативных трактовок истории и авторов «новых хронологий».

На самом деле вопрос о логике аргументации не случайно был выше охарактеризован как возникший далеко не сейчас. Уже сам Аристотель, будучи основателем формальной логики как науки, признавал необходимость более широкой «логики», а именно, некоторых дополнительных аргументативных правил, и в отличие от аналитики, писал о диалектике, точнее, о диалектических рассуждениях. Это уже особая система правил, и она обсуждается в сочинениях Аристотеля «Риторика», «Топика» и «Софистические опровержения».

И здесь опять вопрос: как следует назвать эту новую дисциплину? Риторика – это слишком широко и конфликтует с восходящим к Пла-

тону пониманием риторики как науки об убедительности, а не истинности (Платон, *Апология Сократа*). Термин «диалектика» тоже сомнителен, поскольку сейчас чаще употребляется совсем не в том смысле, как это было при Аристотеле. У Гегеля и Маркса – это уже скорее онтология, возможно гносеология, но в любом случае нечто большее, чем наука об аргументации, каковой считалась логика. У самого Аристотеля в «*Топике*» фактически отсутствует беседа, и это уже не диалектика Платона, не взаимодействие идей или столкновение аргументов. Так что, пожалуй, «теория аргументации» – действительно самое подходящее название для учения о способах обоснования утверждений, выходящих за пределы формальной логики. И оно уже используется в таком смысле, например, в сравнительно недавно вышедшей монографии [Лисанюк, 2015].

Аналогичный вопрос о терминологии и различии методов обоснования возник в Средние века. Под диалектикой тогда понимали широко трактуемую логику, теорию познания, включающую как дедуктивную логику, так и элементы «логики открытия», выражаясь современным языком, и все это вместе назвалось «тривиум».

Знаменит в этом отношении Петр Рамус, популярный в XVI в. и позже философ и педагог, который трактовал диалектику, часть учебного комплекса тривиума, как предмет, охватывающий все формы рассуждений, и поэтому включал туда и собственно диалектические, и строго аналитические методы, если употреблять терминологию Аристотеля. Риторику он не считал наукой об обосновании, относил ее к искусству устной речи, ее украшения, вполне в духе Платона, как это представлено в самом начале «*Апологии Сократа*», одного из ранних диалогов Платона. С этого времени, в сущности, после Петра Рамуса, риторика стала считаться предметом, в котором изучаются литературные формы и способы выражения, и постепенно отделилась от философии. Зато диалектика включала не только логику, но и элементы истолкования текстов с целью уточнения их смысла и адекватного его представления в формальных логических структурах.

В отличие от риторики, логика процветала и разрасталась на основе Аристотелевой аналитики, как философская дисциплина. А интерпретационную, не аналитическую часть диалектики, Петр Рамус выделил как составляющую диалектики, определяющую собой необходимое условие практического применения логики. Возможно, сейчас это следовало бы сделать под другим именем, с целью объединить (соединить) приемы достижения убедительности речи, т. е.

некоторые фигуры риторики, с формальной логикой. Такое предложение возникает из простого факта. Дело в том, что частичное заимствование риторических приемов в диалектике Рамуса очевидно. А это значит, что его определение риторики как чистой «литературщины» и украшения хотя и соответствует некоторой традиции, но упускает из виду, что, по существу, некоторые риторические фигуры – это сокращенные, сконденсированные логические правила, и именно поэтому они могут использоваться в речи как эффективные способы убеждения слушателей. Не следует безусловно противопоставлять риторику и логику, на самом деле между ними есть пересечения.

Критика логики Аристотеля в позднем Средневековье была довольно распространенным явлением, Петр Рамус не был в этом одинок. Напротив, современная логика, которая значительно расширилась по сравнению с аналитикой Аристотеля, в XX в. приобрела особую популярность. Но как быть с дисциплиной, которую Аристотель назвал диалектическим обоснованием? И что делать с риторикой? Вопрос в том, как связать дискурс обоснования истинности с риторикой, понимаемой как средство украшения речи и достижения согласия, порой вопреки истине (ср. характеристику риторики в «Апологии Сократа»), с одной стороны, и с формальной логикой – с другой. Представляется, что Рамус слишком сместил акценты, когда утверждал, что фигуры речи являются просто декоративными и не могут считаться аргументацией. На самом деле это аргументы, представленные в своеобразной сжатой форме, с возможными специально подобранными языковыми средствами, и это объясняет, почему фигуры речи используются в качестве эффективных методов убеждения. В конце концов, истина тоже должна быть изложена доступным, понятным и убедительным способом.

Поэтому вопрос стоит так: как связаны логика аргументации с формальной логикой. Диалектический аргумент может быть оценен как сильный или слабый, релевантный или не относящийся к делу, но он не обладает качеством неопровержимости или самоочевидности, которое характеризует аналитическое (логическое) доказательство. Кроме того, в формальной логике все, что вызывает противоречия, должно быть устранено, что требует изобретения искусственного языка с формальными правилами для манипулирования символами и формирования четко определенных предложений.

Аргументация, по смыслу слова – это процесс, динамическое развертывание статических формальных структур в процессе общения, в котором значимы и языковые, и психологические, и культурные

факторы. Это обширная область рассуждений, относящихся к столкновению мнений, критике и различного вида обоснованиям противопоставленных или сравниваемых точек зрения, и к доказательствам, с помощью которых стороны пытаются друг друга в чем-то убедить и найти основания за и против своих взглядов в ходе обсуждения, личных или общепринятых. Поэтому неудивительно, что для исправления пагубных последствий описанных выше трансформаций утверждений естественного языка при их переводе в язык формул, мы должны попытаться дополнить формальную логику, которая рассматривается как теория «демонстративных» умозаключений и их цепочек (доказательств) риторическими приемами, которые вместе с логикой образуют теорию аргументации. Хороший пример подобных дополнений представляет употребление риторических названий «конструктивный» или «деструктивный» силлогизмы для того, что обозначают в логике как утверждение основания (модус поненс) и отрицание следствия (модус толленс), соответственно. Сами названия уже показывают, что конструктивный силлогизм применяется для утверждения некоторого мнения, а деструктивный – для опровержения. И далее этот прием уже применяется к другому виду умозаключений – дилеммам, которые тоже делят на конструктивные и деструктивные, указывая при этом прямо в названии, что конструктивная дилемма состоит из двух конструктивных, а деструктивная – из двух деструктивных силлогизмов. Таким образом, сухие логические схемы превращаются в риторические приемы, содержащие прямое указание на способ использования этих схем как средства убеждения или опровержения оппонента.

Соотношение формальной логики и подразумеваемой здесь теории аргументации можно пояснить соответствующими различиями между ними. Так, важным условием для построения системы формальной логики является предварительное устранение любой трудности, которая может помешать применению формализма, за счет использования предшествующего толкования и принятии соответствующих решений о его правомерности. По этой причине язык формальной логики должен с самого начала исключать любую неясность или многозначность. Поэтому, когда говорят, что « $A = A$ » или что « A или не- A » всегда верно, вовсе не устанавливается какой-то особый закон природы, а просто предписывается, что в каждой из этих формул одинаковые символы должны быть заменены одинаковыми объектами или суждениями для выражения равенства (тождества) объектов или для разделения и отрицания суждений. Сами формулы показывают, что непра-

вильная подстановка приведет к неправильному логическому анализу символических (формализованных) выражений (формул), а соответствующая символика указывает, что разная интерпретация в данном случае просто запрещена.

Когда речь идет о естественном языке, это условие не обязательно выполняется. Предполагается, что одно и то же слово имеет одинаковое значение при всех его вхождениях в текст, но при этом допустимы аргументы, показывающие, что это предположение нарушено. Таким образом, представляется нормальным отступать от презумпции однозначности всякий раз, когда эта однозначность может сохраняться только ценой возникающей логической непоследовательности, очевидной тривиальности или неприемлемости по каким-то другим соображениям, например, трудности понимания текста. В качестве последнего обстоятельства хочется привести пример одного из текстов, когда человек говорит о том, что группа людей «делит» между собой убеждения, имея в виду, что эти люди разделяют одинаковые убеждения. В данном случае английское «share», указывающее на общность убеждений, было передано русским словом, которое ближе по значению к английскому «divide», когда в группе выделяются подгруппы, имеющие различные убеждения. Этот пример взят из реального текста, произнесенного в телевизионной передаче, и из вопросов зрителей по поводу смысла сказанного.

Мы обычно сомневаемся в том, что разумный человек может утверждать что-то, что на первый взгляд кажется нам противоречием. Так, когда философ говорит, что невозможно войти в одну и ту же реку дважды, мы пытаемся избежать очевидного противоречия, толкуя выражение «одна и та же река» двумя различными способами. Один раз река – это географическое место, а другой – это поток, содержащий ту же воду, что была в нем раньше. Когда мы слышим высказывание «война есть война», мы понимаем, что оно мыслится не как тавтология, а суждение, призванное оправдать поведение, неприемлемое в мирное время, и мы не смогли бы этого сделать, если бы считали это предложение непосредственным применением логического закона тождества. Паскаль в «Мыслях» пишет следующее: «Когда истинное слово Господне ложно по букве, оно верно по духу» [1995. С. 153], и таким образом призывает искать другое, не буквальное, но подразумеваемое истолкование библейского текста, что позволяет понять заложенную в нем глубокую истину.

Думается, что известное утверждение из доклада Л. И. Брежнева по поводу того, что «экономика должна быть экономной», тоже

не тавтология, как оно часто квалифицировалось различными критически настроенными комментаторами. Скорее, это призыв к рациональному ведению общественного хозяйства, который действительно был на тот момент актуальным, как показали дальнейшие события.

В отличие от искусственных языков, в естественных языках односточность знаковой репрезентации мысли не является обязательным условием приемлемости текста. В результате, всегда возможно предложить иное толкование слов и предложений, и это не позволяет заявить окончательно и бесповоротно, что предложенный собеседником тезис по формальным основаниям является истинным или ложным. Право и теология дают множество примеров того, как по разным на то причинам буквальное прочтение законодательства или священного текста оказывается неприемлемым.

Системы формальной логики содержат правила вывода, которые позволяют передать эпистемически значимое свойство (истина, вероятность, модальность) от посылок к заключению. Однако где гарантии, что посылки обладают требуемым свойством? Классические логики доверяют самоочевидности в качестве гарантии истинности аксиом, которые рассматриваются как основания той или иной научной дисциплины.

Но уже Аристотель признавал, что если собеседник отказывался признавать такие аксиомы истинными, то нужно предложить основания и аргументацию, чтобы убедить его в обратном. Диалектика представляет собой «способ, при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение». Будучи «способом исследования, она прокладывает путь к основам всех учений» – так пишет о диалектике Аристотель во фрагменте 101 «Топики» [1978. С. 341–342]. В этом методологическом смысле риторика как бы входит в диалектику, а диалектическая аргументация, по Аристотелю, – основа риторики

Такое положение вещей указывает на то, что нужно различать аргументацию как способ убеждения и так называемую «демонстрацию», т. е. логически правильное выведение заключения из посылок. Формальная дедуктивная теория, и не только в логике или математике, может быть построена независимо от согласия по поводу истины, и доказательство в подобных случаях просто свидетельствует о последовательности в рассуждениях, ведущих к новым положениям, но опирающимся на логику произвольно выбранные аксиомы или новые факты [Шлик, 1993].

Явное согласие с исходными принципами или фактами, которое в диалоге всегда представляет собой согласие собеседника – это единственный способ убедить его в том, что ваше рассуждение не является логической ошибкой, которая известна под названием *petitio principii*, т. е. повтор в заключении того, что предположено в посылках. Сама по себе просьба заранее согласиться с аксиомами – это очевидное нарушение законов аргументации. В то время как закон тождества, выраженный формулировкой «если А, то А» логически правилен, так как требует неизменности выдвинутого тезиса, просьба о согласии с тем, что еще подлежит доказательству, несомненно представляет собой *petitio principia*.

Любая формальная система логики построена на предпосылке, что истинность утверждений системы объективна и не может в силу законов логики противоречить другому утверждению этой же системы. Однако при объяснении фактов, которое тоже представляет собой некоторый вывод, нет гарантии того, что полученное в процессе вывода новое утверждение не окажется несовместимым с другим утверждением системы, которое также принимается как истинное.

В принципе несовместимость подобного рода еще не означает существования формального противоречия, особенно в естественно-научных и общественных дисциплинах, но лишь фиксирует тот факт, что два утверждения не могут одновременно относиться к одной и той же ситуации. В этом, между прочим, состоит суть косвенного доказательства, основанного на принципе *ad absurdum*, когда допускают как гипотезу ложность некоторого положения, а затем выводят из этого противоречие, на основании чего считают допущение ложности неверным. Как пример конфликта утверждений, можно привести моральные правила, одно из которых запрещает ложь, а другое требует повиновения требованиям родителей, вроде формулы «чти отца и мать своих». Достаточно предположить, что родители рекомендуют в какой-то ситуации солгать. Вообще, конфликт норм – случай далеко не редкий, и когда он неизбежен, приходится делать выбор, а значит, ограничивать область применимости, по крайней мере, одного из положений, выбирая из двух зол меньшее.

На самом деле исходные согласованные положения должны быть выражены явным образом в некотором языке, и тогда согласие с ними означает и согласие со смыслом (истолкованием) используемых слов или других значащих выражений. Оба эти соглашения суть необходимые условия для продолжения диалога. Когда обнаруживается несогласие в истолковании терминов, аргументация используется

для устранения несоответствия путем выбора одной из интерпретаций. Таким образом, аргументированный диалог способствует достижению согласия сторон, что, собственно, и является его целью. Сам диалог может служить согласию по поводу фактов или ценностей, в частности моральных (как это описано у Айера в книге «Язык, истина и логика» в гл. 6 «Критика этики и теологии» [Ayer, 1952. P. 102–120]. Это же относится к научным теориям, правовым и теологическим доктринам, в том числе к вопросу о правильном истолковании догматических текстов из разных областей культуры.

При сравнении формальной логики и риторики, доказательных методов и техники аргументации обнаруживается, что логическая демонстрация разворачивается в некоторой замкнутой целостной системе, при построении которой все проблемы истолкования и выбора смыслов уже решены. Наоборот, при аргументации речь идет о положениях, уже принятых участниками диалога, когда сами обсуждаемые позиции сторон не представляют собой в достаточной степени определенных и окончательно установленных истин. Поэтому при аргументации можно подвергать сомнению некоторые из обсуждаемых утверждений, если в этом возникает нужда. Именно поэтому аргументация никогда не является внеличной, механической или законченной, но лишь более или менее сильной или слабой. Ее значимость возникает при сопоставлении порой совершенно противоположных мнений и установок и определяется этим сопоставлением. Логическая демонстрация – это разворачивания содержания единой системы понятий и утверждений, единого концептуального аппарата и согласованной системы утверждений, состоящих из понятий выделенного фрагмента языка, содержащего только термины определенной области знаний. Логическая демонстрация монологична, она направлена на сохранение истинности от посылок к заключению, аргументация же диалогична, состоит из столкновения мнений. Отсюда становится понятным, почему, например, при вынесении приговора третьим лицом или принятии решения самими участниками диалога необходимо предварительно понять позиции сторон для того, чтобы решить вопрос либо на основании процедурных особенностей диалога, либо на основании содержания доводов состоящих сторон. Само решение приводит к совершению лично или публично значимых поступков в соответствующей области деятельности или в обсуждаемой предметной области, в том числе просто к согласованию позиций по разным вопросам – научным, политическим, правовым, этическим, философским или религиозным.

Список литературы / References

- Аристотель.** Толика // Аристотель Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1978. С. 349–351.
- Aristotle.** Topika [Topika]. Compositions: In 4 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1978, p. 349–351. (In Russ.)
- Лакатос И.** Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. М., 1967.
- Lakatos I.** Dokazatelstva i oproverzheniya. Kak dokazyvayutsya teoremy [Proofs and Refutations. How Theorems are Proved]. Moscow, 1967. (In Russ.)
- Лисанюк Е. Н.** Аргументация и убеждение. СПб., 2015.
- Lisanyuk E. N.** Argumentatsiya i ubezhdenie [Reasoning and Persuasion]. St. Petersburg, 2015. (In Russ.)
- Паскаль Б.** Мысли. М., 1995.
- Pascal B.** Mysli [Thoughts]. Moscow, 1995. (In Russ.)
- Шлик М.** О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993. С. 34–36.
- Shlik M.** O fundamente poznaniya [On the Foundation of knowledge]. In: Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty [Analytical Philosophy: Selected Texts]. Moscow, 1993, p. 34–36. (In Russ.)
- Ayer A.** Language, Truth, and Logic. New York, 1952.
- Popper K. R.** Conjectures and refutations. The Growth of Scientific Knowledge. London, 1963; New York, 2002.
- Russell B.** The philosophical importance of mathematical logic. *The Monist*, 1913, vol. 23, p. 481–493.

Материал поступил в редколлегию

Received

22.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Карпович В. Н., Институт философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Valentin N. Karpovich, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kkvvn@gmail.com

УДК 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-17-29

Концепции интенциональности математического дискурса: этапы самореференции

В. В. Целищев, А. В. Хлебалин

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются причины появления интенциональных структур в математическом дискурсе на примере доказательства Второй теоремы Гёделя о неполноте арифметики. Показано, что одной из причин интенциональности является концептуальная структура, включающая переход от строго математических формулировок к их интерпретации. Анализируются три этапа интенциональности – кодирование, конструирование предиката доказуемости и построение самореферентного предложения. Показано, что допустимость на каждом этапе выбора между альтернативами есть источник интенциональности.

Ключевые слова

интенциональность, Вторая теорема Гёделя о неполноте, самореферентность, арифметизация синтаксиса, Гёдель

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00518)

Для цитирования

Целищев В. В., Хлебалин А. В. Концепции интенциональности математического дискурса: этапы самореференции // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 17–29. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-17-29

© В. В. Целищев, А. В. Хлебалин, 2019

Conceptions of Intensionality of Mathematical Discourse: The Stages of Self-reference

V. V. Tselishchev, A. V. Khlebalin

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the reasons for the emergence of intensional structures in mathematical discourse with the example of the proof of the Second Gödel Theorem on the incompleteness of arithmetic. It is shown that one of the reasons for intensionality is the conceptual structure, including the transition from strictly mathematical formulations to their interpretation. Three stages of intensionality are analyzed – coding, constructing a predicate of proof, and constructing a self-reference sentence. It is shown that the choice between the alternatives at each stage is the source of intensionality

Keywords

intensionality, Gödel Second Incompleteness Theorem, self-reference, syntax arithmetization, Gödel

Acknowledgements

The Investigations are supported by Russian Fondation for Fundamental Studies (project no. 19-011-00518)

For citation

Tselishchev V. V., Khlebalin A. V. Conceptions of Intensionality of Mathematical Discourse: The Stages of Self-Reference. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 17–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-17-29

Математический дискурс, по общему признанию, является экстенциональным. Формализация дискурса утверждает это убеждение с непреложностью, присущей строгой логике. Действительно, структура формальной математики, в ее теоретико-множественном виде, представляет собой «двухслойную» конструкцию, в основании которой лежит логика первого порядка, над которой надстроена аксиоматическая система собственно математических структур. В отношении объектов теории множеств важное место занимает, в той или иной форме, аксиома экстенциональности. «Каноническая» логика У. Куайна, запечатленная в афоризме ‘first-order logic is logic enough’ [2008],

в качестве одного из своих краеугольных камней предполагает экстенциональность логики. Эти два обстоятельства, как будто, полностью определяют экстенциональность математики.

Согласно историческим концепциям науки, от Т. Куна [2003] до И. Лакатоса [1995], возникающие в ходе развития научной теории аномалии свидетельствуют о возможном грядущем пересмотре ее базисных концепций. Появление в математике примеров откровенно интенционального толка в определенном смысле можно считать такого рода аномалией. Эти аномалии могут быть незначительными отклонениями, которые легко устраняются концептуальными средствами, но в некоторых случаях они могут иметь более важный характер. Вторая теорема Гёделя о неполноте арифметики является видным результатом метаматематики, имеющим важнейшие следствия как собственно математического толка, так и философских интерпретаций в области программ оснований математики и природы математического мышления. Так что обнаружение интенционального характера Второй теоремы Гёделя, если и считать его аномалией, говорит о необходимости разговора об интенциональности математического дискурса как важной его характеристике.

Как и полагается аномалиям, их возникновение является феноменом, представляющим интерес в контексте методологии науки. Они возникают медленно, как бы нехотя подвергая сомнению устоявшиеся представления. Поскольку такие представления зачастую освящены авторитетом и сопровождаются определенного рода научной мифологией, становление новых идей сопряжено с социологическими обстоятельствами и историческими казусами. В этом смысле Вторая теорема Гёделя является превосходной иллюстрацией этого процесса. Устоявшиеся взгляды на историю метаматематики гласят, что Вторая теорема является следствием Первой теоремы Гёделя о неполноте арифметики; изначальным источником этого убеждения является исторический факт, согласно которому один из немногих математиков, понявших значение результатов Гёделя, Дж. фон Нойман, сразу увидел, что неразрешимым гёделевым предложением Первой теоремы может быть утверждение о непротиворечивости соответствующей формальной системы. Как гласит опять-таки история, когда фон Нойман сообщил о своем соображении Гёделю, тот спокойно ответил ему, что он знает об этом. После этого эпизода, по слухам, фон Нойман потерял интерес к основаниям математики и собственно логике.

Не очень расписываемым в учебной литературе было обстоятельство, о котором как будто все знали, что сам Гёдель никогда не доказывал Второй теоремы, сославшись на то, что доказательство не представит особых трудностей. Однако потребовалось некоторое время, чтобы П. Бернайс осуществил доказательство, в частности для написания второго тома фундаментального труда по основаниям математики [Гильберт, Бернайс, 1982], главным соавтором которого числится Д. Гильберт. Некоторая ирония ситуации заключалась в том, что сам Гильберт не принял результата Гёделя, хотя решающим фактором в доказательстве Второй теоремы явились так называемые правила выводимости Гильберта – Бернайса. Опять-таки, согласно слухам, эти правила явились результатом долгих разговоров Бернайса с Гёделем во время их океанского вояжа на пароходе в Америку. Разработка важных дополнительных средств в виде этих правил свидетельствовала о том, что Вторая теорема не является тривиальным следствием Первой теоремы и претендует на статус отдельного важного результата. Впоследствии Вторая теорема стала популярной как через извлечение ее важных философских следствий, так и через зачастую искажение ее содержания и просто злоупотребления в ходе всякого рода неквалифицированных спекуляций относительно этого содержания [Franzen, 2005]. Однако специфика доказательства Второй теоремы по сравнению с Первой теоремой, ее «аномальный» характер, не стала предметом исследований вплоть до начала 1960-х. В некотором роде это объяснялось спокойствием самого Гёделя, который перешел к другим проблемам, и следованием авторитету, свойственным научному сообществу. К вопросу об особом характере Второй теоремы Гёдель вернулся спустя три десятка лет, будучи давно поглощен скорее философскими, нежели математическими проблемами.

Между тем различие этих двух типов проблем действительно повлияло на то, что привлечение внимания к феномену интенциональности математики в значительной степени запоздало. Объяснение этого факта кроется в различии интересов философски настроенных умов и «технически» ориентированных математиков в отношении к важной проблеме, возникшей в связи с самореферентными конструкциями Гёделя. Так называемое «гёделево» неразрешимое предложение, интерпретируемое как истинное, но не доказуемое, использует идею самореферентности, говоря о себе: «Я не доказуемо». Этот вид лингвистической самореферентности отличен от самореферентности, используемой в Теореме Рекурсии. К. Сморински отмечает:

Наиболее выпуклой особенностью этой противоположности является мизерность [публикаций] первого вида по сравнению с изобилием второго. Как это можно объяснить? Объяснение может быть на многих уровнях. Можно предположить, что формальная лингвистическая самореферентность интересует философски настроенных логиков, а математически ориентированных логиков привлекает функциональная самореферентность, и поскольку математики более заинтересованы в техническом развитии, было бы естественно ожидать большего развития в области Теоремы Рекурсии и соответствующих теоретических обобщениях [Smorynski, 1991. P. 110–111].

В другом месте Сморински выражается по этому поводу более красноречиво:

Моя любимая теория состоит в том, что развитию препятствовала неуверенность перед лицом философских проблем. Как бы то ни было, развитие теории рекурсии также оказало существенное негативное влияние. Во-первых, отчасти благодаря работе Гёделя, быстрое развитие теории рекурсивных функций благодаря Клини отвлекло внимание от лингвистических аспектов теорем о неполноте. (Фрейдистские приверженцы теории неуверенности в себе даже выдвинули бы тезис о том, что это обеспечило «безопасный» выход интереса к неполноте и неразрешимости) [Smorinski, 1981. P. 355].

Как бы то ни было, самореферентность гёделева предложения была выделена самим Гёделем, и тогда остается решить, было ли это выделение простым эвристическим средством для облегчения понимания весьма сложной конструкции, как это считается многими исследователями, или же это была намеренная, как в техническом, так и быденном смысле слова, интерпретация неразрешимого предложения. В первом случае можно считать, что эвристика сослужила плохую роль, поскольку, строго говоря, это не является самореференцией, как опять-таки сейчас считают исследователи, а во втором случае мы имеем дело со скольжением в интенциональность контекста.

Интенциональность обеих теорем Гёделя о неполноте воспринимается многими математиками как вопиющая, обязанная не столько математической практике, сколько метаматематике, в частности, искусственной конструкции Гёделя. Часто указывается на то, что «простая» неразрешимость математического утверждения не имеет прямой связи с гёделевым неразрешимым предложением, утверждающим свою собственную недоказуемость. Идеальным вариантом разреше-

ния этой дилеммы было бы нахождение неразрешимого утверждения из реальной математики, которое было бы не просто аналогом гёделева предложения, и полным его воплощением в математической практике. Среди кандидатов на такое утверждение фигурируют теорема Гудстейна [Goodstein, 1944] и результат Кирби и Париса [Kirby, Paris, 1982], хотя в этом отношении существуют определенные сомнения.

Но если Первая теорема трактует не совсем обычным образом неразрешимость математических утверждений, не впадая в радикальную интенциональность, то гораздо более откровенный интенциональный характер проявляет Вторая теорема Гёделя о неразрешимости утверждения о непротиворечивости формальной системы. При строго экстенциональной семантике Вторая теорема Гёделя окажется ложной, а поскольку эта теорема имеет весьма жесткие следствия относительно громкой Программы Гильберта в основаниях математики, следует исходить из того, что Вторая теорема Гёделя о неполноте является значимым математическим (и не просто метаматематическим) фактом. Самое меньшее, что тут можно сделать, это признать недостаточность экстенциональной семантики. Более сильное утверждение состоит в необходимости интенциональной семантики. В любом случае требуется объяснение феномена интенциональности в математическом дискурсе.

Имеется несколько подходов к объяснению интенциональности гёделевской конструкции. Прежде всего, причиной интенциональности, по Ауэрбаху [Auerbach, 1985], может быть большой зазор между собственно математическим результатом и переводом его на обыденный язык. Это справедливо для обоих результатов о неполноте Гёделя. Д. Ауэрбах начинает свою аргументацию с математической формулировкой результата о неполноте арифметики с системы Робинсона Q , который формулируется так:

- (1) Не существует непротиворечивой полной аксиоматизации расширения Q .

Утверждение (1) является доказуемым математическим результатом.

Понимание этого утверждение связано с некоторого рода переводом, который апеллирует к несколько другой системе концепций, и по общему согласию сообщества логиков, (1) может быть переведено в следующее утверждение:

(2) Любая достаточно сильная формальная система арифметики неполна.

Понимание в данном случае подразумевает, что (2) является «выражением» того, что имеется в виду при утверждении (1). Здесь ключевым термином является «выражение», и тогда обоснованность перевода (1) в (2) зависит от того, в каком смысле (2) «выражает» (1), если они не являются синонимичными: если (1) есть чисто математическое утверждение, то (2) явно не является таковым. Таким образом, мы имеем дело с переходом (или переводом) математического утверждения на язык, не являющийся полностью математическим. Мы полагаем этот перевод верным, а саму схему перевода вполне обоснованной, хотя она связывает математически точное предложение с предложением, в котором точность и определенность математического толка отсутствует. Но именно на такого рода схемах перевода зиждется не только философская интерпретация математических результатов, но и, как было упомянуто ранее, общее понимание математических результатов в более широком контексте.

Сюрприз преподносит такой перевод в случае Второй теоремы о неполноте Гёделя. Ее общее понимание далеко превосходит по значимости в этом более широком контексте математическую формулировку. Действительно, «пользователям» математической логики хорошо известен результат о невозможности доказательства непротиворечивости формальной системы средствами самой системы. Чуть более аккуратно это явно не чисто математическое положение имеет следующий вид:

(3) Если T есть достаточно сильная формальная система арифметики, тогда любое предложение в T , говорящее, что T непротиворечиво, не выводимо в T .

Но что в данном случае может служить аналогом утверждения (1) для поддержки (2)? Очевидно, им должна стать Вторая теорема о неполноте, выполняющая роль исходного утверждения при переводе в (3). Но в данном случае, это не будет тривиальным переводом, поскольку (3) не будет достаточно тривиальным следствием Второй теоремы, в отличие от случая Первой теоремы.

Требуется основания для того, чтобы считать (3) толкованием, или интерпретацией Второй теоремы. Схема перевода Второй теоремы в (3), как оказалось, требует особого внимания в виде формулировки дополнительных посылок. Природа этих посылок выявляется раз-

личием Первой и Второй теорем о неполноте. Схемы перевода в обоих случаях разные, и интенциональная природа Второй теоремы проявляется по контрасту с Первой теоремой. Первая теорема Гёделя была доказана им путем арифметизации метатеоретического утверждения, провозглашающего свою собственную недоказуемость. Вторая теорема говорит об еще одном недоказуемом утверждении, которое есть арифметизация метатеоретического утверждения непротиворечивости системы.

Философское различие двух теорем ввел С. Феферман [Feferman, 1960]. Его различие (именно он ввел термины «интенциональное» и «экстенциональное» при прочтении теорем) касалось не собственно теорем, а того, как они переводились на обыденный язык. Если Первая теорема не представляла особых проблем в этом отношении, то понимание Второй теоремы этим образом неявно подразумевало, с его точки зрения, комплекс предположений о природе техник арифметизации.

Таким образом, помимо самой идеи перевода, источником интенциональности оказалась гёделева техника арифметизации. Впрочем, эти два источника оказываются одинаковыми по духу, потому что арифметизация вносит те усложнения в перевод, которые и делают его источником интенциональности. Действительно, арифметизация является полезным способом конструирования предложений с желаемыми условиями доказуемости, но при этом не нужно думать, что математическая формула означает ту же вещь, что и предложение, которое она арифметизирует.

Каковы основные ингредиенты интенциональности, привносимые процедурой арифметизации? В. Холбах и А. Виссер говорят о трех источниках интенциональности, которые взаимозависимы, будучи стадиями одного и того же процесса арифметизации: кодирования предложений языка числами, определения формулы для выражения определенного свойства и, наконец, конструирования из этой формулы самореферентного предложения [Halbach, Visser, 2014]. На каждой стадии делается выбор, который определяет выбор на остальных стадиях. Именно здесь появляется интенциональность: если различный выбор приводит к разным результатам, и конструирование самореферентного предложения при соответствующем выборе должно осуществляться с осторожностью, тогда это уже не произвольная процедура, а процедура с «умyslom». Другими словами, она не сводится к чисто экстенциональным операциям, а является интенциональной.

Какого рода осторожность тут имеется в виду? Кодирование должно быть удачным в том смысле, что от выбранного варианта зависит то, будет ли арифметическая формула приписывать синтаксическое свойство самой себе. Мало того, удачный выбор кодирования позволяет обойти сложности конструирования самореферентного предложения, поскольку диагонализация, необходимая для этого, уже встроена в схему кодирования. Ясно, что удачный выбор не есть чисто технический трюк, поскольку предусматривает получение именно нужного результата. Холбах и Виссер делают любопытное замечание о целенаправленности выбора, замечая:

Ведет ли такой способ кодирования к подлинно самореферентным утверждениям, есть другой деликатный вопрос [Halbach, Visser, 2014. P. 674].

Это замечание призвано подчеркнуть, с нашей точки зрения, интенциональность самой процедуры кодирования.

Что касается второй стадии интенциональности, то тут поднимается тонкий вопрос, что означает выражение арифметической формулой определенного синтаксического свойства. В данной статье мы не обсуждаем эту тему; отметим только, что попытки Г. Крайзеля [Kreisel, 1953] дать экстенциональное определение этого понятия не считается многими исследователями удовлетворительным, и потому интенциональность понятия выражения является в определенной степени вынужденным шагом.

Третий этап интенциональности, конструирование самореферентного предложения, которое канонизировано гёделевским диагональным методом, выражается в том, что и здесь надо проявлять осторожность, преследуя получение подлинной самореферентности. Общий метод не дает уверенности в этом, хотя и тиражирован во многих книгах примерами гёделевых предложений. Как показано в работах П. Милна [Milne, 2007] и Р. Хека [Heck, 2007], некоторые гёделевы предложения не говорят о том, что они не доказуемы.

Таким образом, получение предложения, приписывающего определенное свойство самому себе, предполагает интенциональность процедуры.

Ни один из трех этапов не дает однозначного ответа: есть много различных способов Гёделевского кодирования; если задан некоторый из них, каждое свойство, которое может быть вообще выражено некоторой формулой, может быть выражено многими другими

формулами; и если задано кодирование и свойство, выражаемое формулой, могут быть сконструированы различные неподвижные точки такие, что свойство неподвижных точек доказуемо в теории [Halbach, Visser, 2014. P. 679].

Последнее замечание в этой цитате заслуживает комментария. Не разрешимые предложения, одно из которых было получено Гёделем в виде искусной конструкции, в настоящее время получаются в изобилии техникой неподвижных точек. И само это разнообразие говорит в пользу интенционального характера результатов о неполноте. Следует все же добавить замечание о различном характере интенциональности Первой и Второй теорем: чтобы показать, что арифметическая система неполна, требуется только нумерически правильная арифметизация, но чтобы показать, что система, если она непротиворечива, не может доказать свою непротиворечивость, арифметизация должна быть интенционально корректной.

Упомянутое выше разнообразие формул, выражающих свойство, может быть проиллюстрировано различными способами выражения свойства непротиворечивости в связи с доказательством Второй теоремы [Giaquinto, 2002. P. 196–198].

Как известно, гёделевская конструкция имеет дело с предикатом доказуемости $\text{Pr}(x, y)$, который представляет синтаксическое отношение « x есть выводение y ». Тогда непротиворечивость системы T можно выразить формулой $\text{CON}_T \equiv_{\text{df}} \forall y \neg [\text{Pr}(x, \ulcorner 0=0 \urcorner)]$, где $\ulcorner A \urcorner$ есть гёделев номер A .

Интенциональность конструкции состоит в том, что предикат доказуемости должен быть интенционально корректным, поскольку он должен выражать соответствующие синтаксические предикаты. Различие экстенционального и интенционального здесь состоит в следующем. Пусть мы имеем предикат $A(x)$ (для аксиом) такой, что

$A_T(n)$ выводимо в теории T , если и только если « n » есть аксиома T ,
где « n » есть цифра для n , которая есть синтаксический кодируемый объект.

Аналогично строится предикат:

$\text{Pr}_T(n, m)$ выводим в T , если и только если « n » есть T -выведение « m ».

При таких условиях можно сконструировать предикат $A_T^*(x)$ такой, что он будет коэкстенционален предикату $A_T(x)$, но интенционально отличный от него. В то время как $A_T(x)$ выражает, что x кодирует ак-

сиомы T , $A_T^*(x)$ выражает, что x кодирует аксиомы T (и в дополнение к этому), что для любого предложения код y не больше кода x , а аксиомы T с кодами не больше y образуют непротиворечивое множество. Это вполне естественные «добавления». Если T непротиворечиво, $A_T(x)$ и $A_T^*(x)$ равнообъемны, или коэкстенсивны.

Используя коэкстенсивность этих предикатов, вполне допустимо сконструировать предикат $Pr^*(x, y)$ для представления отношения T -выводимости и затем использовать его для конструирования CON_T^* . Как показал Феферман, CON_T^* выводимо в T [Feferman, 1960. Р. 68–69]. Феферман полагает, что это не есть нарушение Второй теоремы о неполноте, аргументируя, что CON_T^* не является выражением утверждения о непротиворечивости T . Но такая аргументация опирается на намерение (Гёделя) выбрать именно правильный предикат, и значит, опирается на интенциональность в подборе предиката.

Ситуация с интенциональностью упирается в выразительные средства соответствующего языка при взаимодействии с пониманием роли перевода. В этом смысле представляет интерес интерпретация того, как Феферман избегает заключения о нарушении Второй теоремы о неполноте:

Согласно Феферману, когда спрашивают, может ли теория T доказать свою собственную непротиворечивость, хотя бы узнать, есть ли предложение, распознаваемое в T как утверждение о непротиворечивости T , которое может быть доказано в T . Он заявляет, что анализ Второй теоремы Гёделя (для, по крайней мере, наиболее непротиворечивых арифметических систем T) показывает, что ответ на этот вопрос отрицательный. Следовательно, ни одна теорема T не может быть понята как утверждение о непротиворечивости T . В частности, если арифметизация некоторой формулировки непротиворечивости T есть теорема T , тогда ресурсы T неадекватны для определения того, что эта теорема есть утверждение о непротиворечивости T .

Феферман не аргументирует эту точку зрения, полагая ее ясной. Если некоторое доказательство непротиворечивости T может быть формализовано как T -доказательство арифметизации непротиворечивости T , но T не видит доказанную формулу в качестве утверждения собственной непротиворечивости, тогда неверно будет описывать эту ситуацию как то, что T доказывает свою собственную непротиворечивость. Можно сказать, что есть доказательство в T формулы, которая арифметизирует непротиворечивость T , но нет доказательства в T непротиворечивости T (Эдип знает, что по возвращению от Оракула он убьет невооруженного короля Фив, но пока прорицатель Тересий позднее не раскроет важ-

нейшее тождество, он не узнает, что подтвердил пророчество, убив своего собственного отца) [Franks, 2009. P. 110–111].

Таким образом, проблема интенциональности поднимает более общие вопросы, чем проблемы кодирования. Гёдель в конце жизни обратился к этой проблеме, назвав свое решение «наиболее общим и лучшим». Но его аргументация поднимает еще более общие вопросы, которые апеллируют к его общему философскому мировоззрению.

Список литературы / References

- Гильберт Д., Бернайс П.** Основания математики. М.: Наука, 1982. Т. 2: Теория доказательств.
- Hilbert D., Bernays P.** Osnovaniya matematiki [Foundations of Mathematics]. Moscow, Nauka, 1982, vol. 2. (In Russ.)
- Куайн У.** Философия логики. М.: Канон+, 2008.
- Quine W. V.** Filosofiya logiki [Philosophy of Logic]. Moscow, Kanon+ Publ., 2008. (In Russ.)
- Кун Т.** Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Kuhn T.** Struktura nauchnykh revolyutsii [Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST Publ., 2003. (In Russ.)
- Лакатос И.** Фальсификация и методология программ научного исследования. М.: Медиум, 1995.
- Lakatos I.** Falsifikatsiya i metodologiya program nauchnogo issledovaniya [Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes]. Moscow, Medium Publ., 1995. (In Russ.)
- Auerbach D.** Intensionality and the Gödel Theorems. *Philosophical Studies*, 1985, vol. 48, p. 337–351.
- Feferman S.** Arithmetization of Metamathematics in General Setting. *Fundamenta Mathematica*, 1960, vol. 49, p. 37–92.
- Franks C.** The Autonomy of Mathematical Knowledge: Hilbert's Program Revisited. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2009.
- Franzen T.** Gödel's Theorem. An Incomplete Guide to Its Use and Abuse. Wellesley, A.K. Peters, 2005.
- Goodstein R.** On the restricted ordinal theorem. *Journal of Symbolic Logic*, 1944, vol. 9, p. 33–41.
- Halbach V., Visser A.** Self-Reference in Arithmetic I. *The Review of Symbolic Logic*, 2014, vol. 7, no. 4, p. 671–691.

- Heck R.** Self-reference and the languages of arithmetic. *Philosophia Mathematica*, 2007, vol. 15, p. 1–29.
- Kirby L., Paris J.** Accessible independence results for Peano arithmetic. *Bulletin London Mathematical Society*, 1982, vol. 14, p. 285–293.
- Kreisel G.** On a problem of Henkin's. *Indagationes Mathematicae*, 1953, vol. 15, p. 405–406.
- Milne P.** On Gödel Sentences and What They Say. *Philosophia Mathematica*, 2007, vol. 15, p. 193–226.
- Smorynski C.** Fifty Years of Self-Reference in Arithmetic. *Notre Dame Journal of Formal Logic*, 1981, vol. 22, no. 4. October, p. 357–374.
- Smorynski C.** The Development of Self-Reference: Lob's Theorem. In: *Perspectives on the History of Mathematical Logic*. Drucker T. (ed.). Berlin, Birkhäuser, 1991, p. 110–133.

Материал поступил в редколлегию

Received

27.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Authors

Целищев В. В., Институт философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vitaly V. Tselishchev, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kkvvnn@gmail.com

Хлебалин А. В., Институт философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexander V. Khlebalin, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sasha_khl@mail.ru

УДК 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-30-41

Проблема эпистемического разногласия в социальной эпистемологии

Д. К. Маслов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается проблема эпистемологического разногласия в рамках социальной эпистемологии, в частности условия осмысленного разногласия (равная обоснованность противоречащих мнений), на фоне чего дается критика некоторых способов аргументационного «притягивания за уши» сторонами в споре. В результате мы приходим к выводу об эпистемической иррелевантности таких способов, а также указываем на существенный недостаток вероятностного подхода в социальной эпистемологии – смешение эпистемической и практической рациональности.

Ключевые слова

социальная эпистемология, эпистемология разногласия, точка зрения равновесия, байесовская эпистемология, эпистемическое «притягивание за уши»

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 18-78-10082)

Для цитирования

Маслов Д. К. Проблема эпистемического разногласия в социальной эпистемологии // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 30–41. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-30-41

© Д. К. Маслов, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

Epistemic Disagreement in Social Epistemology

D. K. Maslov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article presents the problem of epistemic disagreement as part of social epistemology, particularly considering the conditions of rational disagreement (equal weight view). Against this background some versions of epistemic “bootstrapping” are addressed that serve to give advantage to one of the disputing parties. As a result, a conclusion is drawn that the kinds of bootstrapping portrayed are epistemically irrelevant, which also casts doubt on Bayesian epistemology, for it mixes two different types of rational decision making – practical and epistemic.

Keywords

social epistemology, epistemology of disagreement, Bayesian epistemology, equal weight view, bootstrapping

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation (project no. 18-78-10082)

For citation

Maslov D. K. Epistemic Disagreement in Social Epistemology. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 30–41. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-30-41

Проблематика современной эпистемологии во многом была определена под влиянием статьи Геттиера, в которой он использовал в качестве предмета своей критики определение знания как обоснованного истинного мнения (*justified true belief*). Критика Геттиера во многом определила отход от прояснения понятия знания к обсуждению условий обоснованности мнения, так что обоснованное мнение неявно заняло место концепта знания [Williamson, 2000. P. 184]. «Мнение» понимается двояко. Некоторые эпистемологи выделяют минимальный набор возможных доксических установок по отношению к пропозиции: познающий агент может полагать пропозицию истинной, ложной или воздерживаться от суждения об ее истинности (например, Р. Фелдман с «*all-or-nothing view*», когда мнение может быть или ложным, или истинным). С другой стороны, широкое распространение

в современной эпистемологии получило понимание мнения как эпистемической единицы с различной степенью уверенности, вкладываемой в нее. Так, в зависимости от условий, степень уверенности в мнении может различаться по шкале от 0 до 1, где 0 – это полагание пропозиции ложной, а 1 – истинной. Между этими экстремумами располагается множество иных, промежуточных вариантов. В частности, это такое понимание получило новую волну поддержки благодаря популярному направлению эпистемологического байесианства. В рамках этого направления применяются вероятностные подходы к определению степени достоверности мнений (в рамках социальной эпистемологии этот подход к мнению разделяют такие авторы, как Д. Кристенсен и А. Эльга) [Lackie, 2010. Р. 301]. Степень поддержки мнения (полагания его истинным) опирается на формальный аппарат, применяемый к индуктивной логике, а также на прагматический аспект самоопровержения, рассматривающий принятие эпистемических решений с точки зрения теоретико-игровой рациональности, причем степень поддержки мнения рассматривается как ставка в игре. Соответственно, такой подход в эпистемологии стремится получить эпистемический «выигрыш» в виде определения наиболее вероятных мнений¹.

Достоверность мнения как доксической установки определяется степенью ее обоснованности, т. е. зависит от силы оснований в пользу признания пропозиции истинной / ложной, или определения вероятности ее истинности. В этом отношении центральную роль играет понятие «evidence». Этот термин не имеет четкого аналога в русском языке, поскольку в зависимости от контекста слово можно переводить как «доказательство», «свидетельство», «подтверждение», «основание», «показание», «улика» и т. д. [Бутаков, 2018. С. 681–682]. Ситуация осложняется, когда речь заходит о таком виде evidence, как testimonial evidence, т. е. «сведения / свидетельства очевидца» (также существует вариант «свидетельские показания» (см.: [Греко, 2017])). Для удобства мы будем переводить «evidence» как «свидетельство», однако следует держать в уме всю многозначность этого термина. Свидетельство может пониматься достаточно широко: традиционно свидетельства сводились к чувственным восприятиям, однако сегод-

¹ При описании этого направления мы опираемся на интерпретацию Тэлботта, а не предлагаем свое понимание байесианства. Это направление набирает все больший вес в зарубежной эпистемологии, в том числе социальной, что послужило причиной его упоминания. См. *Talbott W. Bayesian Epistemology*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/epistemology-bayesian/>. 2008.

ня принято допускать существование свидетельств высших порядков, т. е. свидетельства рассматриваются в том числе и как внеэмпирические сущности. Определяющим для понятия «evidence» является признак очевидности, несомненности, на что указывает и этимология: с лат. *evidens* означает ‘явный, очевидный’ [Бутаков, 2018. С. 681], именно это качество обуславливает эпистемическую роль свидетельства в обосновании. Свидетельством являются эпистемические сущности, выполняющие функцию обоснования, которые могут являться высказываниями, чувственным опытом, свидетельством других людей и т. д., т. е. все то, что в состоянии повлиять на наше эпистемическое решение в пользу признания того или иного мнения обоснованным.

Исходя из роли свидетельства в обосновании, оформилось целое направление в эпистемологии, именуемое «эвиденциализм». Последователи этого направления полагают свидетельства единственным источником обоснованности мнений и ставят степень обоснованности в прямую зависимость от степени поддержки мнения свидетельством (или силы того или иного свидетельства). Классическим выражением эвиденциализма принято считать высказывание У. Клиффорда в его работе «Этика веры» (*The Ethics of belief*, 1877): «Никто нигде и никогда не должен верить во что бы то ни было при недостаточном подтверждении (*insufficient evidence*)» (цит. по: [Бутаков, 2018. С. 681]). Ведущими современными проponentами эвиденциализма считаются Э. Кони и Р. Фелдман, и согласно этой позиции обладание свидетельством полностью определяет обоснованность мнения. Они полагают, что нормативные эпистемические факты супервентны по отношению к фактам о свидетельствах. Тем самым эпистемические нормы понимаются как возникающие из фактов о наличии тех или иных свидетельств в пользу того или иного мнения [Coney, Feldman, 2004. P. 1, 84]. Т. Уильямсон идет дальше и предлагает уравнивать знание и обладание свидетельством по формуле *Evidence = Knowledge*. Обоснованное мнение не является знанием, однако то, что делает мнение обоснованным, является знанием, следовательно, свидетельство и является знанием [Williamson, 2000. P. 184–185]. Эпистемология свидетельства исследует рациональность доксических установок в зависимости от обладания тем или иным видом свидетельств в тех или иных условиях.

В последние два десятилетия четко обозначился тренд, оформляющийся в отдельную субдисциплину под наименованием «социальная эпистемология». В отличие от сконцентрированной на единичном

познающем агенте, предметом социальной эпистемологии является обоснованность доксических установок познающего агента не только на основании собственных свидетельств, но также в связи с относящимися к делу установками другого познающего агента, которые также являются свидетельствами. Другими словами, в игру вступает социальный, дискуссионный или, если воспользоваться иным термином, диалектический момент [Lammenranta, 2011; Goldman, 2010. Р. 12]. Обоснованность в рамках социальной эпистемологии понимается как производная от обладания свидетельством. Однако, по сравнению с традиционной эпистемологией, проблематика социальной эпистемологии усложняется и дополняется задачей определения рациональных стратегий принятия доксической установки ввиду противоречащих доксических установок других познающих агентов. В этом отношении Р. Фелдман придерживается лозунга «evidence of evidence is evidence», т. е. «свидетельство о свидетельстве также является свидетельством», А. Голдман говорит о «социальном свидетельстве» [Goldman, 2011. Р. 14–15]. Мнение другого познающего агента также является свидетельством (среди прочих *видов* свидетельств) и может быть опровержением (defeater) исходного мнения познающего агента². Мы не сомневаемся в обоснованности мнения другого человека, когда он располагает свидетельством о чем-либо, а мы нет, соответственно мнение человека, располагающего свидетельством, является свидетельством для обоснования нашего собственного мнения. Такая картина представляется рациональной, поскольку социальные свидетельства выполняют функцию обоснования мнений.

Однако возникает проблема определения лучшего кандидата среди мнений в ситуациях разногласия в мнениях познающих агентов. В рамках традиционной эпистемологии наличие противоречащих мнений решается отсылкой к разрешающему вопросу свидетельству. Согласно тезису эвиденциализма, одно и то же свидетельство не может обосновывать два различных мнения, поскольку один набор свидетельств должен приводить к единственной возможной доксической установке [Sosa, 2010. Р. 278]. Тем самым свидетельства должны однозначно решать вопрос в пользу того или иного мнения и исклю-

² Говоря о свидетельствах очевидцев, Голдман указывает на редукционистскую стратегию Юма, сводящего свидетельства очевидцев к опыту, памяти и индукции, которые и обеспечивают функцию обоснования мнения, а также на антиредукционизм Томаса Рида, который полагал свидетельства очевидцев самостоятельным и несводимым к другим видам свидетельств источником обоснования [Goldman, 2011. Р. 15; Lackey, 2011. Р. 73–75].

чать разногласие, благодаря чему свидетельства и могут выполнять свою эпистемическую функцию. Однако эпистемологическую идиллию традиционного эвиденциализма нарушают частые фактические исключения из этого правила и разногласие по многим вопросам является скорее правилом, чем наоборот. Традиционная эпистемология склонна видеть в фактических ситуациях противоречия ошибку в рассуждениях одной из сторон или нехватку свидетельств, поскольку при полном раскрытии всех релевантных свидетельств (*full disclosure*) рациональное разногласие должно быть невозможно.

В свою очередь, социальная эпистемология заинтересована в определении рациональных доксических стратегий ввиду мнений других познающих агентов как полноправных свидетельств. Проблема состоит в следующем. Предполагается, что всякий познающий агент следует этике принятия мнений в духе эвиденциализма и основывает свои убеждения на свидетельстве, в результате чего возникает конкуренция среди свидетельств. Насколько мнение другого агента как свидетельство может заслуживать внимания при столкновении с нашим собственным свидетельством? Отсюда вытекает вопрос: возможно ли рациональное, эпистемически интересное и значимое разногласие?

Одни эпистемологи отрицают такую возможность, в то время как другие допускают ее. Противники опираются на тезис уникальности и полагают, что для каждого разногласия существует возможность его разрешения в пользу одной из сторон после выяснения всех релевантных свидетельств [Lackey, 2010. P. 301]³. Сторонники указывают случаи, при которых разногласие может быть разрешено, и полагают их эпистемически неинтересными. В отношении этой ситуации для наличия рационального разногласия требуется выполнение ряда условий (см.: [Ribeiro, 2011]).

Речь идет о так называемом «эпистемическом равенстве» (*epistemic peerhood*) и равной обоснованности двух мнений (*equal weight view*). Эпистемически равные агенты определяются с точки зрения когнитивных способностей познающих агентов (умный / глупый), уровня подготовки и / или образования (ученый / неуч, эксперт / дилетант), использования надежных / ненадежных методов обоснования убеждения (следование логическим, техническим и т. д. правилам), должного уровня состояния сознания (бодрость, внимательность, трез-

³ Примечательно, что Э. Соса полагает тезис о полном раскрытии не имеющим большого значения, поскольку раскрытие практически не встречается [Sosa, 2010].

вость и пр.) при формировании мнения и т. д. При отсутствии одного из условий познающие агенты не будут являться равными, и, следовательно, проблема рационального разногласия не будет актуальной. В таком случае одному из противоречащих мнений следует отдать предпочтение на основании свидетельств, и спор может быть разрешен благодаря устранению причины неравенства: обучению, информированию, указанию на ошибку в рассуждении и т. д. Иными словами, свидетельства одной из сторон отвергаются как неадекватные или нерелевантные, и дальнейшая поддержка такого мнения будет неразумной. Эпистемическое равенство в суждениях приводит к ситуации равной обоснованности, весомости противоречащих мнений (*equal weight view*), т. е. рационального разногласия. Предметом исследовательского внимания стали условия возможности равной обоснованности расходящихся мнений, а также эпистемическое поведение в таких ситуациях.

В указанных обстоятельствах равновесия авторы, принимающие точку зрения множества возможных по степени поддержки мнений, предлагают различные варианты для нарушения равновесия в пользу одной из сторон, т. е. придания дополнительной убедительности собственному мнению. В литературе такие попытки получили наименование «*bootstrapping*», что можно по смыслу понимать как попытки привлечения дополнительных обстоятельств для придания собственному мнению больший вес. Переведем этот термин как «притягивание за уши». В частности, среди прочих выдвигаются такие принципы, как доверие к самому себе (*self-trust*), принцип правильности мнения в силу правильных оснований (*right-reasons view*) и принцип учета верных эпистемических решений в прошлом (*track-record*) [Lackey, 2010. Р. 299–300; Elga, 2011. Р. 166; Pritchard, 2012]. Принцип доверия к себе предполагает доверие к *собственному* когнитивному решению (при столкновении с другим мнением) именно в той мере, в какой оно собственное. Психологически такое действие понятно и фактически встречается довольно часто, однако эпистемологически этот принцип не выглядит внушающим доверие по многим причинам, прежде всего поскольку принадлежность мнения не является решающим основанием в условиях эпистемического равенства агентов. Если в дискуссии один оппонент представит аргумент в виде высказывания «я верю в это, потому что я в это верю», то такой аргумент будет равняться простому утверждению и не будет убедителен. Более того, если представить двух познающих агентов, следующих этому принципу, то каждый из них будет придерживаться собственного мнения ввиду разногласия, однако такое эпистеми-

ческое поведение не представляется рационально обоснованным, поскольку проблема разногласия, в сущности, игнорируется, что легко может привести к принятию ошибочного мнения. Нерационально не учитывать противоречащие мнения только на том основании, что они принадлежат другим, для этого требуется нахождение решающего аргумента или вскрытие ошибки оппонента. Поэтому этот принцип не привносит никакого когнитивного содержания в аргументацию и лишен рациональной убедительной силы. Аналогично обстоит дело с принципом правильности. Он предполагает, что нужно принять собственное мнение, потому что оно *правильно*, иными словами, потому что есть правильные основания в пользу этого мнения. В данном случае аргумент не срабатывает, поскольку факт разногласия предполагает, что оппонент также считает свои аргументы правильными. В этом отношении одно утверждение противостоит другому, следовательно, ни одно из них не может быть выбрано как лучше обоснованное. Психологически такой аргумент может иметь силу для обладателя аргумента, что может привести к ситуации, когда стороны останутся при своем и рациональная дискуссия закончится, тем самым мнение оппонента как возможно верное свидетельство будет проигнорировано. Наконец, последний принцип предлагает опираться на учет эпистемической истории вынесенных правильных и неправильных суждений. С точки зрения здравого смысла это решение кажется верным, поскольку шансы говорят в пользу того, что тот, кто чаще оказывался прав, будет прав и в следующий раз. Однако, эпистемически (если эпистемология все-таки отличается от здравого смысла и эпистемической привычки), это мнение не будет более обоснованным *заранее*, чем противоположное, поскольку каждый следующий раз шансы высказать истинное мнение равны (при условии эпистемического равенства). Иначе говоря, такой учет прошлых эпистемических достижений не гарантирует, что именно в этот раз тот, кто чаще оказывался прав в прошлом, окажется прав снова, поскольку каждый последующий раз этот агент может ошибиться и невозможно предсказать заранее, когда это случится.

Такие способы увеличения обоснованности мнения могут комбинироваться и выступать в качестве убедительного свидетельства при принятии решений. Люди склонны доверять тем, чье мнение оказывается правильным в большинстве случаев, особенно если это относится к нам самим в качестве познающих агентов. В этом отношении социальная эпистемология предлагает описание тех эпистемических привычек, которыми люди руководствуются в повседневных ситуациях принятия решений, однако, как представляется, между

эпистемическими привычкой и рациональностью существует разрыв. В качестве примера могут служить различного рода неформальные ошибки и направляющие познание предубеждения, описание которых можно встретить в учебниках логики и работах по нейроэкономике. Тем самым эти способы увеличения обоснованности относятся скорее не к эпистемологии, а к психологии принятия эпистемических решений.

Это приводит нас к следующему важному обстоятельству. Представленные способы усиления аргументативной позиции не являются эпистемически релевантными, однако они описывают фактические установки людей, причем прежде всего в условиях принятия решений в *прагматическом* контексте. При необходимости принять решение для действия вышеперечисленные доводы имеют смысл и фактически направляют наше суждение в ситуации недостатка решающих свидетельств в условиях *необходимости* принятия решения для дальнейшего *действия*. Часто упоминаемый в зарубежной литературе пример разногласия описывает ситуацию, когда приятелям нужно оплатить счет в ресторане и возникает разногласие о том, кто и сколько должен заплатить. Этот пример имеет непосредственное практическое значение. «Притягивание за уши» имеет смысл и оправдание в рамках эпистемологического байесианства, которое опирается на вероятностный подход в совокупности с прагматизмом в смысле теоретико-игровой рациональности принятия решений, что позволяет распределять вероятность истинности между спорящими мнениями. Поэтому всевозможные способы увеличения обоснованности не будут иметь силы с точки зрения противников байесианства, придерживающихся точки зрения минимального набора доксических установок, о которой мы говорили в начале статьи, поскольку эти способы не способны устранить разногласие, но только лишь психологически подкрепляют уверенность одного из агентов в собственной правоте. Более того, из вышесказанного мы полагаем, что слабость эпистемологического байесианства состоит в смешении прагматических и эпистемических контекстов, когда принятие решений в вопросах познания уравнивается с принятием решений с теоретико-игровой точки зрения расчета правильности. Дж. Декер указал на это существенное обстоятельство с помощью примера, когда человека заставляют признать истинность некоторого мнения под страхом насилия [Decker, 2012. Р. 761]. Например, с прагматической точки зрения будет разумным согласиться с мнением тех, кто угрожает нашему здоровью для сохранения здоровья и жизни, или же признать нечто истинным после длительного насильственного воздействия. Иными словами, ос-

нования для эпистемических и прагматических суждений отличаются. Принятое под страхом угрозы (или наоборот, в расчете на прямую материальную выгоду) решение не имеет *эпистемических* оснований и тем самым идет вразрез с эвиденциалистской этикой убеждения, если мы понимаем свидетельство как свидетельство в пользу признания некой пропозиции истинной, а не *только лишь* основание для совершения того или иного действия. Практические и эпистемологические контексты пересекаются, вследствие чего свидетельства могут иметь силу в обоих контекстах, однако такие контексты не являются идентичными. К примеру, возможно с эпистемической точки зрения сомневаться в истинности некоторой пропозиции и, тем не менее, поступать так, как если бы это мнение было истинным. Вопрос о существовании бога является ярким примером эпистемологически нерешенной проблемы, когда достаточные свидетельства в пользу одной из сторон отсутствуют. В частности, если обратиться к кантианской аргументации, то существование, равно как и несуществование внеэмпирических сущностей, находится вне пределов доказательства, а значит, и возможного *знания*. Однако с точки зрения полезности веры в бога имеется *практическое* основание в виде надежды на последующее воздаяние, а также психологический комфорт и чувство защищенности и т. д.

Таким образом, с точки зрения *прагматической* компоненты в байесианской аргументации наблюдается смешение практических и эпистемических контекстов, когда практически желательное или выгодное мнение на основании желательности (потому что оно *мое* или представляется *правильным*) понимается как верное с большей степенью вероятности. Это может приводить к необоснованным ходам в рассуждениях, когда не имеющие отношения к делу свидетельства могут приниматься за достаточные основания для принятия того или иного мнения. Эпистемология разногласия сохраняет свою значимость ввиду попыток придания большего веса собственному мнению.

Список литературы / References

- Бутаков П. А. Платон, эвиденциализм и JTB // SCHOLH. 2018. Вып. 12. № 2. С. 669–685.
Butakov P. A. Platon, evidentsializm i JTB [Plato, Evidentialism and JTB]. SCHOLH, 2018, vol. 12, no. 2, p. 669–685. (In Russ.)

- Греко Дж.** Свидетельство и передача религиозного знания // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53, № 3. С. 17–45.
- Greko J.** Svidetelstvo i peredacha religioznogo znaniya [Evidence and testimony of religious knowledge]. *Jepistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2017, vol. 53, no. 3, p. 17–45. (In Russ.)
- Coney E., Feldman R.** Evidentialism. Essays in Epistemology. New York, Oxford Uni. Press, 2004. 321 p.
- Decker J.** Disagreement, evidence, and agnosticism. *Synthese*, 2012, vol. 187, no. 2, p. 753–783.
- Elga A.** Reflection and Disagreement. In: Goldman A., Whitcomb D. (eds.). Social epistemology. Essential readings. New York, Oxford Uni. Press, 2011, p. 158–182.
- Goldman A.** A Guide to Social Epistemology. In: Goldman A., Whitcomb D. (eds.). Social epistemology. Essential readings. New York, Oxford Uni. Press, 2011, p. 11–37.
- Goldman A.** Why Social Epistemology is Real Epistemology. In: Haddock A., Millar A., Pritchard D. (eds.). Social epistemology. New York, Oxford Uni. Press, 2010, p. 1–28.
- Lackey J.** A Justificationist View of Disagreement's Epistemic Significance. Social epistemology. In: Haddock A., Millar A., Pritchard D. (eds.). New York, Oxford Uni. Press, 2010, p. 298–325.
- Lackey J.** Testimony: Acquiring Knowledge from Others. In: Goldman A., Whitcomb D. (eds.). Social epistemology. Essential readings. New York, Oxford Uni. Press, 2011, p. 71–91.
- Lammenranta M.** Scepticism and Disagreement. In: Machuca D. (ed.). Pyhrronism in ancient modern and contemporary philosophy. Dordrecht, Springer, 2011, p. 203–215.
- Pritchard D.** Disagreement, Scepticism and Track-Record argument. In: Machuca D. (ed.). Disagreement and Scepticism. New York, Routledge, 2012, p. 150–168.
- Ribeiro B.** Philosophy and Disagreement. *Crítica: Revista Hispanoamericana de Filosofía*, 2011, vol. 43, no. 127, p. 3–25.
- Sosa E.** Philosophy and Disagreement. In: Haddock A., Millar A., Pritchard D. (eds.). Social epistemology. New York, Oxford Uni. Press, 2010, p. 278–297.
- Williamson T.** Knowledge and Its Limits. Oxford, Oxford Uni. Press, 2000.

Материал поступил в редколлегию

Received

17.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Маслов Денис Константинович, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Denis K. Maslov, junior researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAN (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

denn.maslov@gmail.com

УДК 101.1

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-42-53

Философские аспекты русской модели управления

В. С. Диев

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Проблема формирования русской модели управления, является междисциплинарной, она требует привлечения целого спектра подходов, разработанных в различных отраслях знаний. Философия управления призвана служить общим концептуальным и междисциплинарным основанием, обеспечивающим целостное восприятие и понимание феномена управления. Она позволяет рассматривать этот феномен как единство науки, практики и искусства. Среди аксиологических проблем философии управления центральное место занимают проблемы организационной культуры. Для понимания этого феномена необходима совокупность базовых представлений о природе человека, смысле и форме деятельности, социальной реальности, взаимоотношениях с внешней средой, природе человеческих взаимоотношений и др. Такое представление об организационной культуре может быть сформировано только при философском подходе, который позволяет реализовать интегрирующую функцию философии. Показано, что выбор ценностей патернализма и безопасности в качестве приоритетных будет в ближайшее время определять развитие русской организационной культуры.

Ключевые слова

общество, организация, модель, рациональность, принятие решений, культура, ценности, методология, неопределенность, риск

Для цитирования

Диев В. С. Философские аспекты русской модели управления // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 42–53. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-42-53

© В. С. Диев, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

Philosophical Aspects of the Russian Model of Management

V. S. Diev

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The problem of the formation of the Russian model of management is interdisciplinary; it requires a whole range of approaches developed in various branches of knowledge. The philosophy of management is intended to serve as a common conceptual and interdisciplinary foundation that provides a holistic perception and understanding of management. It allows to view this phenomenon as a unity of science, practice and art. Among the axiological problems of the philosophy of management, the problems of organizational culture take center stage. To understand this phenomenon, we need a set of basic ideas about human nature, the meaning and form of activity, social reality, relationship with the external environment, the nature of human relations, etc. This notion of organizational culture can only be formed with a philosophical approach that allows implementing the integrating function of philosophy. The paper shows that the values of paternalism and security will be the near future priorities defining the development of Russian organizational culture.

Keywords

society, organization, model, rationality, decision-making, culture, values, methodology, uncertainty, risk

For citation

Diev V. S. Philosophical Aspects of the Russian Model of Management. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 42–53. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-42-53

В современном обществе значимость управления общепризнана, его рассматривают как один из основных факторов прогресса. В условиях глобализации эффективное управление является не только фактором, но и важнейшим ресурсом развития любой страны. Тот факт, что в современной России нет эффективной системы управления, давно уже стал общим местом. Причем это в полной мере относится ко всем уровням и сферам хозяйственной жизни страны: начиная от предприятия, организации, фирмы и заканчивая федеральным центром. Одной из важнейших причин этого явления, на мой взгляд, является отсутствие отечественной модели управления. Эффективно

«работающие» национальные модели управления сегодня широко известны, подчеркну лишь, что каждая из них уникальна, при этом цивилизационные особенности могут тормозить или наоборот усиливать универсальные тенденции, присущие процессам управления. Важнейшей задачей в сфере управления сегодня является разработка эффективной национальной модели, учитывающей социальные приоритеты как общества, так и личности. Проблема формирования российской модели управления является междисциплинарной, она требует привлечения целого спектра подходов, разработанных в различных отраслях знаний. Междисциплинарная проблема, пока она не вошла в парадигму существующей или не привела к возникновению новой дисциплины, находится на «ничейной земле» (термин Б. Рассела), и поэтому возможно и необходимо использовать философские методы и приемы для ее анализа [Диев, 2016]. Решение таких проблем, как правило, требует привлечения результатов целого ряда конкретных наук. Философия в этом случае может выполнять интегрирующую функцию: с одной стороны, объединяя подходы различных дисциплин, а с другой, формируя общий концептуальный базис, позволяющий переносить методы и модели из одной научной дисциплины в другую.

Интерес философии к управлению закономерен и объясняется рядом причин. Прежде всего, местом и ролью управления в жизни, как общества, так и отдельного индивида. Сегодня очевидно, что управление – атрибут не только производства, оно представляет собой неотъемлемую часть любой человеческой деятельности, где требуется задействовать знания и способности людей. По мнению В. М. Розина, «Не менее важный вопрос, относящийся к компетенции философии и методологии, – осмысление и оценка процессов заимствования на российской почве западных управленческих технологий, по-другому – это проблема специфики российского управления. В провокативной книге “Русская модель управления” А. П. Прохоров утверждает, что, по сути, наше управление не просто не эффективно. А в каком-то смысле невозможно, поскольку российские традиции принципиально не допускают конкуренцию» [Розин, 2010. С. 6].

Говоря о русской модели управления, конечно, нельзя не сказать о работах А. П. Прохорова. Он исходит из того, что «в каждый момент русская система управления пребывает в одном из двух состояний – или в состоянии стабильном, застойном, или же переходит в нестабильный, аварийно-мобилизационный, кризисный режим работы. В стабильном состоянии управление осуществляется неконкурентны-

ми, административно-распределительными средствами. С переходом к нестабильному состоянию стиль действий всех управленческих звеньев коренным образом меняется. Система управления становится агрессивно-конкурентной. Но эта конкуренция имеет мало общего с конкуренцией в западном понимании, поэтому она и не кажется таковой» [2007. С. 84]. В стабильном состоянии, по мнению А. П. Прохорова, русская модель неэффективна, но когда система переходит в нестабильный, аварийный режим работы, то, наоборот, для того, чтобы преследовать свои интересы, все звенья системы управления вынуждены работать результативно. При стабильном состоянии реформы невозможны. Для достижения серьезного успеха требуется перевести систему управления в нестабильный режим. Используя многочисленные исторические примеры, А. П. Прохоров обосновывает свои положения. В частности, он отмечает, что «поскольку русская модель управления формировалась фактически в военных условиях, то она работает результативно лишь в том случае, если лютость собственного начальства становится сопоставима с жестокостью внешнего врага. То есть начальству, чтобы добиться значимого результата, должно прибегнуть к такому размаху репрессий по отношению к собственным подчиненным, к какому прибегали внешние захватчики. Система реагирует только на лютого врага, и пока начальник таковым не станет, не заработает» [Там же. С. 101–102].

На мой взгляд, в последние годы стала формироваться новая отрасль философского знания – философия управления, появление которой вызвано, как уже отмечалось, ролью и значением управления в современном обществе. Кроме того, любая отрасль знания, достигнув определенной стадии зрелости, требует философского осмысления собственных оснований, и управление не является исключением в этом ряду [Диев, 2012; 2018]. Полагаю, что философия управления пока еще находится в стадии становления. Хотя, например, В. М. Розин пишет: «Можно сказать, что предмет философии управления и основные проблемы этой дисциплины в основном уже состоялись, и необходимо перейти к следующему этапу исследования и разработок. К ним относятся конкретный анализ понятий и языка управления, конкурирующих между собой стратегий управления и, что очень важно, философско-методологический анализ больших проектов управления (как удачных, так и провалившихся). Параллельно, конечно, продолжаются методологические исследования и разработки, позволяющие на современном уровне строгости конституировать предмет философии управления» [2013. С. 3].

Прежде чем предложить собственную трактовку термина «философия управления», хочу сделать терминологическое замечание. В англоязычной литературе, говоря о «менеджменте», всегда подразумевается фигура «менеджера» – человека, субъекта управления, действующего в некоторой организации в сфере бизнеса; в более широком смысле применяется термин «администрация», «администрирование» (administration). Русский же термин «управление» включает в себя оба этих смысла. Термин «менеджмент» применим к любым типам организаций, но когда речь идет о государственных органах любого уровня, в англоязычной литературе используется термин «public administration», который переводят на русский язык как «государственное управление», и как «административное управление». Кроме того, в английском языке существует термин «control», который соответствует в русском языке управлению техническими системами. Таким образом, русский термин «управление» существенно шире, чем термин «менеджмент». Под философией управления буду понимать систему обобщающих суждений философского характера о предмете и методах управления, его месте среди других наук и в системе научного знания в целом, познавательной и социальной роли управления в современном обществе. Полагаю, что философия управления призвана рассматривать, прежде всего, аксиологические, методологические и эпистемологические основания человеческой деятельности в процессах управления. Управление имеет собственный источник познания – практику, а также пополняется знаниями из других различных дисциплин, без которых оно просто не смогло бы развиваться. Управление междисциплинарно по своей сути, и философия может выполнять интегрирующую функцию при анализе его проблем.

В настоящее время существует достаточно много дефиниций термина «управление», отличающихся степенью общности, но при всех различиях в определениях, основными элементами являются объект, субъект, цели, средства, результаты и условия. Оно может быть охарактеризовано как преобразующая и направляющая деятельность, осуществляемая субъектом по отношению к объекту управления, обеспечивающая достижение заданной цели. Приведу два определения, которые будут использоваться далее.

Управление – процесс воздействия субъекта на объект, направленный на упорядочение, сохранение, разрушение или изменение системы объекта в соответствии с поставленной целью.

Управление – процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь целей организации.

Последнее определение отражает функциональный подход к управлению, согласно которому современные руководители, управляющие, менеджеры выполняют в принципе одни и те же обязанности и функции. Конечно, в том, как конкретно они это делают, могут быть серьезные отличия. Возникают естественные вопросы, какие формы, методы управления являются универсальными, а какие действуют только в диапазоне конкретных условий различных стран? Например, по мнению П. Друкера, основное различие между высокоразвитой Японией и относительно слабо развитой Индией состоит в том, что японские менеджеры смогли импортировать именно те управленческие идеи и нововведения, которые в наибольшей степени отвечали японским культурно-историческим традициям, а индийские – не смогли. Обмен техническими достижениями между странами осуществляется относительно легко, а некоторые знания в области менеджмента с трудом переносятся на новую почву. Существуют различные мнения о возможности трансплантации чужих «образцов» управления. При этом есть сторонники концепции, как единообразия, так и специфики менеджмента в различных странах. Те, кто придерживается идеи единообразия, утверждают, что практика менеджмента имеет универсальный характер. При этом в качестве примера приводится метод управления по целям. Сторонники концепции национальной специфики управления считают, что для успешного освоения «чужого» опыта необходима его адаптация к конкретным условиям тех стран, где он будет использоваться. Представляется, что освоение знаний и моделей других стран имеет определенные границы. Лимитирующим фактором являются социально-экономические и культурно-исторические условия каждой страны. Применение в России лучшего зарубежного опыта, моделей, доказавших свою эффективность, возможно только с учетом как имеющихся реалий, так и культурно-исторических традиций, национального менталитета. Социальные технологии нельзя просто «импортировать». Конечно, можно и в Сибири посадить пальму, но нельзя купить климат и окружающую среду, как нельзя изменить систему базовых ценностей обществ, составляющих основу национальной культуры. Представляется, что трудности становления рыночной экономики в нашей стране во многом порождены именно недоучетом особенностей российской истории и менталитета. Национальные традиции и психология коллективизма

не могли быть трансформированы в законопослушный западноевропейский индивидуализм за короткий период.

Сегодня Россия активно участвует в процессах глобализации, все больше отечественных компаний выходит на мировой рынок, одновременно с этим в нашей стране увеличивается присутствие иностранных, в том числе, транснациональных корпораций. Поэтому возникают естественные вопросы, какие формы, методы управления являются универсальными, а какие действуют только в диапазоне конкретных условий различных стран? Анализ проблем глобализации – отдельная исследовательская задача, тем не менее кратко характеризую этот феномен. На мой взгляд, глобализацию следует рассматривать как комплексное явление, включающее в себя ряд одновременно протекающих процессов. Поэтому глобализация имеет несколько «измерений», наиболее заметными и значимыми из которых являются: глобализация рынка, производства и информации. Тем не менее их взаимосвязанность и функциональное единство позволяют говорить о едином «векторе» глобализации. Для описания феномена глобализации представляется правомерным и наглядным использование метафоры вектора многомерного пространства [Диев, 2005]. Прежде всего, необходимо подчеркнуть объективный характер процессов глобализации. В каждом компоненте вектора глобализации имеются свои объективные основания. Так, в основе информационной компоненты лежит технический и технологический прогресс. Этот же фактор, наряду с требованиями эффективности и рациональности, находится в основе экономической компоненты. Прогресс любого государства сегодня во многом зависит от технического и технологического прогресса, поэтому открытость является важнейшим фактором, который необходим как для их развития, так и для создания конкурентоспособных условий. Дезинтеграция из мировой экономики просто не выгодна! Сегодня глобализация касается практически каждого жителя планеты. Глобализация несет безусловные плюсы – разделение труда, специализация, эффективность производства, становятся доступны товары и услуги, которых раньше порой просто не было. Но она порождает как новые, так и обостряет старые проблемы.

Современный мир – это мир организаций. В ряду аксиологических проблем философии управления важное место занимают вопросы организационной культуры. Организационная культура является одной из основных характеристик современной организации, влияющая на выработку стратегии, постановку целей и выбор средств их

достижения, на определение критериев прогресса и оценки результатов, на формирование подходов к разрешению сложных ситуаций. Под организационной культурой далее буду понимать комплекс основных подходов к решению различных проблем внутренней регуляции и адаптации к внешним условиям, выработанный и принятый в данной организации, которые доказали свою эффективность и которым необходимо обучать новых сотрудников с целью формирования у них восприятия и осмысления, характерного для данной организации. На основе целей, ценностей, образцов деятельности и норм поведения, принятых в организации, формируются социальный опыт и стереотипы восприятия мира, которые организационная культура хранит и транслирует членам организации [Диев, 2010. С. 39]. Обращаю внимание на основные аспекты данного определения организационной культуры:

- решение различных проблем внутренней регуляции и адаптации к внешним условиям;
- формирование у сотрудников восприятия и осмысления, характерного для данной организации;
- формирование социального опыта и стереотипов восприятия мира, хранимых и транслируемых организационной культурой.

Подчеркну, что в фундаменте организационной культуры лежат ценности, на основе которых и формируется мировосприятие членов организации.

Управление «погружено» в культуру, и философия управления, в отличие от философии математики, например, обязана исходить из этой посылки. Философия управления должна рассматриваться только в контексте национальной культуры, традиций и менталитета. Культура обновляет унаследованные из прошлого ценности и нормы с учетом происходящих в обществе изменений, транслирует их живущим поколениям, вооружает людей определенными стереотипами поведения. Эта социальная память лежит в основе ценностей, взглядов и норм поведения, проявляющихся в деятельности людей. Для характеристики национальных моделей управления чаще всего используют методологию, предложенную Г. Хофстедом. Работы Ховстеда давно уже стали классикой, поэтому просто напомним пять основных параметров различий между национальными культурами управления:

- Дистанция власти.
- Коллективизм – индивидуализм.
- Мужественность – женственность.

- Избегание неопределенности.
- Долгосрочная – краткосрочная ориентация.

Одной из важнейших характеристик, с помощью которой описывается организационная культура, является восприятие риска. Современное общество в целом, а Россию в особенности, все чаще называют «обществом риска», причем вполне справедливо. Восприятие и отношение к неопределенности и риску является одним из основных показателей, характеризующих как организационную культуру, так и национальные модели управления. Современное же управление в России – это управление именно в условиях риска, который является атрибутом любой рыночной экономики. Риск напрямую связан с проблемами безопасности, которая часто рассматривается как антипод риска. Безопасность же сегодня выступает в качестве одной из основных ценностей современного российского общества, нередко используемой для обоснования и оправдания различных политических, экономических, военных, административных и других решений. Заметим, что безопасность понимается, прежде всего, как выживаемость, т. е. не развитие, а сохранение ранее приобретенного. В двадцать первом веке отношение к риску является важнейшей частью культуры организации, поскольку реализация стратегии развития организации невозможна без риска. Тем не менее современная российская организация характеризуется как обладающая высокой степенью избегания неопределенности и риска, как это было и в советское время.

Согласно результатам исследований системы ценностей в российских университетах, которые проводил Г. Хофстед в девяностые годы прошлого века, для российской организационной культуры характерны: патернализм, высокая степень дистанции власти, коллективизм, женственность, высокая степень избегания неопределенности и низкая ориентация на долгосрочные планы [Hofstede, 2000. Р. 220, 263]. Необходимо отметить, что и в XXI в. патернализм и безопасность являются базовыми ценностями современной российской организационной культуры [Диев, Лыгденова, 2011]. Полагаю, что подобная система ценностей существенно затрудняет процесс построения инновационной экономики в нашей стране. Макс Вебер писал, что политика есть «мощное медленное бурение твердых пластов». Это не просто образное сравнение, «твердые пласты» – это национальный менталитет, культура, специфика управления, которые действительно с большим трудом поддаются каким-либо изменениям. На мой взгляд, метафору М. Вебера в полной мере можно отнести и к отечественной системе управления. Хочу также отметить, что в последние

десятилетия в нашей стране происходила в основном не более чем имитация западных форм управления. В. М. Розин совершенно справедливо отмечает: «Внешне демонстрируются западные схемы управления, а фактически управление происходит прямо “по Прохорову”»: не предполагает конкуренции, используется властный или административный ресурсы, в стабильный период все новации конвертируются в благосостояние чиновников и начальства, а в нестабильный действительно показываются чудеса рвения и эффективности. Правда, очень далекие от нормального ведения хозяйства и управления» [2010. С. 44–45].

Сегодня наиболее известными и успешными моделями управления являются западная, это, прежде всего, США и Западная Европа, а также восточная – Китай, Япония, Южная Корея. Согласно критериям Г. Хофстеда, восточная модель характеризуется более низким уровнем индивидуализма, в отличие от западной, кроме того, она в большей степени ориентирована на долгосрочные проекты. Западная модель управления допускает более высокий уровень неопределенности, в отличие от восточной, где существует высокая степень избегания неопределенности. Система управления в современной России находится в промежуточном положении между коллективистским Востоком и индивидуалистским Западом. Если демократические отношения, низкая дистанция власти, горизонтальная структура иерархии характерны для западной организации, то восточная организация определяется авторитарными или патерналистскими отношениями, высокой дистанцией власти и строго вертикальной иерархией. Отечественная система управления совмещает в себе и западные, и восточные черты. Например, для нее характерна более высокая степень избегания неопределенностей, чем в западной организации, при этом уровень индивидуализма ниже, чем в западной, но выше, чем в восточной модели управления. Полагаю, что российская модель управления, как и в целом наша страна, обречена находиться между Востоком и Западом, а выбор ценностей патернализма и безопасности в качестве приоритетных будет в ближайшее время определять развитие российской организационной культуры.

Список литературы / References

Диев В. С. Многомерный вектор глобализации: начало и основные компоненты // Философия образования. 2005. № 1(12). С. 15–21.

- Diev V. S.** Mnogomernyi vektor globalizatsii: nachalo i osnovnye komponenty [Multidimensional vector of globalization: the beginning and main components]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education], 2005, no. 1 (12), p. 15–21. (In Russ.)
- Диев В. С.** Управление. Философия. Общество // Вопр. философии. 2010. № 8. С. 35–41.
- Diev V. S.** Upravlenie. Filosofiya. Obschestvo [Management. Philosophy. Society]. *Questions of philosophy*, 2010, no. 8, p. 35–41. (In Russ.)
- Диев В. С., Лыгденова В. В.** Российская организационная культура: традиции и вызовы глобализации // Ценности и смыслы. 2011. № 5. С. 101–111.
- Diev V. S., Lygdenova V. V.** Rossiiskaya organizatsionnaya kultura: traditsii i vyzovy globalizatsii [Russian organizational culture: traditions and challenges of globalization]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2011, no. 5, p. 101–111. (In Russ.)
- Диев В. С.** Философия управления: область исследований и учебная дисциплина // Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2012. № 2. С. 59–66.
- Diev V. S.** Filosofiya upravleniya: oblast issledovaniy i uchebnaya disciplina [Management philosophy: area studies and the discipline]. *Vestnik of Tomsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Political science*, 2012, no. 2, p. 59–66. (In Russ.)
- Диев В. С.** Междисциплинарные проблемы: новые возможности философии // Философия науки. 2016. № 4(71). С. 3–12.
- Diev V. S.** Mezhdistsiplinarnye problemy: novye vosmozhnosti filosofii [Interdisciplinary problems: new possibilities of philosophy]. *Philosophy of science*, 2016, no. 4 (71), p. 3–12. (In Russ.)
- Диев В. С.** Задачи и перспективы философии управления // Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 83–86.
- Diev V. S.** Zadachi i perspektivy filosofii upravleniya [Tasks and prospects of management philosophy]. *Vestnik of Khakass State University named after N. F. Katanov*, 2018, no. 25, p. 83–86. (In Russ.)
- Прохоров А. П.** Русская модель управления. М.: Эксмо, 2007.
- Prokhorov A. P.** Russkaya model upravleniya [Russian Model of management]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. (In Russ.)
- Розин В. М.** Философия управления: основные направления, предмет, сущность управления // Философия управления: проблемы и стратегии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2010. С. 3–45.

Rozin V. M. *Filosofiya upravleniya: osnovnye napravleniya, predmet, suschnost upravleniya* [Management philosophy: the basic directions, the subject, the essence of management]. In: *Filosofiya upravleniya: problemy i strategii* [Management Philosophy: Problems and Strategies]. Moscow, IF RAN Publ., p. 3–45. (In Russ.)

Розин В. М. Введение. Становление новой философской дисциплины // *Философия управления: методологические проблемы и проекты* / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В. И. Аршинов, В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2013. С. 3–6.

Rozin V. M. *Vvedenie. Stanovlenie novoi filosofskoi distsipliny* [Introduction. The formation of a new branch of philosophy]. In: *Filosofiya upravleniya: metodologicheskie problemy i projekty* [Philosophy of Management: Methodological Issues and Projects]. Moscow, IF RAN Publ., p. 3–6. (In Russ.)

Hofstede G. *Culture Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions Across Nations*. Library of Congress. New York, 2000.

Материал поступил в редколлегию

Received

08.02.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Диев Владимир Серафимович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir S. Diev, Doctor of Sciences (Philosophy), professor, Leading researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (8 Nikolaev Str., 630090, Russian Federation); director of Institute Philosophy and Law Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., 630090, Russian Federation)

diev@smile.nsu.ru

УДК 316.4

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-54-65

Категория «социокультурное» как инструмент анализа современных обществ: возможности интерпретации

М. Р. Зазулина

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Выделены и проанализированы содержательные характеристики категории «социокультурное». Показано, что методологическая и содержательная двойственность категории «социокультурное» выступает базовой характеристикой этого понятия, определяющей его развитие на протяжении XX–XXI вв. Это способствует множественности интерпретаций и дает возможность сближения социокультурного подхода с рядом других методологий. Проанализированы возможности интерпретации категории «социокультурное», связанные с ее двойственностью, и дана характеристика особенностей применения этой категории для анализа трансформирующихся обществ.

Ключевые слова

социокультурный подход, культура, социальные отношения, трансформация, общество

Для цитирования

Зазулина М. Р. Категория «социокультурное» как инструмент анализа современных обществ: возможности интерпретации // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 54–65. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-54-65

The Concept of «Sociocultural» as a Tool for the Analysis of Contemporary Societies: The Possibility of Interpretation

M. R. Zazulina

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The content characteristics of the concept of sociocultural are identified and analyzed. It is shown that methodological and substantive duality is a basic characteristic of this

© М. Р. Зазулина, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

concept, that defines its development during the XX–XXI centuries. This contributes to a multiplicity of interpretations and allows to relate the sociocultural approach to some other methodologies. The possibilities of interpretation of the concept of sociocultural associated with its duality are analyzed. Its possible use for the analysis of transforming societies is considered.

Keywords

sociocultural approach, culture, social relations, transformation, society

For citation

Zazulina M. R. The Concept of «Sociocultural» as a Tool for the Analysis of Contemporary Societies: The Possibility of Interpretation. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 54–65. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-54-65

Вопрос о том, благодаря каким механизмам развивается наше общество, остается одним из самых непростых для понимания и является постоянной темой в социальной философии и социальных науках. Если развитие происходит благодаря социальным институтам, то почему не все они работают и почему со временем оказываются заменены другими. Если благодаря ценностям и культурным установкам, то почему в определенные моменты истории удается закрепить новый институциональный порядок с новыми институтами, не соответствующими старым культурным ценностям. Например, развал СССР однозначно не был воспринят большинством населения и до сих пор многими воспринимается как травмирующее событие, но оказался закреплён (и теперь уже очевидно, что надолго) во множестве институтов.

Очевидно, что речь должна идти о соотношении институциональных и культурных особенностей как контекстуальных рамок развития каждого общества. Но каково тогда это соотношение и почему происходят перемены? И действительно ли существуют ценности, которые полностью неуничтожимы и которые вновь и вновь будут заставлять общество следовать одному и тому же пути развития?

Категория «социокультурное» является одной из категорий, с помощью которой современная социология пытается ответить на эти вопросы. Социокультурный подход, в рамках которого разрабатывается эта категория, является одним из самых широко используемых инструментов исследования социальной реальности. Существует достаточно большой корпус работ, посвященных теоретическому и методологическому анализу категории «социокультурное», а также его применению для анализа социальных и культурных процессов.

При этом, как отмечает отечественный исследователь А. Л. Темницкий, «использование данной категории в ряде случаев сопровождается методологической неопределенностью и зачастую противоречащими друг другу толкованиями смысла социокультурного либо вовсе отсутствием каких-либо уточнений его содержания» [2007. С. 81–82].

На наш взгляд, существование такого большого количества работ и множественных интерпретаций свидетельствует об определенных тенденциях в развитии социокультурного подхода, связанных в первую очередь с неизбежным изменением содержания категории «социокультурное» и всего методологического аппарата в результате стремления описать современные реалии. Этому способствует целый ряд факторов: изначальная содержательная двойственность категории «социокультурное», вытекающая из этого методологическая двойственность социокультурного подхода, постепенное изменение и усложнение социума и социокультурных феноменов, выступающих предметом исследования, а также влияние целого ряда альтернативных методологий изучения социальных процессов, получивших развитие в XX в.

Все это делает актуальным не только прояснение и анализ сущностных характеристик категории «социокультурное», но заставляет акцентировать исследовательское внимание на возможностях ее применения при изучении трансформационных процессов.

Цель данной работы – на основе анализа сущностных характеристик категории «социокультурное» дать интерпретацию отдельных аспектов понятия «социокультурное», связанных с двойственностью его содержания.

Для достижения поставленной цели будут: 1) выделены и проанализированы содержательные характеристики категории «социокультурное»; 2) обоснована методологическая и содержательная двойственность категории «социокультурное»; 3) дана характеристика особенностей применения категории «социокультурное» для анализа трансформирующихся обществ; 4) дана характеристика отдельных аспектов понятия «социокультурное», связанных с его двойственностью.

Основные принципы социокультурного подхода были изложены в трудах его основателя, П. Сорокина [1992. С. 156–220] и затем развиты в трудах А. С. Ахиезера [1997; 1998]. Именно их работы выступают основой для базовой интерпретации категории «социокультурное» и задают ее основные содержательные характеристики.

Оставляя за рамками данной статьи подробный анализ указанных работ, отметим ряд обобщений и выводов о содержании и методологической применимости категории «социокультурное» для анализа социального порядка, которые представляются наиболее значимыми.

Для П. Сорокина категория «социокультурное» является базовой при анализе социального порядка, а ее содержание выстраивается на основе постоянной связи трех компонентов: 1) взаимодействий; 2) ценностей; 3) индивидов (между которыми происходят взаимодействия и которые являются носителями ценностей) [1992. С. 193].

Таким образом, в каждом социокультурном явлении обязательно наличествуют и неразрывно связаны социальный и культурный компоненты. При этом культурный компонент представлен ценностями и нормами, а социальный – объективными социальными отношениями. «Социокультурное» явление – это действие, совершаемое индивидом и наделяемое им ценностью.

Несмотря на то, что связь между социальным и культурным компонентами социокультурного является неразрывной, П. Сорокин особо акцентирует внимание на том, что эти два компонента несводимы друг к другу и невыводимы друг из друга. Более того, они относительно слабо связаны между собой [Там же. С. 202].

А. С. Ахиезер, следуя сорокинской интерпретации, акцентирует внимание именно на характере взаимоотношений между социальным и культурным. Приоритетной в этой паре является культура, которая содержит в себе программу деятельности (ее мотивы и ценностные основания). Именно культура выступает истинным основанием деятельности, мотивируя человека совершать одни поступки и не совершать другие [1997. С. 54].

В обществе постоянно возникают противоречия между социальными отношениями и культурой – социокультурные противоречия, связано это с тем, что изменения культуры и изменения социальных отношений подчиняются разным закономерностям [Там же. С. 56, 58].

Для А. С. Ахиезера, в отличие от П. Сорокина, наличие противоречий – это фундаментальная неотъемлемая характеристика социокультурных процессов. Она связана с различными характеристиками двух составляющих социокультурного процесса. Культура аккумулирует в себе творческую составляющую, а значит, возможность изменений, что обусловлено такими качествами культуры, как многомерность, идеалистичность, самокритичность и альтернативность в каждой своей точке. Социальные отношения, напротив, функциональны и даже

консервативны, поскольку представляют собой множество форм деятельности, которые существуют лишь в рамках замкнутых сообществ с их конечным специфическим опытом.

Таким образом, в социокультурном подходе заложена изначальная содержательная двойственность понятия «социокультурное», которое есть одновременно социальное и культурное и, соответственно, может интерпретироваться двояко.

Развитие социокультурного подхода происходит в направлении выделения и анализа взаимоотношений между социальной и культурной компонентами. В работах исследователей происходит постепенное изменение содержания понятия «социокультурное» – именно так можно интерпретировать уточнение его содержательных характеристик и выделение составляющих его элементов и отношений между ними.

Содержательная двухкомпонентность категории «социокультурное» и акцентирование внимания на противоречивых взаимоотношениях между ценностями и социальными отношениями позволили исследователям поставить вопрос о применимости категории «социокультурное» для анализа процессов в трансформирующихся обществах, т. е. в обществах, где имеют место быстрая смена ценностей, разрыв социальных связей и установление новых отношений.

Именно в этом направлении работает Н. И. Лапин, один из наиболее крупных современных представителей социокультурного подхода. Он рассматривает общество как самодостаточную социокультурную систему, которая структурирована таким образом, чтобы обеспечить социокультурный баланс между противоречивыми потребностями, ценностями и интересами входящих в нее субъектов деятельности.

Н. И. Лапин дополняет социокультурный подход принципом антропосоциетального соответствия, который подразумевает «совместимость личностно-поведенческих характеристик человека и социальных характеристик этого общества» [2000б. С. 32]. С нашей точки зрения, этот тезис не в полной мере соответствует принципам социокультурного подхода, на чем акцентируют внимание и другие исследователи, отмечая нивелировку культурной системы социума и недостаточную представленность личностных характеристик [Костюк и др., 2013. С. 62].

Однако именно введение этого принципа позволяет поставить вопрос о сущности процесса трансформации и о применимости социокультурного подхода к трансформирующимся обществам. «Социокультурная трансформация есть преобразование типа антропосоциетального соответствия или конкретно-исторической его

формы. Это комплексный процесс, который охватывает все основные структуры общества, не сводится к реформам “сверху”, а зависит от действий массовых социальных групп, что обуславливает незаданность его исхода» [Лапин, 2000б. С. 33]. Трансформация проходит в несколько этапов, начинаясь с резкого нарушения существовавшего социокультурного баланса – социетального кризиса, и завершаясь установлением нового социокультурного баланса. Категория «социокультурный баланс» остается непроясненной, но очевидно, что баланс коррелирует с типом антропосоциального соответствия, который в свою очередь коррелирует с типом общества и типом трансформации. Следуя логике Лапина, мы можем определить антропосоциальное соответствие как баланс личностных и социетальных характеристик.

Социокультурный подход, представленный в работах Н. И. Лапина, позволяет дифференцировать процесс трансформации и процесс рутинной повседневной борьбы противоречий между ценностями и отношениями. В норме эта борьба имеет латентный и непрекращающийся характер, но проходит в рамках сложившегося социокультурного баланса, не нарушая его. Трансформация характеризуется таким нарушением баланса, в результате которого образуется новый баланс.

По сути дела, тезис об антропосоциетальном соответствии можно считать вариацией структурно-функционалистского тезиса о том, что деятельность человека включена в социальные структуры и несет функциональную нагрузку. В результате становится явным методологическое сближение социокультурного подхода с целым рядом методологий, популярных в XX в. (или, по крайней мере, фундированность позиций представителей современного социокультурного подхода картинами мира, сформированными другими альтернативными методологиями). Например, Н. И. Лапин постулирует близость социокультурного подхода с цивилизационным и формационным подходами, а также со структурно-функциональным подходом [2000а. С. 5]. Подход А. С. Ахиезера также в значительной степени укоренен, но только в марксистской методологии. Об этом свидетельствует и концептуализация им отношений социального и культурного как вечной борьбы противоречий, и осмысление этих взаимоотношений в рамках воспроизводственной деятельности [1997. С. 54].

По нашему мнению, указанное методологическое сближение социокультурного подхода с другими методологиями, своеобразная «методологическая комплиментарность», является значимой чертой развития подхода. Она обусловлена, во-первых, культурным

и политическим контекстом исследований, а во-вторых, характером развития всего знания о социальном, в рамках которого неизбежно вырабатывается некая общая, зачастую нерефлексируемая картина мира. На наш взгляд, такое сближение можно считать вполне обоснованным, поскольку остается неизменным основной тезис о значимости культурной составляющей социального порядка, но появляется возможность говорить о структуре ценностей, также как и о структуре социальных отношений.

Как мы уже отмечали, включенность в «социокультурное» одновременно культурного и социального аспектов обуславливает двойственную природу социокультурного, и это – важный методологический принцип социокультурного подхода при исследовании общественных процессов. Социокультурные феномены не могут быть однозначно понимаемы, поскольку всегда представляют собой борьбу противоречий, борьбу между культурой и социальными рамками, между традицией и новацией.

Интерпретация социального компонента как социальных рамок, ограничивающих спонтанное развитие культуры, сближает его с пониманием социальных институтов. При таком понимании социокультурного социального предстает как совокупность институтов, культурное – как совокупность ценностей, а само противопоставление социального и культурного превращается в противопоставление ценностей и институтов.

Трактовка социального как институтов, хоть и является не полной и не совсем корректной, в данном случае помогает раскрыть основное противоречие, выступающее источником общественного развития. Постулируемая двойственность социального и культурного означает, что отношения между ними могут быть самыми различными. Неоднозначность в понимании культурных норм и ценностей (так же как и неоднозначность в понимании социальных отношений) для социокультурного подхода является принципиальной. Каждый из них может функционировать по разную сторону баррикад: инновационный импульс может содержаться как в институтах (например, демократические преобразования «сверху» в российском обществе), так и в культурных нормах и ценностях (до того, как упомянутые демократические преобразования начались, они долгое время буквально витали в воздухе в виде идей о переменах в условиях существования старых советских институтов), и наоборот.

Можно заметить, что поскольку социальные отношения всегда выстраиваются на основе ценностей, то противоречие между ценностью

и отношением является не просто соединением двух отдельно (и произвольно) взятых частей: какой-то ценности и какой-то нормы. Это противоречие между элементами, каждый из которых потенциально является частью своего целого. Мы имеем противоречие между нормой, которой соответствует свое идеальное отношение, и отношением, которое выстраивается на основе своей идеальной нормы.

В любом обществе всегда есть институты, которые воплощают в себе некие ценности, и есть ценности, которые стремятся институционализироваться. В гипотетическом идеальном обществе, стабильном и упорядоченном, институциональный паттерн полностью соответствовал бы паттерну ценностному, и наоборот. Однако такого общества не существует и, прежде всего, потому, что социокультурные противоречия, которые можно обнаружить на любом уровне социальных взаимодействий (от индивидуальных до глобальных), не могут иметь полного разрешения. Разрыв между культурными интенциями и социальными отношениями, между ценностями и институтами, принципиально не просто непреодолим – он и есть источник общественного изменения и развития.

Двойственность социального и культурного в реальности проявляется в виде несовпадения ценностной и социальной структур, «люфта» между ними. Если в принципе такой «люфт» является нормой и фактором общественного развития, то значительное увеличение этого «люфта», т. е. смещение ценностной и социальной структур относительно друг друга, приводит к появлению таких феноменов, как «парадоксальное сознание», социальные трансформации и революции. В качестве примера парадоксальности сознания, которое продолжает руководствоваться патерналистскими ценностями, приведем сочетание в современном обыденном российском сознании поддержки идеи местного самоуправления и доверия к местным органам власти при слабой информированности о деятельности последних, что зафиксировано результатами социологических исследований [Зазулина, Самсонов, 2012].

Наблюдение за тем, как социокультурные противоречия проявляются и функционируют на всем протяжении российской истории, в том числе в периоды трансформационных изменений, выявляет важную закономерность. Классическое, постоянно воспроизводимое противоречие между культурой и социальными отношениями каждый раз осуществляется как включение остаточных элементов предыдущей культуры в новые социальные отношения (этот феномен можно было бы описать как бесконечную череду «остатков в остатках»

или «ценностный осадок»). Например, в новые социальные отношения постсоветского типа (рыночные отношения, субсидиарная государственная политика в социальной сфере) оказываются включены остаточные элементы культуры советского типа (например, ценностные паттерны, воспроизводящие патерналистский блок ожиданий). В свою очередь, в советский период истории, когда эти ценности были актуализированы в определенной системе отношений (административно-командная экономика, социальное государство), они включали в себя остаточные явления досоветской традиционной российской культуры. На постулировании этого постоянного включения и основан тезис о доминировании и воспроизводстве традиционных ценностей в российской культуре.

Значимым представляется вопрос о природе этого «ценностного осадка», когда-то актуального в виде отношений, а теперь сохранившегося в виде культурных стереотипов. Для того чтобы социокультурные противоречия функционировали как источник общественного развития, не разрушая социальный порядок, хотя бы часть ценностей должна быть уже «проверена временем», это должны быть уже готовые ценности и ценностные паттерны, которые по различным причинам не востребованы в современных новых социальных отношениях. Как раз эту часть ценностей и представляет собой особый класс ценностей – ценности архетипические. Не затрагивая в рамках данной статьи проблему соотношения понятий «социокультурное», «архетипы», «трансформация» и «ценности», отметим, что признание наличия особых архетипических ценностей дает исследователям возможность использования архетипических представлений в качестве индикаторов устойчивости социальных систем, позволяющих прогнозировать их реакции на внешние возмущающие воздействия [Капелько, 2013].

С практической точки зрения это требует тщательного отбора именно тех ценностей и социокультурных феноменов, которые являются архетипическими, и, следовательно, актуализирует проблему выделения критериев для дифференциации ценностных оснований социокультурных феноменов, а также процедур операционализации понятий (выделение групп ценностей и их представление через систему индикаторов) [Лапин 2011; Костюк и др., 2013].

С теоретической точки зрения наличие структуры ценностей при одновременной изменчивости их статуса актуализирует вопрос о характере социокультурной составляющей социального порядка. Рассмотрение социокультурного как базовой методологической кате-

гории заставляет признать, что это – константа социального порядка, действие которого универсально и проявляется в любой ситуации. Однако репрезентированная в виде конкретных социокультурных феноменов, в которых соединены ценности и отношения, характерные для конкретного исторического контекста, категория «социокультурное» оказывается не в роли константы, а в роли переменной. Сущность этой переменной заключается в репрезентации противоречий между культурными факторами, которые выражены в системе ценностей, и реальными социальными отношениями, которые не всегда могут этой системе ценностей соответствовать. Сама же проблема вечной противоречивости социокультурного заключается в невозможности воспроизводства идеальных социальных отношений, соответствующих существующей в реальности системе ценностей, или в невозможности жить в соответствии с идеальной системой ценностей в условиях существующих в реальности социальных институтов.

Список литературы / References

- Ахиезер А. С.** Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему.
Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta [Russia: Criticism of Historical Experience]. Novosibirsk, 1997, vol. 1: Ot proshlogo k budushchemu [From past to future]. (In Russ.)
- Ахиезер А. С.** Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2: Теория и методология.
Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta [Russia: Criticism of Historical Experience]. Novosibirsk, 1998, vol. 2: Teoriya i metodologiya. Slovar' [Theory and methodology. Dictionary]. (In Russ.)
- Зазулина М. Р., Самсонов В. В.** Стратегии самоорганизации российского сельского социума: история и современность. Новосибирск: Манускрипт, 2012.
Zazulina M. R., Samsonov V. V. Strategii samoorganizatsii rossiiskogo selskogo sotsiума: istoriya i sovremennost [Strategies of Self-organization of the Russian Rural Society: History and Modernity]. Novosibirsk, 2012. (In Russ.)

- Капелько О. Н.** Архетипы, социальные стереотипы и будущее цивилизации // Фундаментальные исследования. 2013. № 11 (ч. 6). С. 1282–1288.
- Kapel'ko O. N.** Arkhetipy, sotsial'nye stereotipy i budushchee tsivilizatsii [Archetypes, social stereotypes and the future of civilization]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Researches], 2013, no. 11-6, p. 1282–1288. (In Russ.)
- Костюк В. Г., Абрамова М. А., Гончарова Г. С.** Социокультурные типы: теоретические модели и эмпирическая верификация // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 1. С. 60–68.
- Kostyuk V. G., Abramova M. A., Goncharova G. S.** Sotsiokulturnye tipy: teoreticheskie modeli i empiricheskaya verifikatsiya [Socio-cultural types: theoretical models and empirical verification]. *Vestnik of Novosibirsk State University*, 2013, vol. 11, no 1, p. 60–68. (In Russ.)
- Лапин Н. И.** Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000а. № 3. С. 3–47.
- Lapin N. I.** Krizisnyi sotsium v kontekste sotsiokul'turnykh transformatsii [Crisis society in the context of socio-cultural transformations]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2000a, no 3, p. 3–47. (In Russ.)
- Лапин Н. И.** Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000б. Т. 3, № 3. С. 32–39.
- Lapin N. I.** Sotsiokul'turnaya transformatsiya Rossii: liberalizatsiya versus traditsionalizatsiya [Socio-cultural transformation of Russia: liberalization versus traditionalization]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2000b, vol. 3, no. 3, p. 32–39. (In Russ.)
- Лапин Н. И.** Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социс. 2011. № 9. С. 3–18.
- Lapin N. I.** Sotsiokulturnye faktory rossiiskoi stagnatsii i modernizatsii [Socio-cultural factors of Russian stagnation and modernization]. *Socis*, 2011, no. 9, p. 3–18. (In Russ.)
- Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Sorokin P. A.** Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo [The Man. Civilization. Society]. Moscow, 1992. (In Russ.)

Темницкий А. Л. Исследовательские возможности категории «социокультурность» // Социология: 4М. 2007. № 24. С. 81–101.

Temnicky A. L. Issledovatel'skie vozmozhnosti kategorii sotsiokulturnost [Research opportunities of category of sociocultural]. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M], 2007, no. 24, p. 81–101. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

17.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Зазулина Мария Рудольфовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Mariya R. Zazulina, Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

zamashka@yandex.ru

УДК 130.122

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-66-75

Информационный подход в исследовании мировоззренческой безопасности: к постановке проблемы

М. Г. Федотова

*Омский государственный технический университет
Омск, Россия*

Аннотация

Проведен анализ существующих подходов к изучению мировоззренческой безопасности. Среди наиболее разработанных философских подходов к мировоззренческой безопасности выделены синергетический подход и теория устойчивого развития. Обоснована актуальность использования методологии информационного подхода к исследованию мировоззренческой безопасности. Информационный подход описывает общество как коммуникационную сеть, где любые взаимодействия опосредованы процессами обмена информацией между социальными субъектами. В этом случае факторами мировоззренческой безопасности становятся не столько конкретное сообщение, сколько более общие факторы информационного рода: принципы генерации, обработки и интериоризации информации. Обучение этим базовым принципам работы с информацией будет способствовать мировоззренческой безопасности индивида, предотвращая манипуляцию сознанием.

Ключевые слова

мировоззренческая безопасность, информационный подход, синергетический подход, теория устойчивого развития, манипуляция сознанием

Для цитирования

Федотова М. Г. Информационный подход в исследовании мировоззренческой безопасности: к постановке проблемы // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 66–75. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-66-75

© М. Г. Федотова, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

Information Approach in the Study of Weltanschauung Security: Problem Statement

M. G. Fedotova

*Omsk State Technical University
Omsk, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the existing approaches to the study of weltanschauung security. The synergetic approach and the theory of sustainable development are highlighted among the most developed philosophical approaches to weltanschauung security. The urgency of using the methodology of information approach to the study of weltanschauung security is substantiated. The information approach describes society as a communication network where any interactions are mediated by the processes of information exchange between social actors. In this case, the factors of weltanschauung security is not so much a specific message, but more general factors of information kind: the principles of generation, processing and interiorization of information. Teaching these basic principles of working with information will contribute to the weltanschauung security of the individual, preventing mind manipulation.

Keywords

weltanschauung security, information approach, synergetic approach, theory of sustainable development, mind manipulation

For citation

Fedotova M. G. Information Approach in the Study of Weltanschauung Security: Problem Statement. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 66–75. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-66-75

Общемировой процесс глобализации вступил в новую фазу, связанную с экспансией не только экономических моделей и политических институтов «развитых» западных стран, но, прежде всего, с распространением глобальной идеологии и соответствующей системы ценностей. В мировоззренческой сфере эта ситуация приводит к конфликту традиционной и новой систем ценностей, который обернулся в России духовным кризисом. В течение нескольких лет можно наблюдать противоречивые процессы, связанные с глобализацией: с одной стороны, ускоренная либерализация глобализирующихся обществ, с другой – не менее сильное противодействие вестернизации, проявляющееся в идеологии антиглобализма, росте религиозности

как попытке обозначить национальную идентичность, вооруженном сопротивлении, одной из наиболее радикальных форм которого является терроризм. Социальная среда характеризуется крайней степенью неопределенности, которая субъективно осознается индивидами через повышенный уровень опасности. Политика санкций против России, создание информационных поводов, в которых четко обозначено мировоззренческое противостояние, позволяют говорить о продолжающейся глобальной информационной войне. Особенности современного этапа информационной войны является, во-первых, предельное расширение круга ее участников за счет потенциально возможного включения в их число каждого из пользователей глобальной сети Интернет и, во-вторых, ее гибридный характер, связанный с сочетанием большого числа как собственно информационных, так и традиционных военных технологий.

Мировоззренческая безопасность в ее предельно широкой, философской трактовке, – такое представление о мире, которое способствует выживанию каждого отдельного человека и человечества в целом. На первый взгляд наиболее безопасные условия для человека складываются в устойчивом обществе с его традиционными формами мировоззрения и отсутствием прямых угроз этим традиционным представлениям о реальности. Однако парадокс заключается в том, что безопасность, понимаемая как отсутствие опасности, в конечном счете снижает адаптацию индивида и социальной системы к изменяющимся условиям внешней среды и тем самым понижает шансы на выживание индивида и социальной системы. Многократно усложняются условия существования индивидов в периоды системной трансформации общества, понижается уровень безопасности, именно в это время у многих людей происходит радикальная смена мировоззрения. Современное поколение находится в необычайно жестких условиях природной и социальной среды, которая характеризуется крайней идеологической, социально-политической и экономической нестабильностью и неопределенностью. Для современного общества дополнительными условиями, снижающими уровень мировоззренческой безопасности, являются информационные факторы: рост объема и увеличивающаяся скорость распространения информации, использование информации в целях манипуляции сознанием – информационные войны, информационный терроризм и др. Появляются новые виды дискурса, оказывающие существенное влияние на мировоззрение индивидов: дискурс социальных сетей, компьютерных игр

и др., претерпевают существенные изменения традиционные виды дискурса (политический, религиозный, научный и художественный дискурс). В таких условиях выдвигается на первый план проблема духовной, мировоззренческой безопасности как отдельно взятой личности, так и целого поколения, общественных институтов, государства, человечества и мира в целом; требуется применение новых научных подходов и системное изучение вопросов безопасности. Мировоззренческая безопасность в трансформирующемся обществе оказывается связанной с фундаментальной философской проблемой развития в аспекте соотношения устойчивости общества, обеспечивающей максимальную безопасность его членам, и динамики системной трансформации, когда мировоззрение индивидов подвергается значительным изменениям.

Вместе с тем стабилизация представлений о мире в сознании индивидов является одним из признаков стабилизации и самой социальной реальности. Необходимость влияния на мировоззрение граждан в целях обеспечения сохранности государства и национальной идентичности в период глубинных социальных трансформаций очевидна, ведь мировоззрение социальной общности – один из наиболее существенных стратегических ресурсов устойчивого развития общества. Однако попытки прямого влияния на мировоззрение индивидов с целью внедрить новые или вернуть к традиционным мировоззренческим ориентациям расцениваются сегодня как манипуляция сознанием. По этой же причине нельзя назвать удачной широко распространенную в научной среде военную терминологию, описывающую феномен мировоззренческой безопасности, а также военные стратегии, предлагаемые в качестве способов воздействия на мировоззрение (например, «информационные войны», «информационная атака», «информационный терроризм» и др.).

Для решения проблемы обеспечения мировоззренческой безопасности, на наш взгляд, необходим принципиально иной фундаментальный подход к ее решению. А именно – информационный подход, описывающий общество как коммуникационную сеть, где любые взаимодействия опосредованы процессами обмена информацией между социальными субъектами. В этом случае факторами мировоззренческой безопасности становится не столько конкретное сообщение, усвоенное или отвергнутое индивидом, сколько более общие факторы информационного рода: принципы генерации, обработки и интериоризации информации. Осуществляемая при обучении этим базовым

принципам работы с информацией, не только на уровне отдельных идеологических концептов, но и на уровне стратегии работы с информацией, концептуализация сознания позволит обеспечить мировоззренческую безопасность индивида, предотвращая манипуляцию сознанием.

Делая выбор из фундаментальных философских теорий, объясняющих феномен мировоззренческой безопасности, исследователи склоняются к двум вариантам. Первый – синергетический подход к трансформирующемуся обществу, рассматривающий его как открытую систему в состоянии нестабильности [Бурак, 2011]. Второй – теория устойчивого развития. Эта теория восходит к описаниям феномена безопасности, встречающимся уже у Платона и Аристотеля. Однако впервые о возможности обеспечения безопасности через посредство культуры упоминает Ф. Бэкон [1977. С. 393–400]. В истории философии сформулирован ряд принципиальных положений, составляющих сегодня концептуальную основу теории устойчивого развития: о свободе и рациональном выборе как необходимом условии безопасности человека (Б. Спиноза), о предопределенности устойчивого развития не только экономическими, но и социальными связями, определенным единством верований, убеждений и социальных чувств, которое можно регулировать выработкой оптимальной политики (О. Конт), о возможности существования угроз для мировоззрения индивида также и со стороны государства (Э. Дюркгейм). Мировоззрение в качестве фактора устойчивого развития общества подробно обосновал П. Сорокин. Опасности он считал следствием антагонизма моральных убеждений, и, следовательно, чтобы сохранить безопасную упорядоченную социальную жизнь, с его точки зрения, необходимо постоянное формирование общезначимых моральных убеждений. Наиболее авторитетными работами, рассматривающими мировоззренческую безопасность как фактор устойчивого развития, являются на сегодняшний день работы А. Д. Урсула [2013], по мнению которого решение глобальных проблем и обеспечение устойчивого развития возможно только через изменение мировоззрения. Мировоззренческую безопасность как фактор устойчивого развития рассматривают и многие другие авторы.

В рамках геополитической парадигмы мировоззренческая безопасность рассматривается как составная часть национальной безопасности России, где Россия понимается как евразийская цивилизация, противопоставленная по своим ценностям европейской и азиатской

цивилизациям. Например, «философия неоевразийства (на фундаменте теории многополярности) должна стать отличным от Западных теорий мировоззренческим и планетарным трендом» [Карпиленя, 2014. С. 86] или «можно констатировать сосуществование в современном мире двух некомплементарных мировоззренческих тенденций, в основе которых два некомплементарных подхода к обустройству народами своей цивилизационной и культурной жизни» [Шалаев, Шалаева, 2009. С. 372]. В целом, исходя из геополитической установки о наличии несводимых друг к другу систем ценностей и неизбежно-го в связи с этим конфликта цивилизаций (С. Хантингтон), мировоззренческая безопасность понимается в контексте информационной или идеологической войны между западной и восточной системами ценностей.

Среди факторов, оказывающих влияние на мировоззренческую безопасность, исследователи называют самые разнообразные, как в пределах духовной сферы общества, так и далеко за ее пределами. Так, к факторам мировоззренческой безопасности из области духовной сферы исследователи относят: мировоззренческий плюрализм [Любазова, 2015]; патриотизм [Евлапова, 2011]; православную культуру или религиозность как таковую [Кожич, 2016]; литературное творчество [Батурина, 2017] и др. К факторам мировоззренческой безопасности относят даже физическую культуру [Кашеев, Мошкин, 2013]. Следует заметить, что перечисленные многообразные факторы не поддаются ни сколько-нибудь серьезной систематизации, ни критике, поскольку набор факторов, как правило, не объясняется авторами, исходя из какой-либо фундаментальной теории, а предлагается по умолчанию.

Терминологический аппарат исследований в области мировоззренческой безопасности можно охарактеризовать как неустоявшийся, плюралистический. В работах присутствует целый ряд терминов, которые произвольно выбираются исследователями и существуют в данном исследовательском поле как взаимозаменяемые. Так, исследователи говорят об информационной безопасности, информационно-психологической безопасности, аксиологической безопасности и др.

Предлагаемый нами информационный подход практически не используется в качестве методологии исследования мировоззренческой безопасности. Однако в качестве работы, имеющей определенную перекличку с идеями данного подхода, можно отметить статью

В. В. Московского [2016], где автор ставит в зависимость принципы обработки информации от двух типов мировоззрений: «1. Калейдоскопическое восприятие мира, при котором люди считают – все случайно, кругом хаос, причинно-следственные связи отсутствуют, и 2. Мозаичное восприятие мира (разумное мировоззрение) – мир един и целостен, все упорядочено, все взаимосвязано и взаимозависимо, все процессы и явления связаны с мерой развития» [Там же. С. 67].

Таким образом, можно говорить о том, что теория мировоззренческой безопасности находится на начальном этапе формирования. Ситуация характеризуется терминологическим плюрализмом и неразработанностью методов исследования. Разработаны основные принципы общей теории безопасности, опирающейся на идеи социосинергетики и концепции устойчивого развития. На прикладном уровне эти теории находят свое применение в геополитической парадигме, где мировоззренческая безопасность понимается как часть системы национальной безопасности России, основанная на евразийских ценностях. Таким образом, понятие «мировоззренческая безопасность» требует дальнейшей концептуализации и поиска адекватного метода исследования данного феномена.

Список литературы / References

- Батурина И. В.** Литературное творчество как фактор мировоззренческой безопасности России (по материалам работ В. В. Зеньковского) // Изв. Международной академии аграрного образования. 2017. № 32. С. 27–32.
- Baturina I. V.** Literaturnoe tvorchestvo kak faktor mirovozzrencheskoi bezopasnosti Rossii (po materialam rabot V. V. Zen'kovskogo) [Literary work as a factor of worldview security of Russia (on the materials of works by V. V. Zenkovsky)]. *Izvestiya Mezhdunarodnoi akademii agrarnogo obrazovaniya* [News of the International Academy of Agricultural Education], 2017, no. 32, p. 27–32. (In Russ.)
- Бурак П. М.** Мировоззренческая безопасность постиндустриального общества // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2011. № 5. С. 84–89.
- Burak P. M.** Mirovozzrencheskaya bezopasnost postindustrialnogo obshchestva [Worldview security of postindustrial societies]. *Trudy BGTU*.

- Istoriya, filosofiya, filologiya* [The Works of BGTU. History, Philosophy, Philology], 2011, no. 5, p. 84–89. (In Russ.)
- Бэкон Ф.** О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 393–400.
- Bacon F.** De dignitate et augmentis scientiarum. In: Bacon F. Sochineniya [Works: In 2 vols.]. Moscow, 1977, vol. 1, p. 393–400. (In Russ.)
- Евлапова Т. В.** Патриотизм как ценностное основание национальной идеи России // Вестник государственного и муниципального управления. 2011. № 1. С. 42–45.
- Evlapova T. V.** Patriotizm kak tsennostnoe osnovanie natsionalnoi idei Rossii [Patriotism as the value basis of the national idea of Russia]. Vestnik gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Vestnik of Public and Municipal Administration], 2011, no. 1, p. 42–45. (In Russ.)
- Карпиленя Н. В.** Мировоззренческие аспекты цивилизационной и геополитической безопасности союзного государства // Гуманитарные проблемы военного дела. 2014. № 1 (1). С. 82–86.
- Karpilenya N. V.** Mirovozzrencheskie aspekty tsivilizatsionnoi i geopoliticheskoi bezopasnosti soyuznogo gosudarstva [Worldview aspects of civilizational and geopolitical security of the Union state]. Gumanitarnye problemy voennogo dela [Humanitarian Problems of Military Affairs], 2014, no. 1 (1), p. 82–86. (In Russ.)
- Кашеев Д. В., Мошкин В. Н.** Гендерные особенности влияния физической культуры на мировоззренческую готовность студентов к безопасной жизнедеятельности // Педагогическое образование на Алтае. 2013. № 2. С. 76–90.
- Kascheev D. V., Moshkin V. N.** Gendernye osobennosti vliyaniya fizicheskoi kultury na mirovozzrencheskuyu gotovnost studentov k bezopasnoi zhiznedeyatel'nosti [Gender features of the influence of physical culture on the ideological readiness of students to safe life]. Pedagogicheskoe obrazovanie na Altai [Teacher Education in the Altai], 2013, no. 2, p. 76–90. (In Russ.)
- Кожич Н. М.** Православные ценности как духовно-мировоззренческий аспект национальной безопасности // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2016. № 5 (187). С. 146–149.
- Kozhich N. M.** Pravoslavnye tsennosti kak duhovno-mirovozzrencheskii aspekt natsionalnoi bezopasnosti [Orthodox values as a spiritual and ideological aspect of national security]. Trudy BGTU. Istoriya, filosofiya, filologiya [The Works of BGTU. History, Philosophy, Philology], 2016, no. 5 (187), p. 146–149. (In Russ.)

Лобазова О. Ф. Безопасность и духовное здоровье личности в условиях мировоззренческого плюрализма // Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. «Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия». Новосибирск: Международный научный институт «Education», 2015. Т. 2 (9). С. 152–155.

Lobazova O. F. Bezopasnost i duhovnoe zdorov'e lichnosti v usloviyah mirovozzrencheskogo plyuralizma [Safety and spiritual health of the individual in the conditions of worldview pluralism]. In: Materialy X mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauchnye perspektivy XXI veka. Dostizheniya i perspektivy novogo stoletiya" [Materials of the X International Scientific-practical Conference "Scientific Prospects of the XXI century. Achievements and prospects of the new century"]. Novosibirsk, Mezhdunarodnyi Nauchnyi Institut "Education", 2015, vol. 2 (9), p. 152–155. (In Russ.)

Московский В. В. Психология формирования мировоззрения человека // Наука и современность. 2016. № 48. С. 65–68.

Moskovskii V. V. Psihologiya formirovaniya mirovozzreniya cheloveka [Psychology the formation of a person's world]. *Nauka i sovremennost* [Science and Modernity], 2016, no. 48, p. 65–68. (In Russ.)

Урсул А. Д. Национальная идея и глобальные процессы: безопасность, устойчивое развитие, ноосферогенез // Вопр. безопасности. 2013. № 2. С. 1–66.

Ursul A. D. Natsionalnaya ideya i globalnye protsessy: bezopasnost, ustoichivoe razvitie, noosferogenez [The national idea and the global processes: security, sustainable development, noosferogenez]. *Voprosy bezopasnosti* [Security Concerns], 2013, no. 2, p. 1–66. (In Russ.)

Шалаев В. П., Шалаева С. Л. Мировоззренческий фактор безопасности и перспектив народов в глобальном мире // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, № 3 (50). С. 370–374.

Shalaev V. P., Shalaeva S. L. Mirovozzrencheskii faktor bezopasnosti i perspektiv narodov v globalnom mire [Worldview factor of security and prospects of people in the global world]. *Lichnost. Kultura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society], 2009, vol. 11, no. 3 (50), p. 370–374. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received
23.07.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Федотова Марина Геннадьевна, доктор философских наук, профессор Омского государственного технического университета (пр. Мира, 11, Омск, 644050, Россия)

Marina G. Fedotova, Doctor of Sciences (Philosophy), professor, Omsk State Technical University (11 Mir Ave., Omsk, 644050, Russian Federation)

fmg@bk.ru

УДК 101.1:316

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-76-88

Революционные волны XX века: «красная волна» в Азии 1940-х – 1970-х годов

В. В. Цыганков

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследование посвящено изучению революционных волн – процесса распространения протестной активности из одного общества на другое. Автор статьи выявляет специфику и анализирует характер связей внутри «красной волны» в послевоенной Азии в 40-х – 70-х гг. XX в. Объяснены структурная, идейная и организационная зависимость между указанными революциями (восстаниями, партизанскими войнами), для этого используются миросистемный анализ, демографически-структурная теория, теория «военных революций» и неомарксистская модель Б. Мура. Данные подходы позволили объяснить авторитарный, дирижистский и эгалитарный характер азиатской «волны», а также выделили в ее рамках две идейно и организационно самостоятельные «волны».

Ключевые слова

революционные «волны», азиатская революция, партизанская война, деколонизация, Коминтерн, маоизм, «красные кхмеры», демографически-структурная теория, неомарксизм, миросистемный анализ

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макро-социологический и социально-философский анализ»)

Для цитирования

Цыганков В. В. Революционные волны XX века: «красная волна» в Азии 1940-х – 1970-х годов // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 76–88. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-76-88

© В. В. Цыганков, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

Revolutionary Waves of the Twentieth Century: “The Red Wave” in Asia, 1940–1970

V. V. Tsygankov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The study examines revolutionary waves – the process of spreading protest activity from one society to another. The author reveals the specifics and analyzes the nature of relations within the “red wave” in post-war Asia in the 40s – 70s of the twentieth century. The paper explains the structural, ideological and organizational relationship between these revolutions (uprising, partisan wars) using the world system analysis, demographic and structural theory, the theory of military revolutions, and the neo-Marxist model of B. Moore. These approaches helped to explain the authoritarian, dirigiste and egalitarian Asian “wave”, and also highlighted two ideologically and organizationally separate “waves”

Keywords

the revolutionary “waves”, the Asian revolution, guerrilla war, decolonization, the Comintern, Maoism, the Khmer Rouge, demographic-structural theory, neo-Marxism, world-system analysis

Acknowledgements

This work was financially supported by the RHSF (Russian Humanitarian Science Foundation, project no. 16-03-00318 “Revolutionary waves in the modernization dynamics of societies in XIX–XXI centuries: macrosociological and socio-philosophical analysis”)

For citation

Tsygankov V. V. Revolutionary Waves of the Twentieth Century: “The Red Wave” in Asia, 1940–1970. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 76–88. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-76-88

В последнее время среди макросоциологов продолжает усиливаться интерес к изучению явления революционных «волн», под которыми понимается процесс «заражения» обществ политической дестабилизацией, когда революционная ситуация как бы распространяется от одной страны к другой. Всего с начала XVI в. исследователи выделяют свыше 20 таких «волн» [Розов, 2016].

Автором уже были предприняты исследования «волн» периода раннего и позднего Нового времени [Цыганков, 2016; 2017]. На-

стоящая работа посвящена ярко выраженной послевоенной «красной волне» в Азии. Цель работы – подбор «генеральной совокупности» случаев протестной активности, относящихся к данной «волне», а также выявление основных типов связи между этими случаями. Решение этих задач позволит выявить количество возможных «волн» (быть может, речь надо вести о нескольких «красных волнах», а не об одной?), а также позволит объяснить конкретно-историческую специфику каждой из них.

Совокупность случаев. Рассматриваемая «красная волна» революций состоит из последовательности: 1) гражданская война в Китае (1945–1949 гг.), которая нарушила порядок «единого фронта» основных политических сил, существовавший в стране с 1936 г.; 2) партизанская война на Филиппинах (1945–1954 гг.), где коммунистические партизаны от войны с японцами плавно перешли к войне с проамериканским правительством Магсайсая; 3) антияпонское восстание в Бирме (март 1945 г.), где из подполья выходит еще не расколовшаяся Антифашистская лига народной свободы; 4) Августовская революция во Вьетнаме и последующая партизанская война (1945–1975 гг.); 5) партизанская война коалиционного (националисты и «левые») правительства Сукарно в Индонезии (октябрь 1945 г.), начавшаяся с вторжения англичан и голландцев; 6) Теланганское восстание в Индии (1947 г.), где коммунисты возглавили народное ополчение против полунезависимых княжеств, отказавшихся передать власть федеральному центру; 7) гражданская война в Бирме (март 1948 – начало 1975 г.), начавшаяся с голосования на конференции Всебирманского крестьянского союза за радикальную аграрную реформу; 8) антибританская война Объединенного народного фронта Малайзии (июнь 1948 – 1957 гг.), где коммунистических партизан поддерживали китайские переселенцы; 9) восстание на корейском острове Чеджудо (1948 г.), начавшееся с бойкота коммунистами выборов на южной части полуострова; 10) Маджунское восстание в Индонезии (сентябрь 1948 г.), спровоцированное попыткой правительства Сукарно разоружить коммунистических партизан; 11) совместное наступление интервентов Вьетнамской народной армии и местных партизан «Патет Лао» на профранцузскую монархию Лаоса (1953–1975 гг.), начавшееся с разгрома французами «правительства трех принцев» и с реставрации монархии; 12) партизанская война в Таиланде (1965 – начало 1990 гг.), начавшаяся с акций маоистской Народно-освободительной армии в Корате и Пхупоне, позже на юге страны зафиксирована неудачная интервенция отрядов компартии Малайи;

13) восстание в Наксалбари и начало партизанской войны наксалитов в Индии (март 1967 г. – настоящее время), крестьянское восстание в Бенгалии, поддержанное маоистами, образовавшими затем «красный пояс» на границе с КНР; 14) партизанская война Чин Пена в Малайзии (1967–1989 гг.), начатая китайскими переселенцами уже под флагом маоизма; 15) крестьянское восстание в Камбодже против правительства «короля-премьера» Н. Сианука (1967 г.); 16) бунты хунвейбинов в Ухане и Гуйлине в КНР (июль-август 1967 г.), произошедшие после волны захватов власти «коммунами» хунвейбинов с февраля 1967 г. и ответных действий консервативно настроенного населения и подразделений НОАК; 17) восстание Новой народной армии на Филиппинах (1968 г.), состоящей из маоистов, отколовшихся от КПИ; 18) восстание в Камбодже (1970–1975 гг.), к которому призвал Сианук, свергнутый в ходе военного переворота Лон Нола, закончившееся победой «красных кхмеров»¹.

Специфика. Выделение в данном ряду отдельных протестных событий вызывает трудности: в этот период может не наблюдаться классическая схема *«сначала восстание, потом – институционализация протеста»*. Специфика колониальных обществ послевоенного периода состоит в том, что к началу активной фазы протеста господствующий порядок *уже* подорван (японцы разгромили прежних колонизаторов), а субъекты протеста *уже* сформированы (как правило – усилиями Коминтерна в 1920-е – 1930-е гг.). Поэтому доминирующий сценарий периода таков: съезд (конгресс, конференция) левой партии (союза, Фронта) выносит решение о переходе в оппозицию к постколониальному правительству (или даже решение атаковать отступающих японцев), после чего протестный субъект начинает партизанскую войну с опорой на помощь местного населения. Этот сценарий можно обозначить как «отложенный конфликт» (предельно выпуклый случай которого – возобновление гражданской войны в Китае между Гоминьданом и КПК в 1945 г.).

¹ Например, деятельность Индийского национального конгресса в 1945–1947 гг. или Непальского конгресса в 1948–1950 гг. в «красную волну» не попадает: хотя она лежит в русле процесса деколонизации, однако имеет выраженные кастово-клановые (в Непале) или националистические черты (в Индии). Не попадает сюда и приход к власти националистов движения «Свободный Лаос» (октябрь 1945 г.), выразившийся в создании «правительства трех принцев», а также Тайваньское восстание («Инцидент 228»), носившее сепаратистский характер по отношению к гоминьдановской администрации (февраль-март 1947 г.).

Типы связи внутри «волны». «Революционная волна» предполагает следующие типы связей между отдельными протестными событиями: *структурную, идейную, и организационную.* Наиболее трудной для выявления (и даже просто для обсуждения) оказывается структурная зависимость, т. е. связь, означающая единые процессы, которые идут одновременно во множестве обществ и провоцируют совпадающие по времени протестные акции.

Структурная связь

Что могут здесь предложить важнейшие экзогенные подходы: *геополитика* и *миросистемный анализ*? С геополитической точки зрения крушение легитимности порядков в азиатских обществах – это, во-первых, результат «вакуума могущества» от поражения Европы во Второй мировой войне, а во-вторых – результат борьбы победителей за «сферы влияния» в мире путем локальных войн руками участников местных гражданских войн. С миросистемной точки зрения главный процесс, подрывавший легитимность – это постепенная утрата Британией статуса гегемона мир-экономики, которая обозначилась уже к концу XIX в. и стала очевидна в 1920-х гг., спровоцировав Великую депрессию. С этой позиции ослабление Британии и усиление «претендента»-Германии – это те процессы, которые вызвали к жизни и Первую, и Вторую мировые войны. Результаты этих конфликтов сработали на усиление США примерно так же, как наполеоновские войны экономически усилили в свое время саму Британию. А новый гегемон ведет себя в начале своей «карьеры» примерно одинаково: начинает борьбу за «свободный рынок» и против экономических перегородок (протекционизма, системы британских «двусторонних договоров»). Такой борьбой и стала послевоенная деколонизация. При этом США не должны были прямо столкнуться в борьбе с Европой – своим военным союзником, и здесь как нельзя кстати понадобился «громоотвод» (или «пугало») в лице СССР. Примерно такую же роль для Британии в XIX в. сыграла Франция в деле деколонизации иbero-американского мира. Другими словами, миросистемный цикл накопления капитала и смены гегемона объясняет экономическую подоплеку коалиционного конфликта масштаба Тридцатилетней, Семилетней войны или мировых войн, а также – волн деколонизации в XIX и XX вв. В рамки такой экзоструктурной зависимости попадают не только 18 вышеназванных протестных случаев, но также и случаи Индийского и Непальского конгрессов, движение

«Свободный Лаос», и тайваньский «Инцидент 228», имеющие националистический или кастово-сословный характер.

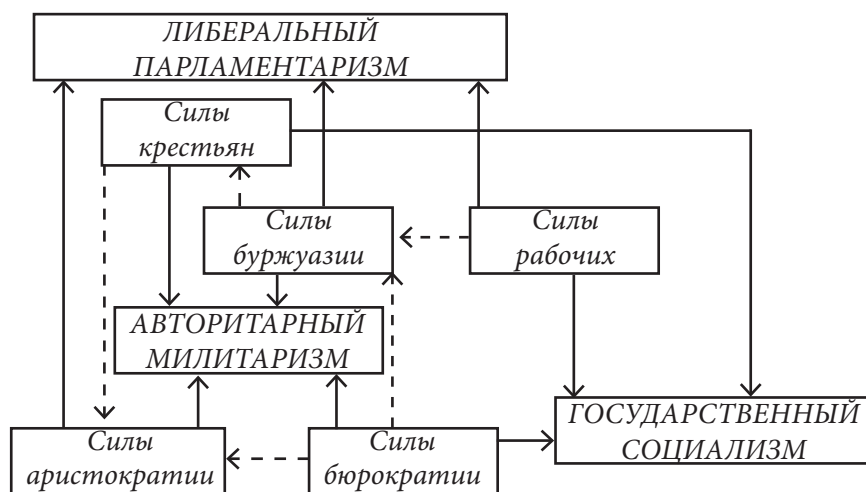
Но почему при крушении порядка альтернативой оказывался, как правило, «левый» проект (а не, например, националистический, сословный, клерикальный)? В ответе на этот вопрос ни геополитика, ни миросистемный анализ не могут помочь. Здесь нужны версии, объясняющие эндоструктурные связи между участниками «волны».

Если полемогенный фактор в рассматриваемых случаях – ключевой, то, быть может, следует обратиться к *теории «военной революции»*? С позиции этого подхода утрата легитимности «старых режимов» по итогам Первой мировой войны объясняется в социально-административном ключе. Впервые в истории «массовое общество» собрало «массовую армию» всеобщей воинской повинности, десяткам миллионов подданных выдали оружие и обучили сражаться. Такой «сквозной» милитаризации доселе не было в истории крупных стран. А в Новое и Новейшее время переход к новым военным системам провоцирует открытость и «уравнительность» социальной иерархии: в предшествующий период такой эффект наблюдался от заимствования турецкой военной системы, затем – системы наполеоновской империи [Нефедов, 2008. С. 582]. В начале XX в. еще более массовое превращение подданных в граждан военным путем стало фактором делегитимации прежнего порядка, носящего более или менее сословный характер. На это накладывались различные версии экономического дирижизма, также опробованные в Первой мировой войне – и к ним крупные страны вернулись в годы Великой депрессии [Мак-Нил, 2008. С. 401–404]. Иными словами, теория «военной революции» говорит о военно-технической обусловленности крушения сословных порядков (особенно характерных для законсервированных колоний) и распространения эгалитаризма и дирижизма – двух главных компонентов коммунистической идеологии.

К этой же теме, но с иной стороны подходит *демографически-структурная теория* в версии С. А. Нефедова, который, развивая идею П. Сорокина, настаивает на том, что демографическое «сжатие» и голод в аграрных обществах приводят не только к «брейкдауну» Голдстоуна, но и к более или менее длительному периоду «эгалитарного этатизма» с дирижизмом и уравнительным распределением [Нефедов, 2007. С. 50]. На демографический фактор указывают и исследователи, находящиеся на иных позициях – например, У. Мак-Нил, увязывающий аграрную перенаселенность с революционной политизированностью крестьян предреволюционных России и Китая [2008.

С. 364]. Иначе говоря, аграрное перенаселение толкает крестьян на поддержку именно эгалитарной (в социальной сфере), дирижистской (в области экономики) и авторитарной (в области политики) альтернативы.

Версии «развития через конфликт» по-своему объясняют выбор в пользу эгалитарного этатизма и дирижизма. В рамках *неомарксизма* (например, концепции Б. Мура о «трех путях из феодализма») выбор постфеодального общества, по сути, невелик: это либо либеральный парламентаризм («демократия»), либо авторитарный милитаризм («национальная диктатура»), либо государственный социализм («пролетарская диктатура»). В каждом случае есть ведущие и ведомые социальные субъекты (у Мура под этим имеется в виду выбор «первой и второй очереди»: что социальный субъект склонен выбрать, когда он силен, и что – когда он слаб) (см. рисунок).

Три выхода из феодализма

(реконструкция модели Б. Мура: сплошная стрелка – прямая зависимость, пунктирная стрелка – обратная зависимость)

В случае либерального парламентаризма ведущей силой является буржуазия («крупный бизнес»), а ведомыми – аристократия («землеладельцы-рантье») и рабочие (персонал крупной индустрии). В этом случае рабочие и бюрократия не смогли или не успели ослабить буржуазию.

Для авторитарного милитаризма (это, например, японский и прусский милитаризм, китайский «гоминьдановский национал-социализм», фашистские проекты Европы 1930-х гг.) ведущими силами выступают аристократия и бюрократия, а ведомыми – крестьяне и буржуазия. При этом сильная бюрократия должна подавить буржуазию, но не подавлять аристократию (с которой она связана и из которой рекрутируется).

Для государственного социализма ведущими силами являются рабочие и (особенно) крестьяне, а ведомой – бюрократия. При этом условия должны сложиться так, что рабочие и бюрократия очень рано смогут противодействовать буржуазии (что возможно только в обществах «догоняющей модернизации»), не давая провести «раскрестьянивание» крестьян. Но это – важное условие и для милитаризма. Другим условием для революций коммунистического толка Б. Мур называет существование структур не-аристократического рекрутирования в ряды бюрократии (наподобие земской системы для разночинной бюрократии в России или конфуцианской системы экзаменов для чиновников в Китае). Благодаря этой системе усиление бюрократии означает не усиление, а ослабление аристократии. Это обстоятельство затрудняет или делает невозможным авторитарный милитаризм, а вместе с обилием крестьянского слоя приближает возможность социалистической альтернативы [Мур-младший, 2016. С. 371–432]. С этой точки зрения колониальный период истории ЮВА характеризовался как раз уменьшением влияния местной буржуазии и преобладанием аристократии, которой гораздо больше благоволила английская и французская администрация ². Но развитый авторитарный милитаризм в Азии успел возникнуть только в Японии, где был суверенитет бюрократии ³, остальная Азия в большинстве своем просто попала в японскую «Сферу сопроцветания», а аристократические режимы в ходе японской оккупации как раз потеряли привычную опору в лице Запада. Итак, произошла дисфункция сперва местной буржуазии, а затем – аристократии (не говоря уже о наглядном воен-

² Неслучайно, например, в Лаосе французы в 1946 г. свергли революционное правительство движения «Свободный Лаос» и реставрировали монархию.

³ Хотя суверенной бюрократии в Китае было хоть отбавляй, но буржуазия была ослаблена бюрократией и рабочими, рост численности которых (особенно на юге страны) объяснялся не успехами местной буржуазии, а вовлечением страны в торгово-промышленные «цепочки» Запада. Аристократия же была ослаблена бюрократией и крестьянством (что и показала Синьхайская революция).

ном поражении самого милитаристского проекта в виде побежденной японской армии во всех рассматриваемых странах).

Идейная и организационная связь

В рассматриваемой революционной волне эти две связи тесно переплетены, поскольку те общества-доноры, которые активно поставляют своих эмиссаров в общества-реципиенты, продуцируют также и обновляемые идейные установки, которые модифицируют протестную активность. Конечно, в известном смысле идейная связь азиатской «красной» волны берет свое начало еще с марксистского Манифеста коммунистической партии 1848 г. и бланкизма, реализованного в ходе Парижской Коммуны 1871 г. Или, например, с русского ленинского большевизма с его пропагандистским завоеванием влияния в представительских органах власти и последующим вооруженным восстанием. Однако ближайших идейных центров для рассматриваемых событий все же два: 1) решения III Интернационала (Коминтерна) 1920–1935 гг. и 2) решения Компартии КНР (КПК) 1960-х гг.

Большинство организаций коммунистического толка возникло в Азии в 1920-х гг. (первой стала секция Коминтерна от Индонезии в 1920 г.). Важными идейными вехами следует считать: 1) *«Двадцать одно условие»* приема организации в Коминтерн, среди которых было создание параллельных подпольных партийных органов и нелегальные методы борьбы наряду с легальными (II Конгресс, 1920 г.); 2) идея *«революционного отлива»*, предписывающая секциям затаиться, выдвигать «переходные идеи» и вести работу в профсоюзах (III и IV Конгрессы, 1921 и 1922 гг.); 3) идея *«антиимпериалистического фронта»*, предписывающая местным секциям вступать в союзы с националистами (IV Конгресс, 1922 г.); 4) идея *«социал-фашизма»*, предписывающая разрыв с идейно близкими социал-демократами в условиях мирового кризиса, который вновь позволял коммунистам «играть в полную силу» (VI Конгресс); 5) идея *«Народного фронта»*, предписывающая блокироваться фактически с кем угодно (вплоть до клерикалов) против фашистов и прочих версий правых милитаристских диктатур (VII Конгресс, 1935 г.); и, наконец, еще одно идейное детище Коминтерна, значение которого для рассматриваемой революционной волны трудно переоценить; 6) книга *«Вооруженное восстание»*, подготовленная в конце 1920-х гг. под эгидой Коминтерна и РККА (среди авторов – Блюхер, Тухачевский, Тольятти, Хо Ши Мин)

[Адибеков и др., 1997]. В действиях многоликих красных партизан Азии 1940–1950-х гг. легко угадывается весь этот набор стратегий и тактик, которые применялись в зависимости от прописанных Коминтерном условий ⁴.

Что сюда добавил китайский маоизм и организационное донорство Пекина? Маоистская «новая демократия» и принцип «линии масс» во многом повторяли идею «Народного фронта» и прочие «переходные» тактики Коминтерна. Действительно новинками стали: правильный путь прихода к власти – «окружение города деревней», «теория народной войны» (партизанская война на истощение), «теория трех миров» (сверхдержавы не помогут бедным и отсталым, а поможет только Китай, столь же обездоленный, но вооруженный «новым учением») ⁵.

На этапе влияния коминтерновской традиции поднявшие вооруженное восстание коммунисты, при длительном неуспехе гражданской войны или быстром поражении, руководствуясь коминтерновским принципом «революционного отлива», переходят к невоенным формам борьбы. Так было в Индии (1947 г.), Индонезии (1948 г.), на Филиппинах (1954 г.), в Бирме (1955 г.), Малайзии (1957 г.). С распространением маоизма ситуация изменилась. Теперь не надо было ориентироваться на быструю победу в гражданской войне и на благосклонность сверхдержав. Расширившиеся идейные основания ведения борьбы позволяли инсургентам партизанить десятилетиями без смены тактики. Так было в Таиланде, в Малайзии, так до сих пор происходит в Индии и Непале ⁶.

⁴ Понятно, что этот набор не был бы распространен без деятельности структур Коминтерна (таких как МОПР, КИМ, Профинтерн, Коммунистический университет трудящихся Востока и пр.) и разного рода информационных и дисциплинарных мер. Например, с 1924 г. предписывалась регулярная посылка инструкторов в секции, которые были обязаны выполнять решения конгресса до их возможного обжалования на следующем конгрессе (правило действовало с 1928 г.).

⁵ Что касается прямой организационной и материальной помощи партизанам уже после начала восстания, то с середины 1960-х гг. КНР помогала практически всем маоистам ЮВА. Помощь же СССР была оказана только партизанам Лаоса (с 1960 г.) и Вьетнама (с 1965 г.). Хотя, конечно, помощь эта была качественно разной: патронами и цитатниками Мао в первом случае, вертолетами, ракетами и обучением в университете им. Патриса Лумумбы – во втором.

⁶ При этом после отказа в КНР от основных принципов маоизма во второй половине 1970-х гг. в большинстве случаев партизаны ЮВА повсеместно объявили об отколе от «китайских ревизионистов» и сейчас настроены враждебно к современной китайской политике.

Таким образом, структурная связь между коммунистическими революциями в Азии 1940-х – 1960-х гг. включает как те причины, которые вызвали Первую и Вторую мировые войны (и первую «красную» революционную волну): 1) падение британской гегемонии, фаза конкуренции в рамках цикла накопления капитала в мир-экономике, а также 2) геополитическое возвышение Пруссии / Германии и Японии по итогам франко-прусской и русско-японской войн, что вызвало коалиционную войну и последующую волну деколонизации; так и те факторы, которые возникли в ходе и после Второй мировой войны: 3) падение могущества Европы и возвышение Северной Америки и Северной Евразии; 4) повторение в колониях европейских процессов, вызванных «военной революцией» и сквозной милитаризацией общества. На это все накладывается 5) вызванная войной дисфункция аристократии в аграрных обществах колоний и 6) дискредитация авторитарного милитаризма в качестве одного из двух наиболее вероятных сценариев для освобожденных обществ «третьего эшелона» модернизации.

Если описанная экзоструктурная связь (смена гегемона, деколонизация, «вакуум могущества») распространяется на 22 революционных случая, то эндоструктурная связь охватывает уже только 18 случаев протестной активности, а при учете идейно-организационной связи «волна» распадается на 2 «волны», одну из которых следует назвать «коминтерновской», а вторую – «маоистской».

Список литературы / References

- Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.** Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 280 с.
Adibekov G. M., Shakhnazarova E. N., Shirinya K. K. Organizationalnaya struktura Komintern. 1919–1943 [The Organizational Structure of the Comintern. 1919–1943]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. (In Russ.)
- Мак-Нил У.** В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008. 456 с.
Mac-Nil U. V pogone za mosch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obschestvo v XI–XX vekakh [In the Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society in XI–XX Centuries]. Moscow, Territoriya budushhego Publ., 2008. (In Russ.)

- Мур-младший Б.** Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016. 488 с.
- Moore B. Jr. Sotsialnye istoki diktatury i demokratii: Rol' pomeschika i krest'yanina v sozdanii sovremennogo mira [Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World]. Moscow, 2016. (In Russ.)
- Нефедов С. А.** Концепция демографических циклов. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. 141 с.
- Nefedov S. A. Kontseptsiya demograficheskikh tsiklov [Concept of Demographic Cycles]. Ekaterinburg, Izdatelstvo UGGU, 2007. (In Russ.)
- Нефедов С. А.** Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Территория будущего, 2008. 752 с.
- Nefedov S. A. Faktornyi analiz istoricheskogo protsesssa. Istoriya Vostoka [Factor Analysis of the Historical Process. History of the East]. Moscow, Territoriya budushhego Publ., 2008. (In Russ.)
- Розов Н. С.** Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания // ЭКО. 2016. № 10. С. 78–95.
- Rozov N. S. Revolyutsionnye volny v mirovoi istorii: dinamicheskie modeli rosta i ugasaniya [The revolutionary waves in the history of the world: a dynamic model of growth and decline]. EKO, 2016, no. 10, p. 78–95. (In Russ.)
- Цыганков В. В.** Революционные волны в позднее Новое время: мануфактурный кризис в мире и промышленный переворот в Англии // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 204–225.
- Tsygankov V. V. Revolyutsionnye volny v pozdnee Novoe vremya: manufakturnyi krizis v mire i promyshlennyi perevorot v Anglii [Revolutionary waves in later Modern times: the manufacturing crisis in the world and the industrial revolution in England]. In: Nauka, obrazovanie, obschestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya [Science, Education, Society: Trends and Prospects]: Materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Cheboksary, 2017, p. 204–225. (In Russ.)
- Цыганков В. В.** Типы революционных волн (на материале истории Раннего Модерна) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ежегодник. Волгоград. 2016. С. 263–281.
- Tsygankov V. V. Tipy revolyutsionnykh voln (na materiale istorii Ranego Moderna) [Types of revolutionary waves (based on the history

of Early Modern)]. In: Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov: Ezhegodnik [System Monitoring of Global and Regional Risks: Yearbook]. Volgograd, 2016, p. 263–281. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

23.07.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Цыганков Владислав Васильевич, кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladislav V. Tsygankov, Candidate of Science (Philosophy), docent of Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

oktava-77@yandex.ru

УДК 322; 316.347

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-89-98

Иммиграционный фактор трансформации социального пространства

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН

*Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрены социально-культурные аспекты и последствия международной миграции. Выделены факторы, способствующие и затрудняющие интеграцию иммигрантов в принимающее общество. Показана значимость религии в укреплении межэтнических отношений. В статье использованы результаты трех эмпирических исследований: мигрантов-мусульман и населения г. Новосибирск

Ключевые слова

иммиграция, культурно-религиозная интеграция и фрагментация, социальная включенность женщин

Для цитирования

Солодова Г. С. Иммиграционный фактор трансформации социального пространства // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 89–98. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-89-98

Immigration Factor of Transformation of Social Space

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper considers the socio-cultural aspects and consequences of international migration. It singles out factors that facilitate and impede the integration of immigrants

© Г. С. Солодова, 2019

into the host society and shows the importance of religion in strengthening inter-ethnic relations. The article uses the results of three empirical studies: of migrant Muslims and the population of Novosibirsk.

Keywords

immigration, cultural and religious integration and fragmentation, social inclusion of women

For citation

Solodova G. S. Immigration Factor of Transformation of Social Space. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 89–98. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-89-98

Открытие границ, возможность оперативного обмена информацией, наконец, просто быстрого территориального перемещения создали принципиально новую ситуацию в этнокультурном пространстве многих стран. Резко возросшая мобильность людей (как результат смягчения миграционных правил, складывания мощных транснациональных экономических и культурных связей и т. д.) породила серьезные изменения в социально-политической и этнорелигиозной конфигурации мира. Произошедшие и происходящие перемены, их суть и социальные последствия нуждаются в внимании и прогнозировании. Вместе с тем обращение к апробированным и привычным схемам объяснения происходящих изменений оказалось не совсем результативным.

Современная западноевропейская (и не только) ситуация дает основания для рассмотрения мигрантов как проблематичной категории. Постоянный, а периодически их интенсивный приток обуславливает не только абсолютный, но и относительный прирост инокультурных и инорелигиозных граждан. Кардинальные изменения социального контекста на макроуровне привели к тому, что прежние способы сохранения внутригосударственного единства остались по преимуществу в прошлом, возможности их применения оказались ограниченными и недостаточными. Государства стали нуждаться в выработке новых, дополнительных средств и механизмов поддержания социальных связей.

Европейский опыт показывает, что политика мультикультурализма, как способ консолидации общества, не может обеспечить интеграцию всех жителей страны. Формирование общегражданской идентичности оказалось не столь успешным, как предполагалось. Так, среди

выходцев из Северной Африки и Ближнего Востока объединение и консолидация происходят в значительной мере на базе этнического и религиозного основания. Формируются вполне устойчивые и долговременные сообщества, диаспоры. К слову заметим, что данное явление вполне закономерно и объяснимо.

Вместе с тем доминирование этноконфессионального признака затрудняет инкорпорацию приезжих в местное сообщество. Возникают параллельные группы, клановые сообщества и системы, определяющим критерием вхождения в которые становятся этническая и конфессиональная принадлежности. В свою очередь это ведет к локальной замкнутости взаимодействий. Рост числа и доли инокультурных и иномысленных иммигрантов делает подобную ситуацию проблемной. Несуществующая и не обсуждаемая ранее тема стала одной из ключевых в современном социальном дискурсе. Проблемы миграции приобрели государственно-политическое звучание, признаны в качестве одного из политических приоритетов, затрагивающих государственную безопасность многих стран.

Европейский и, в частности, германский опыт активных трансграничных миграций демонстрирует ситуации как явного, так и менее очевидного административно-территориального, культурно-языкового, религиозно-этнического разделения населения страны. Наличие целых районов «новых жителей», отличающихся по своим ключевым ценностям, нормам и повседневным практикам от традиционных представлений и практик местного населения, сегодня не является чем-то феноменальным и неординарным.

Религиозная и этническая однородность подобных кварталов создает благоприятную ситуацию для сохранения и активного воспроизводства ввезенной культуры. Как следствие, хиджаб в них является скорее нормой, нежели исключением. Языком межличностного взаимодействия остается язык страны исхода. Религиозно-культурная гомогенность, обособленность и устойчивость таких поселений формирует ситуацию маркирования и разделения на очевидные «мы» и «они». Возникает взаимная закрытость и отчужденность. Вероятность, допустимость, скажем так – санкционированность и одобрение неформальных, дружеских и деловых межкультурных и, в том числе межконфессиональных, контактов и связей уменьшаются и минимизируются. И это несмотря на принадлежность к одному государству и одной нации. Понятие нации в данной статье используется как согражданство и государственно-политическое сообщество,

включающее всех граждан страны, вне зависимости от их этнических характеристик.

Вместе с тем совместное существование в едином общественном пространстве предполагает соотнесение себя и своего поведения с общественными требованиями. Подчинение и следование общественным императивам является условием для социальной бесконфликтности и сохранения социального порядка. В ситуации постоянного увеличения доли инокультурных приезжих, активного воспроизводства ими введенных традиций может происходить смена общественных представлений и практик. Разнородность жизненных приоритетов и повседневных практик может препятствовать общественной солидарности и единству. Более того, она может способствовать социально-коммуникативной и территориальной обособленности, создавать ощущение не просто отличия, но чуждости. В терминологии Зиммеля, человек становится не просто Другим, но Чужим [Краснопольская, Солодова, 2012; 2013]. Некогда Чужой на данной территории может стать своим, а Свой превратиться в Чужого.

Формирование общегражданской идентичности как способа интеграции представителей разных культур на базе политического и социокультурного единства, в политической терминологии – нации, предотвращает ситуацию разобщенного соседского проживания. Оно не подразумевает аннулирования или нивелирования национальных особенностей, языков и культур. Однако с необходимостью они должны дополняться сквозной, связующей общество культурой, объединяющей все национальные культуры. Логично, если в основе общеразделяемой культуры будет лежать культура принимающего общества, имеющая длительную территориальную привязку, глубокие исторические и консолидирующие корни. Этническое и религиозное сообщества – части общества. Соответственно, этническая и религиозная идентичности дополняются общегражданской идентичностью, как условия общегосударственной солидарности и поддержания согласия по базовым ценностям.

Иными словами, социальная дифференциация дополняется культурно-религиозной фрагментацией. И в данном случае речь идет не о культурном, этническом и религиозном многообразии как условии комфортного проживания представителей разных народов, а именно о процессах внутригосударственного дробления. При современных и хорошо известных западноевропейских обстоятельствах подобные процессы не являются исключительными. Более того, есть основания говорить об их развитии и закреплении.

Европейский опыт и исследования говорят о выходцах из мусульманских стран как «наименее интегрированном меньшинстве в современной Европе». С точки зрения ряда исследователей, одной из основных причин этого является высокий уровень религиозной обособленности данной группы. Основанием для подобного заявления служит наличие религиозных требований, плохо совмещающихся с традиционными средневропейскими нормами. В первую очередь это относится к требованиям в одежде, семейной сфере, к роли женщины в обществе в целом.

Безусловно, российская ситуация имеет другую историческую, политическую и социально-экономическую подоплеку. Характер взаимодействия приезжих и принимающего общества, условия и предпосылки для интеграции мигрантов отличаются от европейских. Для большинства мигрантов основной причиной приезда в нашу страну являются желание и необходимость работать и зарабатывать. На пособия рассчитывать не приходится. Это обуславливает другие, более продуктивные для принимающей стороны, поведенческие практики и стратегии приезжих – трудовые.

Вместе с тем сезонная и внесезонная активизация миграционных процессов, существующие способы ее регулирования и, скажем так – обустройства мигрантов, создают предпосылки для аналогичного европейскому, этнорелигиозного сегментирования городских поселений и в российских условиях. Исходя из этого, анализ европейского опыта интеграционной политики может быть полезным для построения концептуальных и административно-практических подходов к выстраиванию отношений между разными этническими и религиозными группами, приезжими и местным населением. Он позволит выделить продуктивные и солидаризирующие или, напротив, разрушительные и дезинтегрирующие, установки и практики.

В секулярных и немусульманских обществах выраженная приверженность исламу служит маркером единства иммигрантов с более широким, внесоциальным международным религиозным сообществом, уммой. Визуальная актуализация религиозной идентичности снижает значимость других идентичностей, делает ее доминирующей по сравнению с общегражданской. Это некий знак и принцип для налаживания и развития или, напротив, избегания межличностной коммуникации.

Как считает ряд исследователей, выраженная религиозность мусульман продуцирует враждебность по отношению к ним среди мест-

ного европейского населения, которое не понимает или не разделяет чужие религиозные практики. Некоторые спорят, направлена ли эта враждебность к неприятию иных, особых мусульманских обычаев, или это страх неизвестного, который может утихнуть со временем. Публичные религиозные практики увеличивают вероятность стигматизации, что является дополнительным фактором отчуждения и затруднения полноценного инкорпорирования активных приверженцев ислама. Некоторые исследователи утверждают, что подобные процессы наиболее ярко выражены во Франции, где общественная приверженность секуляризму стигматизирует даже умеренные проявления религии.

Будучи не столь острой, российская иммиграционная ситуация, тем не менее, также требует внимания и анализа. Приведем некоторые эмпирические результаты проведенных нами исследований: двух опросов мигрантов-мусульман (2009 и 2013 гг.) и принимающего общества – взрослого населения Новосибирска (2014 г.).

Одним из наиболее заметных проявлений инорелигиозности являются женщины-мусульманки. Нами была сделана попытка прослеживания динамики изменения отношения самих мигрантов к тем или иным вопросам, связанным с атрибутивными особенностями женщин-мусульманок и представлениями о них. С другой стороны, необходимо было выявить точки зрения представителей принимающего общества (табл. 1). Полученные результаты выявили четкие расхождения во взглядах на диапазон социальной включенности женщин среди местного населения и приезжих, для которых значимым является не работать, а заниматься только домом, семьей и детьми, внешний имидж (носить много дорогих украшений и богато одеваться...), повседневное следование религиозным нормам, не принятым в светском обществе – вести себя, как требуют того законы шариата (носить хиджаб). Вместе с тем высокий процент новосибирцев, затруднившихся с ответом, говорит об определенной несформированности их оценки данной ситуации.

Для выявления наиболее приемлемой стратегии миграционной политики принимающего общества по отношению к мигрантам респондентам было предложено выразить свое отношение к составляющим набора из пяти наиболее распространенных мировых практик. Предпочтительным вариантом для новосибирцев оказалось принятие превентивных мер – ограничение въезда в страну 65 % (табл. 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что женщины-мусульманки здесь в России должны», %

Вариант ответа	Мигранты, 2009	Мигранты, 2013	Принимающее общество, 2014
Получать хорошее образование и иметь такие же права, как мужчины-мусульмане			
Согласен	68	68	59
Не согласен	21	14	11
Трудно сказать	12	18	30
Не работать, а заниматься только домом, семьей и детьми			
Согласен	43	41	8
Не согласен	44	42	51
Трудно сказать	13	17	42
Носить много дорогих украшений и богато одеваться, чтобы показать успешность мужа			
Согласен	26	21	5
Не согласен	54	56	49
Трудно сказать	20	22	46
Вести себя, как требуют того законы шариата (носить хиджаб)			
Согласен	29	27	7
Не согласен	47	46	56
Трудно сказать	23	28	37

Сторонников оказания поддержки в процессе адаптации и интеграции, помощи в том, чтобы стать российскими гражданами – менее 20 %. Это больше, нежели предпочитающих депортационную стратегию – «вывозить обратно на их родину». Сегрегационную модель взаимодействия «селить в отдельные районы города» выбрало менее 10 % опрошенных.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, что по отношению к мигрантам для России лучше?», %

Вариант ответов	Принимающее общество
Помогать стать российскими гражданами	18
Селить в отдельные районы города	8
Селить во все районы города небольшими группами	17
Ограничить въезд в страну	65
Вывозить обратно на их родину	22

Как видно, реально наблюдаемая сегодня картина территориальной локализации приезжих не является предпочтительной, с точки зрения местного населения Новосибирска. Однако аппроксимация данного вывода на общероссийскую ситуацию или тем более западноевропейский контекст требует рассмотрения результатов других исследований.

Несмотря на сменяющие друг друга процессы секуляризации и религиозного ренессанса, роль религии как социального института и религиозного мировоззрения как структуры, определяющей ценностную систему и повседневные практики своих последователей, никто не отменял. Можно говорить о большей или меньшей степени влияния религии, однако пренебрежение или тем более игнорирование данного фактора представляется непродуктивным и недальновидным. Исходя из этого, представителям принимающего общества нами был предложен вопрос о последствиях укрепления роли мировых религий на межнациональные отношения. Полученные результаты показали – наиболее позитивно было оценено влияние православия (табл. 3). Полагаем, что в данном случае это определяется не только исходными

базовыми принципами, заложенными в вероучении, но и большей информированностью респондентов об этой ветви христианства, в конце концов, просто своей принадлежностью к православию.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«На Ваш взгляд, как повлияет укрепление разных религий
на межнациональные отношения?», %

Вариант ответов	Улучшит	Обострит	Не повлияет
Укрепление православия	48	11	35
Укрепление ислама	11	51	30
Укрепление буддизма	21	16	56

В итоге отметим, что этнические и религиозные идентификации являются весьма важными как с социальной, так и с индивидуальной точек зрения. Они могут быть чрезвычайно чувствительными и болезненными, как следствие, обладать большим интеграционным потенциалом. Актуализация и акцентирование значимости этнической и религиозной идентификаций, при одновременной невыраженности общероссийского самосознания, общегражданской идентичности представляются контрпродуктивными, затрудняющими формирование социального и духовного единства общества.

Список литературы / References

- Краснопольская И. И., Солодова Г. С.** Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля // Социол. журн. 2012. № 4. С. 24–35.
- Krasnopol'skaya I. I., Solodova G. S.** Vospriyatie chuzhaka gruppoy v sotsiologii G. Zimmelya [Perception of a stranger by a group in the sociology of G. Simmel]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2012, no. 4, p. 24–35. (In Russ.)
- Краснопольская И. И., Солодова Г. С.** Социальное конструирование этничности // Социол. исследования. 2013. № 12. С. 26–34.

Krasnopol'skaya I. I., Solodova G. S. Sotsialnoe konstruirovaniye etnichnosti [Social construction of ethnicity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [*Sociological Research*], 2013, no. 12, p. 26–34. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

*Received
05.12.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Солодова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); профессор Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (ул. Кирова, 86, Новосибирск, 630102, Россия)

Galina S. Solodova, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Professor, Siberian State University of Telecommunications and Informatics (86 Kirov Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)

gsolodova@gmail.com

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-99-109

Гражданская религия Ж.-Ж. Руссо и Р. Н. Беллы и границы терпимости государства

Е. В. Винчковский

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия*

Аннотация

Анализируется эволюция понятия «гражданская религия» на примере определений Ж.-Ж. Руссо и Р. Н. Беллы. Обоснован исторический переход интерпретаций гражданской религии от всеобщей и естественной до частной и позитивной. Приведена аргументация теоретической недостаточности гражданской религии в качестве мультикультурной границы государства.

Ключевые слова

гражданская религия, мультикультурализм, терпимость, гражданин, принцип, догмат

Для цитирования

Винчковский Е. В. Гражданская религия Ж.-Ж. Руссо и Р. Н. Беллы и границы терпимости государства // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 99–109. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-99-109

Civil Religion by J.-J. Rousseau and R. N. Bellah and Limits of the Toleration of the State

E. V. Vinchkovskii

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This paper presents an analysis of the evolution of the concept of «civil religion» as defined by Jean-Jacques Rousseau and Robert Neelly Bellah. The historical transition of

© Е. В. Винчковский, 2019

civil religion interpretations from the universal and natural to the particular and positive has been substantiated. The reasoning of the theoretical insufficiency of civil religion as a multicultural state border is given.

Keywords

civil religion, multiculturalism, toleration, citizen, principle, dogmata

For citation

Vinchkovskii E. V. Civil Religion by J.-J. Rousseau and R. N. Bellah and Limits of the Toleration of the State. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 99–109. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-99-109

В современном мире уже практически не встретишь государств с этнически единым населением, культуры и народы все более и более переплетаются между собой и требуют предоставления определенных гарантий собственного воспроизводства норм и практик. Именно в связи с этим встает вопрос: до какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым и относиться к нему терпимо и как обеспечить гармонию в этих условиях? Когда в рамках одного общества сосуществуют люди с разными культурными традициями, необходимо решить ряд проблем, чтобы обеспечить четкие и устраивающие всех правила общежития¹, которые будут являться своего рода границей терпимости государства к этническим группам. Одним из множества подобных вариантов такой границы является понятие «гражданская религия». В настоящей статье мы попытаемся определить содержание данного термина, установить те причины, по которым гражданская религия не может быть границей терпимости в государстве, сравнить в исторической перспективе различные интерпретации гражданской религии и спроецировать их на проблемы терпимости в современных мультикультурных сообществах.

Исторически первым кто затронул вопрос гражданской религии стал Ж.-Ж. Руссо в трактате «Об общественном договоре»: «Существует, следовательно, исповедание веры чисто гражданское, статьи которого надлежит устанавливать суверену; и не в качестве догматов религии, но как правило общежития, без которых невозможно быть ни добрым гражданином, ни верным подданным. Не будучи в состоянии обязать кого бы то ни было в них верить, он может из-

¹ Кукутас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. URL: <http://www.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylyzma> (дата обращения 16.10.2018).

гнать из Государства всякого, кто в них не верит, причем не как нечестивца, а как человека, неспособного жить в обществе, как человека, неспособного искренне любить законы, справедливость, и жертвовать в случае необходимости жизнью во имя долга» [1998. С. 320]. В своем поиске содержания гражданской религии Ж.-Ж. Руссо, безусловно, стремился найти баланс между верованиями конкретного человека и возможными противоречиями с его правами и обязанностями как гражданина. Из определения видно, что существенным аспектом гражданской религии выступает мирное сосуществование граждан в одном политическом сообществе («правило общежития»), т. е. подобная «религия» не только затрагивает отношения индивид – суверен, но и отражает, косвенным образом, терпимость граждан друг к другу.

Ж.-Ж. Руссо ничего не говорит об «этническом» как критерии социальной идентификации, он лишь фиксирует конфессиональные отличия граждан. Неприменимость понятия «этническое» к рассуждениям Ж.-Ж. Руссо состоит не только в отсутствии прямых ссылок или рассуждений на этот счет, скорее, это вызвано неприятием философа всего частного по отношению к общей воле суверена. С. В. Занин отмечает: «Для него неприемлемым было создание частных ассоциаций граждан, потому что “воля каждой из этих ассоциаций становится общей для ее членов и частной по отношению к Государству... когда же одна из этих ассоциаций становится настолько большой, что превосходит все остальные... более не существует общей воли и превосходящим мнением является мнение частное...”. Существование в государстве частных “организмов”, в том числе церковных, может привести к нарушению единства “общей воли” и раздроблению суверенной власти» [2004. С. 190]. Таким образом, перенос «руссоистской» гражданской религии на актуальные сегодня проблемы национальных меньшинств, этнических групп, делегирование им части публичных полномочий и попытка дифференцирования гражданских прав, вряд ли встретили бы одобрение указанного философа эпохи Просвещения. Но вопросы терпимости как таковой, терпимости конфессиональной, а также проблематика мультикультурной уязвимости (противоречия между автономией индивида и его гражданским статусом с внутренними ограничениями и убеждениями этноконфессиональной группы), безусловно, Ж.-Ж. Руссо поднимаются. На этот факт указывает и С. В. Занин: «Вопрос о границах вмешательства государства в вопросы исповедания веры Руссо рассматривал в первую очередь с юридической точки зрения. В этой связи он приводил лю-

бопытный пример из речей Цицерона о Катилине. По мнению Руссо, Цицерон доказывал, что вина Катилины заключалась не в выдвижении доктрины, согласно которой, душа является смертной, а в том, что эта доктрина “гибельна для государства”. Совершенно очевидно, что суверенная власть обязана препятствовать распространению религиозных учений, несовместимых с требованиями общественного договора» [2004. С. 193].

Кроме описательной части того, что же все-таки представляет собой гражданская религия, Ж.-Ж. Руссо раскрывает ее догматы: «Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, без разъяснений и комментариев. Существование Божества могущественного, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого; загробная жизнь, счастье праведных, наказание злых, святость Общественного договора и законов, – вот догматы положительные. Что касается отрицательных догматов, то я ограничусь одним-единственным: это нетерпимость» [1998. С. 320–321]. Надо сказать, что указанные догматы носят противоречивый характер. Например, неясно, каким образом положительные догматы существования Божества и загробной жизни сочетаются с отрицательным догматом нетерпимости? Собственно, это вопрос и к современным суверенам, которые официально или фактически провозглашают одну из религий государственной или, по меньшей мере, доминирующей, исключая во многом терпимое отношение к атеистам, а в случае Ж.-Ж. Руссо, также верованиям, отрицающим загробную жизнь. Как только догма веры становится частью закона, вмешательство суверенной власти в сферу убеждений граждан станет неизбежным. Невозможно быть «добродетельным атеистом», если культ «верховного существа» требует от человека не только внешнего проявления уважения к нему, но и непосредственного участия в религиозной церемонии, клятвы верности [Занин, 2004. С. 199]. Мы можем лишь предположить, что Ж.-Ж. Руссо вводит в «Об общественном договоре» догмат существования Божества лишь в качестве источника естественного права и как критерия оценки действий самого государства.

Заметим, что, возможно, осознавая уязвимость собственных догматов, впоследствии Ж.-Ж. Руссо отказался от «противоречивого» списка догматов в «Письмах с Горы»: «Что же должен делать мудрый законодатель в этом случае? Одно из двух. Первое: учредить чисто гражданскую религию, включающую в себя основные догматы любой хорошей религии, все догматы, истинно полезные для обще-

ства, как для общества всех людей, так и для отдельных обществ, из нее изъяли бы все прочие догматы, которые могут касаться веры, но никоим образом не касаются земного блага, единственного предмета законодательства» [2013. С. 288]. В своих комментариях С. В. Занин также добавляет: «Формулировка догм “гражданской религии” в “Письмах с Горы” исключительно как правил нравственного общения граждан призвана дать суверенной власти своего рода эталон, по которому она будет судить все существующие в обществе и “новые” религии, а также определять, какие из них противоречат веротерпимости – этой основе “гражданского порядка”» [2004. С. 203]. К сказанному следует добавить, что, обобщая догматы гражданской религии, изложенные в «Общественном договоре» с той корректировкой всего «священного» в «Письмах с Горы», по сути, остаются лишь общепринятые сейчас принципы законности (действие Общественного договора и законов), справедливости («счастье праведных» и «наказание злых») и терпимости. В контексте рассуждений Ж.-Ж. Руссо о «необходимости государственной политики, которая гарантировала бы общество от появления “ложных религий”, не отвечающих тому минимуму гуманности и “общительности”» [Там же. С. 202], мы можем сказать, что принципы законности² и справедливости явно имели для философа приоритет перед принципом терпимости и являлись той самой границей терпимости государства для представителей «ложных религий».

Следующей вехой в интерпретации гражданской религии стала статья «Гражданская религия в Америке» Роберта Н. Беллы, который прямо говорит о заимствовании идеи у Ж.-Ж. Руссо: «Словосочетание “гражданская религия” принадлежит, конечно, Руссо... Хотя отцы-основатели, насколько мне известно, слов “гражданская религия” не использовали, и я, конечно, не утверждаю, что особое влияние на них оказал именно Руссо, совершенно ясно, что подобные идеи, бывшие частью культурной атмосферы конца восемнадцатого века, можно обнаружить и у американцев» [Белла, 2014. С. 168]. Но дальнейшее раскрытие понятия американским социологом ставит концепцию Ж.-Ж. Руссо «с ног на голову». Во-первых, искажение «руссоистской» концепции Робертом Н. Беллой происходит в интерпретации автором «божественного»: «Бог, несомненно, был центральным символом в гражданской религии с самого начала и остается таковым и сегодня. В гражданской религии это столь же центральный сим-

² Принцип законности вызывает ряд затруднений в части, касающейся базовых вопросов о реальности общественного договора как такового, так и соотношения естественного и позитивного права.

вол, как в иудаизме или христианстве... Если вся символика понятия “Бог” потребует пересмотра, то это вызовет очевидные последствия для гражданской религии, последствия, возможно, либерального отчуждения и фундаменталистского окостенения, которые до сих пор не были заметны в этой сфере» [Белла, 2014. С. 178–179]. Как было показано, уже в эпоху отцов-основателей можно было обнаружить отказ от «священного» в гражданской религии, и даже если Роберт Н. Белла никогда не читал «Письма с Горы», то сам текст «Общественного договора» также не ставит понятие «Бог» центральным звеном гражданской религии и соотносит божественное прежде всего с естественным и гражданским правом, а не символом веры.

Во-вторых, Роберт Н. Белла, заявляя о не тождественности христианства и гражданской религии, говорит о христианстве как ее источнике: «Хотя многое в ней происходит из христианства, эта религия, очевидно, не само христианство... В основе гражданской религии повсюду лежат библейские архетипы: Исход, Избранный народ, Земля Обетованная, Новый Иерусалим, Жертвенная Смерть и Возрождение. Но есть в ней и подлинно американские и действительно новые. Она имеет своих пророков и своих мучеников, свои священные события и священные места, свои собственные сакральные ритуалы и символы» [Там же. С. 170, 181]. Ж.-Ж. Руссо совершенно иначе воспринимал христианство, не отказываясь от божественного и тех принципов христианства, которые близки ему самому и каждому индивиду, он понимал необходимость отделения религии от политического организма: «Однако, поскольку постоянно существовали также и государь и гражданские законы, то, в результате такого двоевластия, возник вечный спор относительно разграничения власти, что и сделало совершенно невозможным в христианских государствах какое-либо хорошее внутреннее управление, и никогда нельзя было понять до конца, кому – светскому господину или священнику положено повиноваться... Христианство – это религия всецело духовная, занятая исключительно делами небесными; отечество христианина не от мира сего» [1998. С. 315–319]. Ссылки Р. Н. Беллы на христианскую символику очень опасны для политического организма, и если возводить американскую гражданскую религию Р. Н. Беллы до принципа границ терпимости государства, то, очевидным образом, такие границы будут очень суровы для атеистов или представителей не авраамических религий.

В-третьих, в отличие от универсального характера гражданской религии Ж.-Ж. Руссо, Р. Н. Белла заявляет об уникальности

американской гражданской религии и избранности американского народа. Эта тенденция проявляется практически на протяжении всей статьи автора, начиная от неадекватных сравнений Джорджа Вашингтона с Моисеем [2014. С. 172] и Авраама Линкольна с Иисусом Христом [Там же. С. 173], заканчивая общими фразами о том, что «Европа – это Египет; Америка – земля обетованная. Бог привел свой народ к установлению нового вида социального обустройства, который должен быть светом для всех народов» [Там же. С. 171]. Хотя Р. Н. Белла очень много говорит о Боге и категориях божественного, его американская гражданская религия намного больше напоминает просто идеологию, чем собственно религию. Ж.-Ж. Руссо действительно верил, что принципы гражданской религии «религиозны» в том смысле, что они преодолевают человеческие границы и стоят выше всякого человеческого или земного. Американская гражданская религия загоняет себя в национальные рамки и не стремится возвысить принципы гражданской религии до принципов религии естественной.

Откровенно говоря, принимая догмат об уникальности американского народа в гражданской религии Р. Н. Беллы, мы не можем найти место в такой религии для терпимости. Избранность, уникальность, наличие «особой души» народа – это все путь нетерпимости, разрушающий догматы гражданской религии Ж.-Ж. Руссо. С. В. Занин, комментируя роман «Эмиль», говорит следующее: «По мнению мыслителя, существуют вечные, неизменные правила общежития людей, которые “играют роль законов для мудрецов”. Они должны прививаться воспитаннику с тем, чтобы он действительно стал “общительным”. Вступая в общественную жизнь, действуя как гражданин, Эмиль переносил в сферу гражданского общежития принципы гуманности, заложенные в “естественной религии”» [2004. С. 197]. Это требование «общительности» естественной и гражданской религии заключается прежде всего в отсутствии границ группы, или хотя бы стремлении их преодолеть. Догмат уникальности у Р. Н. Беллы – это то «частное», которое Ж.-Ж. Руссо отрицал.

Единственное, в чем мы находим схожесть взглядов Ж.-Ж. Руссо и Р. Н. Беллы на гражданскую религию – это необходимость празднования национальных праздников для поддержания гражданской религии. Решающую роль в гражданской жизни корсиканцев, по мнению Ж.-Ж. Руссо, должна играть не клятва, а «национальные праздники», коим он призывал «придать как можно больше великоле-

пия»³. Ж.-Ж. Руссо видел в национальных праздниках прежде всего способ претворить в жизнь принципы гражданской религии в конкретном государстве. С. В. Занин отмечает: «По мере роста гражданского сознания человека, его патриотизма, “гражданская религия” утрачивает внешние атрибуты культа, перестает быть обманом. Не отвлекая человека “от земных дел”, она более не заставляет его поклоняться сверхъестественному существу, а становится внутренним убеждением индивида, моральным регулятором его отношения к ближнему. “Гражданская религия”, таким образом, не нуждается в формально установленных догмах веры, чтобы утвердиться в сознании людей... он все больше склонялся к тому, чтобы превратить национальные праздники, т. е. саму практику общения между гражданами, в средство создания единого общественного организма, нации» [2004. С. 203–204]. Подобное обеспечение воспроизводства гражданской религии путем введения национальных праздников имеется и в работах Р. Н. Беллы: «Так же, как День благодарения – который, кстати, был навечно учрежден как ежегодный национальный праздник при президентстве Линкольна, – служит для интеграции семьи в гражданскую религию, День памяти служит интеграции местного сообщества в национальный культ. Вместе с менее религиозным праздником – Днем независимости США и менее значительными празднованиями Дня ветеранов и дней рождения Вашингтона и Линкольна, они обеспечивают ритуальный календарь гражданской религии» [2014. С. 175]. Но здесь опять проявляется главное противоречие в трактовках гражданской религии: если национальные праздники у Ж.-Ж. Руссо требуются для воспроизводства общих принципов гражданской религии, и прежде всего терпимости к ближнему, то национальные праздники у Р. Н. Беллы воспроизводят историю американской нации и именно ее уникальные «религиозные» принципы.

Следуя за Р. Н. Беллой, как отечественные, так и зарубежные авторы стали связывать конкретную историческую символику или конкретные национальные традиции с гражданской религией. Так, В. Р. Легойда дает следующее определение: «Гражданская религия – в широком смысле слова – есть некое религиозное (а иногда псевдорелигиозное) отношение к национально-государственным традициям и отдельным фактам государственной истории»⁴; В. А. Его-

³ Ж.-Ж. Руссо. Проект Конституции для Корсики. URL: <http://rousseau.rhga.ru/upload/iblock/d40/6.pdf> (дата обращения 16.10.2018).

⁴ Легойда В. Р. Гражданская религия и христианство. URL: http://www-old.srcc.msu.ru/bib_roc/jmp/00/05-00/16.htm (дата обращения 16.10.2018).

ров в качестве примера элементов гражданской религии приводит идеологему «Православие, Самодержавие, Народность», в упрощенном варианте «За Веру, Царя и Отечество»⁵. М. Уолцер в своей работе «О терпимости», опубликованной в 1997 г., формулирует термин «гражданская религия» следующим образом: «Гражданская религия включает в себя полный набор политических доктрин, исторических повествований, знаковых фигур, памятных дат и мемориальных ритуалов, посредством которых государство запечатлевается в душах своих граждан, в особенности молодежи и лиц, недавно вступивших в гражданство» [2000. С. 91].

Мы видим, как исторически концепция гражданской религии Ж.-Ж. Руссо полностью преобразилась – от общих принципов морали, справедливости и законности к знанию национальной истории и ее воспроизводству. В контексте современных исследований данного феномена подобное историческое «запечатление» всегда носит положительный характер, предполагая некую гордость и сопричастность граждан к истории государства, а также знание и понимание государственных основ или хотя бы простое молчаливое согласие с ними. В то же время «запечатление» может носить память о страданиях, стыде, обидах народов или отдельных представителей, а политические доктрины и знаковые фигуры государства могут оставлять в памяти следы, вызывающие лишь неприязнь граждан. Подобный «негативный» набор вряд ли подразумевает под собой то, что имеют в виду М. Уолцер или В. Р. Легойда в понятии «гражданская религия». Непонятно, каким образом гражданская религия должна обеспечивать соблюдение собственных догматов при невозможности дифференцирования истории любого государства на «плохую» или «хорошую», «нужную» или «ненужную», и в контексте статьи – формирующую или искажающую гражданскую религию государства.

Эволюция понятия гражданской религии коснулась не только ухода в своем содержании от всеобщности принципов к конкретным историческим реалиям, но и изменений в отношении к представителю политического сообщества. Национально-историческая версия гражданской религии предполагает наличие в государстве добродетельных личностей, обладающих активной жизненной позицией и стремящихся понять и усвоить догматы гражданской религии, став, таким образом, примерными гражданами, а не просто людьми. «Руссоистская»

⁵ Егоров В. А. «Гражданская религия в Америке» Роберта Беллы. ACTA ERUDITORUM, 2012. В. 11. С. 62. URL: http://intelros.ru/pdf/ACTA_ERUDITORUM/2012_11/12.pdf (дата обращения 16.10.2018).

гражданская религия, как нам кажется, говорит совершенно о другом. Человек входит в общество неподготовленным, без должных представлений о справедливом, благом или вечном, обретая впоследствии свои гражданские права и обязанности и сосуществуя с другими гражданами государства, только тогда гражданин обретает добродетель и терпимость, осознает собственную принадлежность к роду человеческому. Современные трактовки гражданской религии движутся от человека к гражданину, «руссоистская» версия утверждает, что, только исполняя догматы гражданской религии, гражданин становится человеком. В определенном смысле гражданская религия философа эпохи Просвещения является «согражданской религией» в том смысле, что ее догматы могут быть поняты и исполнены только в сосуществовании с другими гражданами и государством, а не посредством лотереи лояльности, каким является гражданство по рождению.

Подводя итоги, мы задаемся вопросом: может ли стать гражданской религия Ж.-Ж. Руссо границей терпимости государства в отношении этнокультурных норм и практик групп и индивидов? По-видимому, ответ должен быть отрицательным, так как гражданская религия Ж.-Ж. Руссо не имеет мультикультурных границ, она стремится преодолеть всякое различие между своим и чужим. Может ли современная трактовка гражданской религии стать границей терпимости государства? Как нам кажется, ответ и на это вопрос тоже «нет». Подобные границы национально-историческая версия гражданской религии, безусловно, маркирует, но эти границы ставят вопрос о выживании самого феномена «терпимость» в таком политическом сообществе, декларирующем свою избранность и уникальность. Это приводит нас к выводам о необходимости переосмысления самого термина гражданской религии или смене терминологической базы, которая будет отвечать как историческим реалиям каждого государства со своими «хорошими» и «плохими» историями, так и создающим общий образ гражданина, который как минимум должен понимать границы «этнического» и «национального», а как максимум их превзойти.

Список литературы / References

Белла Р. Н. Гражданская религия в Америке // Вестн. Рус. христиан. гуманит. академии. 2014. Т. 15, № 3. С. 162–182.

- Bellah R. N.** Grazhdanskaya religiya v Amerike. Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii [Bulletin of the Russian Christian humanitarian Academy], 2014, vol. 15, no. 3, p. 162–182. (In Russ.)
- Занин С. В.** Гражданская религия Жан-Жака Руссо // Французский ежегодник. 2004: Формы религиозности в XV – начале XIX в. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 181–206.
- Zanin S. V.** Grazhdanskaya religiya Zhan-Zhaka Russo [The civil religion of Jean-Jacques Rousseau]. In: Frantsuzskii ezhegodnik. 2004: Formy religioznosti v XV – nachale XIX vv. [French Yearbook. 2004: Forms of religiosity in XV – early XIX centuries]. Moscow, Editorial URSS, 2004, p. 181–206. (In Russ.)
- Руссо Ж.-Ж.** Об общественном договоре: Трактаты. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 1998. 415 с.
- Rousseau J.-J.** Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty [About the Social Contract: Treatises]. Moscow, Terra-Knizhnyi klub; Kanonpress-C Publ., 1998. (In Russ.)
- Руссо Ж.-Ж.** Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С. В. Занин; отв. ред. И. А. Исаев. СПб.: Росток, 2013. 639 с.
- Rousseau J.-J.** Politicheskie sochineniya [Political Writings]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013. (In Russ.)
- Уолцер М.** О терпимости / Пер. с англ. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 159 с.
- Walzer M.** O terpimosti [On Tolerance]. Moscow, Idea-Press, Dom intellektualnoi knigi Publ., 2000. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

18.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Винчковский Егор Владимирович, соискатель Российского государственного гуманитарного университета (Миусская площадь, д. 6, стр. 1, Москва, 125993, Россия)

Egor V. Vinchkovskii, aspirant of Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya Sq., Bld. 1, Moscow, 125993, Russian Federation)

vinchkovskiy@gmail.com

УДК 168

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-110-121

Этосная концепция развития институтов биоэтики в разрешении моральных дилемм

Т. А. Сидорова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлен взгляд на биоэтику как область социальных практик, в которых происходит адаптация новых моральных и социальных норм. Регулятивная функция биоэтики обеспечивает этот процесс и приводит к институционализации. Подвергается критике традиционная позиция, которая сводит институты биоэтики к этическим комитетам. Социальные институты объясняются в идеационном ключе как системы норм и ценностей. В качестве первичных социальных структур в развитии институтов рассмотрены этосы. Разрешение дилемм проиллюстрировано на примере трансплантологии.

Ключевые слова

биоэтика, этический комитет, социальный институт, этос, дилеммы в биоэтике, трансплантология

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00784-ОГН)

Для цитирования

Сидорова Т. А. Этосная концепция развития институтов биоэтики в разрешении моральных дилемм // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 110–121. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-110-121

Ethos Conception of Bioethics Development in Resolution of Moral Dilemmas

T. A. Sidorova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article presents bioethics as a field of social practices containing adaptation of new moral and social norms. The regulatory function of bioethics ensures this process and

© Т. А. Сидорова, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

leads to institutionalization. The traditional position has been criticized. It reduces the institutions of bioethics to ethical committees. Social institutions are explained in an ideational way as a system of norms and values. Ethoses are shown as primary social structures in the development of institutions. The solution of dilemmas is illustrated by the example of transplantology.

Keywords

bioethics, ethical committee, social institution, ethos, bioethics dilemmas, transplantology

Acknowledgements

Work is performed with financial support of the Russian Federal Property Fund (project no. 17-03-00784-OGN)

For citation

Sidorova T. A. Ethos Conception of Bioethics Development in Resolution of Moral Dilemmas. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 110–121. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-110-121

В социальном измерении биоэтику можно понимать как область регулирования взаимодействий в поле нового морального опыта, который приходит в общество через биомедицинские технологии и трансформацию социальных отношений, последовавшую за ними. Так, например, открытия в области генетики претендуют на то, чтобы радикально изменить наш опыт заботы о здоровье. Зная об особенностях своего генома, человек будет вести соответствующий образ жизни, выступать равноправным агентом наряду с врачом в предупреждении заболеваний. Таким образом возникают новые практики организации жизненного мира, формируется иной опыт, доселе не апробированный, меняющий привычные и понятные границы «возможного – невозможного», «правильного – неправильного», «добра – зла». В эпоху бурного развития медицинских знаний и технологий, экспериментирующих не только с человеческой телесностью, но и с духовным миром, незаметно, через внедрение новых технологий и знаний меняется представление о нормах и ценностях человеческого воспроизводства, о здоровье, жизни и смерти, об идентичности человека и мире в целом. Поэтому возникают вопросы о том, как и благодаря чему в этой ситуации будет обеспечиваться относительная непрерывность морального и социального опыта, преемственность и устойчивость смыслов социального бытия? Какие

социальные структуры являются лоном, где происходит рождение новых представлений о «нормальном», кристаллизация норм, которые будут выражать смысл ценностных предпочтений? Эти вопросы актуальны для социальной философии, но первичным полем их осмысления выступает биоэтика. Биоэтический принципализм указывает на связь регулятивных элементов биоэтики с координирующей системой ценностей в решении биоэтических дилемм. Однако, чтобы понять механизмы этой связи в контексте социальной динамики современного общества, необходимо использовать теоретические инструменты, имеющиеся в социально-философских теориях. К таковым мы относим понятия «институт», «этос», «нормативность», «нормогенез», «габитус» и др.

Регулятивная функция биоэтики осуществляется посредством институциональных форм. Традиционно считалось, что институциональным воплощением биоэтики являются этические комитеты. Эти совещательные структуры возникли сначала в больничной практике, а затем оказались более востребованы в регулировании биомедицинских исследований. Исторически поводом для возникновения этических комитетов и комиссий стали разоблачения недобросовестных исследований и злоупотреблений, в которых пострадали испытуемые. Понадобились регулятивные практики, которые бы восстановили доверие к исследователям и поддержали социальный контракт между наукой и обществом. Так по всему миру возникла сеть, состоящая из различных по уровню, способам формирования, функциям, этических комитетов. В нашей стране система этической экспертизы биомедицинских исследований складывалась в начале 90-х под влиянием следующих факторов: Россия вышла на рынок клинических исследований, и это потребовало применения универсальных для международной практики правил, которые подразумевали одобрение этического комитета. Другим важным фактором стало введение ВАК в 2004 г. обязательного требования иметь заключение этического комитета по проектам, где в исследование привлекается человек. Так благодаря широкому распространению контроля над исследованиями этические комитеты стали олицетворять институциональную сторону биоэтики. Но в таком понимании регулятивной функции заключалась лишь наличная, практическая сторона в многосоставном содержании биоэтики. Ее феноменальный и мировоззренческий срез выражался в том, что принципиальное значение в этических комитетах придавалось меж- и трансдисциплинарному подходу при формировании его состава. Б. Г. Юдин и П. Д. Тищенко называли этические комитеты

«социальным открытием», поскольку модель комитета рассматривалась ими как практический ответ «на ситуацию принятия решений в условиях множественности моральных оценок» [2005. С. 40]. Ученые имели в виду то, что в решении биоэтических дилемм происходит трансгрессия носителей профессиональных знаний (врачей, ученых) в сторону непрофессионалов, тех, кто заявляет о ценностных позициях в обсуждении морального конфликта, лежащего в основании биоэтической дилеммы. «Одновременно множественность дескриптивных научных представлений возможных рисков дополняется множественностью их моральной оценки. С этим обстоятельством столкнулась в свое время биоэтика» [Тищенко, 2008. С. 202]. Моральные оценки, которые звучат в обсуждении биоэтических дилемм, не всегда являются результатом рефлексивного процесса, как, например, это выглядит в конфессиональных позициях, в них также может выражаться стихийное отражение представлений о «нормальном», складывающееся в общественной морали.

Адаптация или нормализация инноваций, которые зачастую меняют привычные социальные структуры и идентичности, – как, например, развитие вспомогательной репродукции влияет на представления о семье, о материнстве и отцовстве, о родителско-детской связи, – происходит на всех уровнях социальной организации: на уровне общества, в локальных сообществах, на уровне взаимодействий между отдельными субъектами и, наконец, в самосознании личности. Поэтому биоэтическая регуляция так же, как и нормативные процессы в тех ситуациях, когда возникают биоэтические проблемы, должна быть осмыслена в свете более широко понимаемых функций и институциональных форм биоэтики, поскольку регуляция здесь обозначает не просто упорядочивание в рамках какой-то существующей системы социальных отношений, но здесь имеется в виду изменяющаяся и гетерогенная социальность. То, каким образом возникают, обсуждаются и исчерпываются биоэтические дилеммы в социуме, отчетливо подтверждает мнение, что «выбор решения не только происходит в условиях неопределенности, но и порождает ее» [Диев, 2018. С. 253]. В биоэтике социальная самоорганизация осуществляется посредством дискуссий, в которых происходит структурирование диспозиций – разного рода предположений о возможных рисках и последствиях для природы и человека со стороны биотехнологий. Условия сетевого общества требуют иной социальной онтологии, перехода от представления об иерархической структурности к гетерархии, когда в пространстве многоуровневых взаимодействий роль узловых

соединений играют разнородные социальные субъекты от индивидов до экспертных и гражданских сообществ. Так, в биоэтических дискуссиях свою моральную субъектность обретает каждый, кто включается в рефлексию по поводу витальных ценностей, имеющих универсальное значение.

Эти соображения заставляют по-иному оценивать институциональную сторону биоэтики и относить к институтам широкий круг воспроизводимых социальных практик и устойчивых способов взаимодействия. С этой точки зрения можно включить в институциональный тезаурус биоэтики новые элементы, кроме этических комитетов, чтобы описывать регулятивные возможности биоэтики и рассматривать ее дискуссии и процедуры как способ социальной самоорганизации в условиях биотехнологической трансформации общества. Можно утверждать, что институциональная теория, как весьма значимое ядро социальной теории в целом, развивается в соответствии с усложнением самой социальной жизни, поэтому нужно использовать современные подходы к пониманию институтов. В. А. Лекторский обозначил под институтами «своеобразные фабрики смыслов, задающие не только образцы человеческих взаимодействий, но и способы осмысления, понимания социальной реальности и самих людей» [2003. С. 4]. Преодолевая одномерность структурного и функционального представления, в ключе неинституционализма делается упор на идеационное толкование институтов как социального механизма создания смыслов, объединяющих людей. Один из создателей неинституционального подхода Д. Норт называет институты правилами игры, подчеркивая в этой формулировке регулятивное значение правил, которые не следует понимать ни как абсолютные, ни относительные, а как соответствующие потребностям субъектов в достижении их общности [1997]. Понимание институтов как «правил игры» заставляет увидеть в них элементы, которые обозначают не просто наличный уровень социального бытия, а их способность формировать смыслы многообразных взаимодействий, из которых возникает ткань социальной жизни. Так, различные социальные практики и устойчивые формы взаимодействий, которые формируются в аспекте биоэтики, могут быть описаны с помощью таких понятий, как «институциональные образования», «институциональные формы», «институциональный дискурс», «институциональная среда» и «институциональная матрица» и т. д.

Если институты понимать как совокупность норм и правил, то основания их нужно искать в том нерелексируемом единстве жизнен-

ного мира, который в социальном структурировании обозначается в понятии «этнос». В. И. Бакштановский и Ю. В. Согомонов «местоположение» этноса обозначили на промежуточном уровне «между пестрыми нравами – и собственно моралью, сущим – и должным. <...> современное понятие “этнос” помогает провести демаркационную линию между этночным как реально-должным, выходящим за полюсы притяжения хаотического состояния нравов, и строгим порядком идеально-должного, сферой собственно морального» [2000. С. 37]. Для поиска такого рода отличий авторы используют как однопорядковое с понятием «этнос» понятие «хабитус», в котором акцент ставится на социальную детерминацию поступков и всей линии поведения. Системы социокультурных и политико-правовых детерминант сочетаются в синкретичном нормативном комплексе этноса и хабитусально влияют на позицию индивида. Понятие этноса помогает воссоздать многомерность и экзистенциальный драматизм биоэтических дилемм, что проявляется в сложной коммуникативной архитектуре биоэтических дискуссий, цель которых – найти новый смысл нормального, выявить те ценности, на основе которых новый социальный опыт через нормы будет трансформироваться в упорядоченность жизни. В этносе следует также видеть культурный комплекс, включающий помимо норм, правил, принципов и те культурные обстоятельства, отражением которых они являются. Биоэтический принципализм, выступая основой аргументации в дискуссиях, содержит принципы, выражающие универсальные ценностные позиции, и формирует сферу нормативно должного. На нее ориентируются локальные порядки этносов, как на некоторую возможность, одновременно сопоставляя с реальными потребностями, обозначающими сферу сущего, которая коренится в хабитусально закрепленных привычках социального поведения. Аристотель именно привычку считал основой нравственности и поступка: «нравственная (ethike) рождается привычкой (ex ethoys), откуда и получила название: от *этнос* при небольшом изменении [буквы]» [1983. С. 78]. Для него добродетель – это устой, избираемые сознательно, но впоследствии становящиеся привычками. Привычка определяет поведение человека, когда она уже сложилась, но устой, которые ложатся в ее основу, он волен выбирать сам. Норма в этносе проявляется не как предписание, а как ориентир, который обнаруживает себя только в момент нарушения. Представляется, что нормативный порядок в институциях, понимаемых в идеационном ключе, как производство смыслов, координирующих социальную самоорга-

низацию, тоже является не инструкцией, а договором, общим умонстроением.

Можно предположить, что именно на уровне этосов происходит осознание самой сути «игры», в которую втягиваются субъекты моральной рефлексии в биоэтической дискуссии. В эпоху тотальной медиализации все индивиды – актуальные или потенциальные пациенты. Каждый индивид, обладающий моральной субъектностью, например, может, – в зависимости от закона, – выражать согласие или несогласие с забором органов для трансплантации, ко всем может быть применен критерий смерти мозга. Поэтому правила, согласно которым будет определяться отношение к жизни и смерти индивидов, не могут устанавливаться исключительно специалистами – врачами, юристами, политиками. Заинтересованные индивиды создают моральные сообщества придерживающихся каких-либо правил, если культурные границы позволяют им объединиться в понимании «нормального».

Применим данные теоретико-методологические инструменты к анализу биоэтической дилеммы в трансплантологии. Заключается она в невозможности найти однозначное решение вопроса о заборе органов в посмертном донорстве: при каких условиях человека можно считать потенциальным донором? Под условиями имеется в виду достаточность с точки зрения юридической и, более сложной, моральной легитимации в обществе медицинской констатации смерти мозга для того, чтобы было принято решение о заборе органов для пересадки. Какую роль играет согласие на забор органов, кем это согласие должно выражаться: самим донором при жизни, его близкими, или считать, что если несогласие в явной форме не было выражено, то это означает, что донор был бы согласен? В России с 2011 г., когда вышло новое законодательство об охране здоровья, появились новые нормы, касающиеся трансплантологии, например о детском посмертном донорстве¹. Разработан, но до сих пор не принят новый закон о трансплантации, потому что продолжаются дебаты не только на уровне экспертов и политиков, но и не достигнут общественный консенсус в основном в отношении к норме о выражении согласия на посмертный забор органов. Иллюстрацией служит дискуссия в Новосибирской области, где в 2016 г. было принято постановление областного правительства по развитию трансплантологии.

¹ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 10.10. 2018).

Оно вызвало шквал откликов на городском форуме, среди которых преобладало отрицательное отношение либо к норме презумпции согласия на забор органов, либо к трансплантологии в целом. Документ, подписанный губернатором, регулировал вопросы взаимодействия государственных медицинских организаций, подведомственных региональному Минздраву при осуществлении трансплантации, организации работы донорской базы, а также порядок отбора кандидатов для пересадки. В постановлении помимо всего прочего употребляется новое для законодательства о трансплантологии понятие «потенциальный донор», т. е. речь идет о людях, которые находятся между жизнью и смертью, о пациентах реанимационных отделений, у которых «ожидается остановка циркуляторной и дыхательной деятельности, в сроки совместимые с возможностью изъятия объектов трансплантации, или о пациентах, в отношении которых при работающем сердце и искусственной вентиляции легких начата процедура констатации смерти мозга»². Определение «потенциального донора» опирается на критерий «смерти мозга», дискуссии о котором не прекращаются со времени его принятия в конце 60-х гг. Новосибирская дискуссия проходила на городском форуме³. В первую, самую активную фазу форума в ней приняли участие примерно 325 чел. Только 32, т. е. около 10 % согласились с предложенным порядком, но и из них около половины высказавшихся в принципе поддерживают трансплантологию, но предлагают внести в закон изменения и использовать испрошенное согласие на забор органов. Соответственно, подавляющее большинство (85 %), категорически, чаще всего очень эмоционально отрицают возможность осуществления норм этого постановления. Часто участники дискуссии не знают о том, что норма о презумпции согласия действует со времени принятия первого федерального закона о трансплантации органов и тканей человека еще в 1992 г.

За прошедшее время неоднократно предпринимались попытки отменить эту норму. Так, в 2016 г. Конституционный суд по делу семьи

² Постановление правительства Новосибирской области от 27.04.2016 № 127-п «О мероприятиях по организации донорства органов человека в целях трансплантации (пересадки) в Новосибирской области в государственных медицинских организациях, подведомственных министерству здравоохранения Новосибирской области». URL: www.zdrav.nso.ru/news/2394. (дата обращения 10.10.2016).

³ Комментарии к материалу «Пожил – передай другому». URL: <http://news.ngs.ru/comments/50003643/> (дата обращения 10.10.2018).

Саблиных подтвердил соответствие этой нормы Конституции РФ ⁴. В проекте нового закона о донорстве органов предусмотрено создание регистра, в котором граждане получают возможность при жизни заявить о своем согласии или несогласии на забор органов. Казалось бы, это мера сможет «технично» разрешить дилемму, однако сам факт длительного обсуждения нового закона в немалой степени как раз связан с вопросами по поводу регистра. Одних беспокоит надежность сохранения и использования данных из регистра, других – медиков, то, что начнутся массовые заявления об отказе, поэтому в проекте закона сохраняется норма презумпции согласия, которая будет применяться в том случае, когда в регистре не будет зафиксированного волеизъявления. Возникает вопрос о некоторой форме давления с тем, чтобы распоряжение о своем теле человек обязательно сделал. Участники новосибирской дискуссии видят в самой необходимости такого распоряжения проявление репрессивного принуждения со стороны государства, которому современные этосные нормы чаще призывают не доверять. Точно так же стереотипы недоверия действуют в отношении врачей. В свою очередь в сообществах медицинских профессионалов чаще придерживаются нормы презумпции согласия, полагая, что без нее трансплантология остановится. Их любимый аргумент в дискуссии – отставание в количестве пересадок по сравнению с «развитыми» странами и «упущенная возможность» от диспропорции между большим количеством внезапных смертей на дорогах и полученными для пересадки органами.

В материалах данных дискуссий можно увидеть связь ценностных ориентаций и высказываемой позиции. Она показывает, как приверженность какому-либо пониманию нормального в отношении к границам жизни и смерти может становиться основой формирования группового этоса. Одновременно, если в дискуссии появляются идеи, которые максимально точно выражают ценностные предпочтения, они становятся тем смыслом, который будет оформлять институт как тип социального поведения с соответствующими социальными навыками и устойчивой нормой морального выбора. Таким образом, возникает социальная практика, обеспеченная достижением согласия

⁴ Определение Конституционного суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации “О трансплантации органов и (или) тканей человека”». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71246368/#ixzz5Tv24Bnzl> (дата обращения 10.10.2018).

и, следовательно, разрешающая моральный конфликт биоэтической дилеммы. В качестве примера можно привести две ситуации вокруг органного донорства, которые сложились в России и в Испании. Образцом, который комитет по биоэтике ЮНЕСКО рекомендовал для использования в других странах, стала Испания, где под влиянием католической церкви был сформирован общественный консенсус в отношении дарения органов. Институт дарения стал тем правилом, которое объединило общество и превратило посмертное дарение органа в моральную ценность. Возник он не из нормы права, а из порядка социальной организации. В основе этого «локального» порядка лежат христианские ценности жертвенности и приоритета духовного бытия над телесным. Очевидно, что для многих обществ, столкнувшихся с проблемой дефицита органов, христианские идеи глубоко значимы и могут лежать в основе общественной консолидации в рамках системы взаимодействий по правилам, основанным на этих ценностях. Однако и для россиян отзывчивость и жертвенность – габитуально значимые ценности. Получается, что ситуация, когда не осознается собственный ценностный комплекс, связана с отсутствием необходимого институционально-смыслового выхода: в этических гражданских и медицинских сообществах должна найти признание идея, которая объединит общество и исчерпает дилемму: обеспечение безусловного права индивида на независимое и добровольное решение в отношении жертвования органов.

По мысли Б. Вальденфельса, именно жизненный мир играет центральную роль, как место, где следует искать происхождение норм. «Жизненный мир является противовесом не только гипостазированию научных конструкций, но и автономизации практических институтов и их предписаний. Теоретической форме идеализации соответствует практическая – формализация и нормирование» [2011. С. 82]. Разрешение биоэтической дилеммы без нормативного проживания в этических будет давать временный эффект, но не исчерпывать моральный конфликт.

Список литературы / References

- Аристотель.** Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–294.
- Aristotle.** Nikomakhova etika [Nikomakhov's Ethics]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4, p. 53–294. (In Russ.)

- Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.** Этос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии. Тюмень, 2000. 272 с.
- Bakshtanovskiy V. I., Sogomonov Yu. V.** Etos srednego klassa: normativnaya model i otechestvennyye realii [Etos of the Middle Class: Normative Model and Local Reality]. Tyumen', 2000. (In Russ.)
- Вальденфельс Б.** Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 2011. 176 с.
- Valdenfels B.** Motiv chuzhogo [Foreign Reason]. Minsk, Propilei Publ., 2011. (In Russ.)
- Диев В. С.** Черные лебеди как особый тип неопределенности // Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности: Сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. / Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 2018. С. 253–258.
- Diev V. S.** Chernye lebedi kak osobyi tip neopredelennosti [Black swans as a special uncertainty]. In: Filosofiya, nauka, gumanizm v epokhu globalnoi turbulentnosti: Sbornik nauchykh trudov [Philosophy, Science, Humanism in the Era of Global Turbulence: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Novosibirsk, 2018, p. 253–258. (In Russ.)
- Лекторский В. А.** Предисловие к сборнику «Знание в связях социальности» // Знание в связях социальности. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 4–6.
- Lektorskii V. A.** Predislovie k sborniku “Znaniye v svyazyakh sotsial'nosti” [Introduction to the book “Knowledge in a social net”]. In: Znanie v svyazyakh sotsialnosti [Knowledge in the Links of Sociality]. Ekaterinburg, 2003, p. 4–6. (In Russ.)
- Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Начала, 1997. 180 с.
- Nort D.** Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutes, Insitutes Changes and Economic Functions]. Moscow, Nachala Publ., 1997. (In Russ.)
- Тищенко П. Д.** Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 198–205.
- Tischenko P. D.** Filosofskie osnovaniya gumanitarnoi ekspertizy [Phylosophical base of humanitarian expertize]. Znaniye. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]. 2008, vol. 3, p. 198–205. (In Russ.)
- Юдин Б. Г., Тищенко П. Д.** Биоэтика. Вопросы и ответы / Под ред. Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 63 с.

Yudin B. G., Tishchenko P. D. Bioetika. Voprosy i otvety [Bioethics. Questions and Answers]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

10.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Сидорова Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Tatyana A. Sidorova, Candidate of Science (Philosophy), docent Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

t.sidorova@g.nsu.ru

УДК 316.3 + 351

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-122-133

Модели управления и регулирования процессов трансформации межэтнических и сельских сообществ современной России

М. А. Абрамова, В. Г. Костюк, Г. С. Гончарова

*Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Анализ государственного управления на основе системного и структурно-функционального подходов позволил выявить актуальные потребности его развития, а также продемонстрировать выполняемые им задачи регулирования, в том числе в отношении трансформации межэтнических и сельских сообществ в регионах Сибири. Выявлено, что государственная национальная и аграрная политика не решает пока проблему гармонизации экономических и социально-культурных трансформаций в жизни сообществ. Показано, что оптимальным в решении этой проблемы было бы проведение оценки регулирующего воздействия (ОРВ) государства, а также построение теоретических моделей для практической реализации регулирования. Предложена структура теоретической модели социокультурного регулирования трансформации сообществ.

Ключевые слова

трансформация, межэтнические и сельские сообщества, оценка регулирующего воздействия, государственная политика, модель социокультурного регулирования

Для цитирования

Абрамова М. А., Костюк В. Г., Гончарова Г. С. Модели управления и регулирования процессов трансформации межэтнических и сельских сообществ современной России // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 122–133. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-122-133

© М. А. Абрамова, В. Г. Костюк, Г. С. Гончарова, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

Models of Management and Regulation of Transformation Processes of Ethnic and Rural Communities in Modern Russia

M. A. Abramova, V. G. Kostyuk, G. S. Goncharova

*Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The analysis of state management based on system and structural-functional approaches allowed to identify the current needs of its development, and demonstrate that it performs the tasks of control and regulation, including the transformation of inter-ethnic and rural communities in the regions of Siberia. It is revealed that the state ethnic and agrarian policy does not solve the problem of economic and socio-cultural transformations in the life of communities. It is shown that the optimal solution to this problem would be the regulatory impact assessment (RIA), as well as the construction of theoretical models for the practical implementation of state regulation of transformation processes. The structure of the theoretical model of socio-cultural regulation of transforming communities is proposed.

Keywords

transformation, interethnic and rural communities, regulatory impact assessment, state policy, model of socio-cultural regulation

For citation

Abramova M. A., Kostyuk V. G., Goncharova G. S. Models of Management and Regulation of Transformation Processes of Ethnic and Rural Communities in Modern Russia. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 122–133. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-122-133

В рамках изучения российского полиэтнического общества, находящегося в последние несколько десятилетий в состоянии трансформации (качественных преобразований) экономической, социальной, политической и культурной жизни, весьма актуальными остаются оценка удовлетворительности применяемых при его исследовании теоретических подходов, а также анализ соотношения социальных изменений и развития, объективно необходимого и субъективно случайного в социальных процессах, роли государства, гражданского общества, этносов, различных социальных групп и сообществ, личности в этих процессах. Эти и другие вопросы трансформации занимают центральное место в проблемном поле философии и социологии

управления, «предполагающих анализ не только субъект-объектных, но и субъект-субъектных отношений, *рассмотрение сообществ и личности как оснований* (здесь и далее выделено нами. – М. А., В. К., Г. Г.) социологической теории управления» [Социология управления..., 2014. С. 516–521]. При этом если философия управления акцентирует больше внимания на субъект-объектном аспекте управления, хотя и отмечает единство аксиологических, гносеологических и методологических оснований человеческой деятельности в процессе управления [Диев, 2010], то социология управления рассматривает управление «как встроенный в социальные процессы сознательно конструируемый и направляемый *социокультурный механизм регуляции отношений между участниками совместной деятельности*, сочетающий их интересы, организацию и самоорганизацию, формальные и неформальные нормы, достижения продуктивных целей и устойчивости социальных связей» [Социология управления..., 2014. С. 26–27], т. е. представляя его скорее в аспекте субъект-субъектных отношений, не отрицая при этом наличие объекта и субъекта управления.

В рамках системного подхода государственное управление предстает в качестве открытой системы, предполагающей возможности адаптации к изменяющимся внешним и внутренним условиям среды, что акцентирует внимание на рассмотрении субъект-субъектных связей, поскольку изменения, происходящие в межэтнических и локальных сообществах, могут быть вызваны как процессами эволюции, так и мерами, принимаемыми системой государственного управления. Применение системного подхода позволяет нам рассматривать проблему трансформации сообществ не изолированно, а в единстве всех отдельных элементов, выявляя связи между частным и общим, в том числе обнаруживая эффективность или неэффективность применяемых государственным управлением моделей организации и регулирования жизни общества. Формирование данных моделей происходит на основе выделения двух составляющих: политического управления (что делать и почему) и государственного управления (как делать и при помощи чего) [Козбаненко, 2002. С. 265]. Таким образом, разрабатываемые и применяемые государством модели управления жизни общества, выполняя социальную функцию упорядочивания процессов развития, с одной стороны, должны обеспечивать реализацию политики государства (функция управления), а с другой – сохранять его стабильность и создавать условия для развития, учитывая существо-

вание иногда противоречащих друг другу тенденций (функция регулирования). Несмотря на представленные нами разграничения двух функций, их выполнение предполагает внутреннее единство, поскольку эффективность практической реализации деятельности государства по управлению обществом обусловлена качеством функционирования механизмов регулирования.

Социокультурное содержание процесса регулирования в соотношении с процессом управления рассмотрено нами ранее на примере межэтнических взаимодействий [Социокультурный подход..., 2013. С. 50–71]. Можно отметить, что мы разделяем взгляды тех авторов, которые рассматривают регулирование как отдельную функцию системы социального управления, т. е. определенное содержание управленческой деятельности. К функциям управления относятся: выработка решения, планирование, проектирование социальной деятельности, организация работы по управлению, координация и регулирование различных видов социальной деятельности, их анализ и контроль. Содержанием регулирования является поддержание параметров управляемой системы в заданном интервале значений параметров ее элементов.

На основе критического анализа методологических подходов и парадигм в современной российской социологии нами показано, что экспликация социокультурного подхода к социальным трансформациям в его трактовке Питиримом Сорокиным как интегрального единства социальных, культурных и личностных аспектов социальных процессов вполне применима и к процессам социального регулирования и управления. По крайней мере, к проблематике межэтнических взаимодействий [Там же]. Исследования сообществ как предмет социогуманитарных наук, их типологии, специфики межэтнических и сельских локальных сообществ, факторов и показателей их интеграции и дезинтеграции в динамике социокультурной трансформации российского общества [Абрамова и др., 2017] актуализировали необходимость более глубокого выявления роли социальных институтов в трансформационных процессах России и ее сообществ. В первую очередь важнейшего из них – государства, на базе анализа государственных и региональных моделей национальной политики, развития сельского социума.

Рассмотрены теоретико-методологические и методические подходы к моделированию как методу научных исследований (в том числе в этносоциологии) и как практической деятельности (декларируе-

мые и реализуемые модели) в сфере межнациональных и аграрных отношений. Показано, что пока объектом национальной политики в России и ее регионах остается скорее проблематика межэтнической напряженности, а не этносоциальные процессы как система трансформации взаимодействующих этносоциальных общностей, что было бы более оптимальным в регулятивном плане.

Проведен сравнительный анализ механизмов реализации модели государственной национальной политики в Республике Алтай, трансформации модели национальной политики в Республике Бурятия, формирования современной модели национальной политики Республики Саха (Якутия). Предложена схема анализа соотношения содержания декларируемых и реализуемых региональных моделей (концепций, стратегий) национальной политики, включающая структурные компоненты – субъект, объект; актуальность; цели политики; механизмы реализации; приоритетные направления [Абрамова и др., 2016].

Проведенное сравнительное исследование динамики развития сельских поселений в регионах Сибири, реализующих различные стратегии адаптации, на базе мониторинговых социологических исследований 2000–2011 гг. и статистической информации, с применением принципа многоагентного имитационного моделирования социальных процессов, позволило выделить пять субрегиональных моделей адаптации населения: 1) инновационная; 2) симбиотическая пассивно-адаптационная; 3) неформально-адаптационная; 4) натурально-адаптационная; 5) деструктивная. Эти модели обусловлены доминированием того или иного типа хозяйственного уклада. Показано, что развитие инновационного предпринимательского уклада (крупхоза, агрохолдинга) и инновационных моделей адаптации населения хотя с экономической точки зрения и является прогрессивным в трансформации сельского социума, но не обеспечивает в полной мере решения социальных проблем сельских сообществ [Шмаков, 2013].

Описанные выше модели трансформации сообществ, государственной национальной политики, социальной адаптации являются скорее моделями управления, хотя и содержат элементы регулирования как одной из подсистем управленческого цикла. Но в российском обществе, как отмечают многие авторы, усиливается запрос на социальное регулирование, как более «мягкий», по сравнению с политическим управлением, способ целенаправленного воздействия

в субъект-объектных или субъект-субъектных отношениях при организации различных сфер жизнедеятельности людей [Социология управления..., 2014. С. 524]. Регулирование более демократично, так как включает не только организацию, но и самоорганизацию жизни субъектами; не только управление, но и самоуправление. Оно более адекватно соответствует социокультурному (в смысле «триады» П. Сорокина) характеру общества и его сообществ. Следовательно, модели регулирования, (как образцы, аналоги целенаправленного воздействия) должны быть изоморфны объекту воздействия. Соответственно, в процессе регулирования предполагается не доминирование государства (как это имеет место в современном российском социальном управлении), а взаимодействие различных социальных институтов, включая гражданское общество.

Акцент не на выполнение государством управленческой функции, а на разработку механизмов регулирования стал основой концепции «умного регулирования» (smart regulation) в ряде европейских стран, основная идея которой заключается в формировании баланса между позициями сторонников расширения государственного контроля и дерегулирования [Купряшин, Сарычева, 2013. С. 4], путем «упрощения» и совершенствования законодательства, а также обеспечения учета мнений и позиций заинтересованных сторон в процессе регулятивной деятельности государства [Карпова, Цыганков, 2012. С. 5]. Таким образом, реализация концепции «умного регулирования» возможна через развитие механизмов и институтов, обеспечивающих качество обратной связи между агентами нормотворчества и объектами регулирования, которые в условиях пересмотра содержания управленческой функции государства приобретают статус субъектов. Одним из важнейших условий эффективности «умного регулирования» является выполнение процедуры оценки регулирующего воздействия (далее – ОРВ) [Купряшин, Сарычева, 2013. С. 5], которая требует привлечения социально-гуманитарного знания, в том числе социологической диагностики на всех этапах коммуникации между субъектами регулирования.

В России работа по ОРВ начата в 2010 г. Департамент ОРВ был создан в Министерстве экономического развития РФ, что отчасти предопределило его задачи по оценке новых проектов нормативных актов, среди которых: выявление противоречий между вводимыми правовыми актами и существующими, а также прогностический анализ выгод, затрат и издержек в сфере финансов и экономики страны.

Таким образом, ситуация в отношении государственного регулирования: констатация отсутствия национальной модели управления (и национальной идеи); предложения по моделям конструирования современного российского «хорошего» общества; полярные позиции по национальному вопросу: от «реквиема по этносу» – к российской или русской нации; наличие дилеммы «застойного развития» на селе и многое другое, а также потребность в оценке регулирующего воздействия обусловили актуальность обоснования методологических подходов к построению и разработке самих моделей социального регулирования, в том числе трансформации сообществ.

Так, В. С. Диев, констатируя отсутствие четкого понимания направления развития страны, как важнейшую причину наличия несформировавшейся российской модели управления, в качестве необходимых элементов желаемой модели, кроме цели развития, предлагает также учет требований организационной культуры общества. Для современной России – это такие ее параметры (по методологии Г. Ховстеда), как патернализм, высокая степень дистанции от власти, женственности, высокая степень избегания неопределенности и низкая ориентация на долгосрочные планы. Сравнивая российскую организационную культуру с культурами других народов Запада и Востока, он делает вывод: «похоже, что российская модель управления, как и в целом наша страна, обречена находиться между Востоком и Западом, а выбор ценностей патернализма и безопасности в качестве приоритетных будет в ближайшее время определять роль власти в ее формировании» [2013. С. 46].

Е. А. Коваль, анализируя либеральные модели «хорошего общества» У. Липпманна (1937), Дж. К. Гэлбрейта (1996), Л. Кенуорти (2017), модель «от хорошего человека – к хорошим институтам» В. Г. Федотовой (2005), коммунитаристский проект А. Этциони (2002) и отмечая, что «коммунитаристская модель по ряду параметров когерентна отечественным ценностно-нормативным традициям», делает вывод, что возможность ее реализации в современных условиях ограничена острыми разногласиями в российском публичном пространстве по ряду актуальных ценностно-нормативных вопросов [Коваль, 2017. С. 46]. На вопрос «Кому конструировать хорошее общество» он не дает однозначного ответа, только подчеркивая необходимость расширения публичного пространства по данному вопросу, включая в него, помимо политиков, ученых, педагогов, журналистов,

также представителей различных социальных общностей [Там же. С. 48].

Т. М. Дридзе разрабатывает технологическую модель гражданского социального участия на основе новых социологических парадигм – экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической [Социальная коммуникация..., 2000. С. 5–42]. Сущность модели состоит в совместной деятельности граждан и властных структур в выработке управленческих решений (например, по развитию территориальных поселений – городов, сел) на всех этапах управленческого цикла. Отношения между субъектами управления начинают носить регулятивный характер как субъект-субъектные взаимодействия в практической деятельности.

Собственно говоря, эту модель можно рассматривать как классическую модель социального регулирования, оптимальную для изучения и практики трансформации не только сообществ – поселений, межэтнических образований, но и страны в целом. При условии, конечно, преодоления изъянов современного государственного управления – отсутствия понятной цели развития страны, административного давления на гражданское общество, коррупции в органах власти, резкого социального расслоения по доходам, игнорирования научных рекомендаций и пр.

Итак, структура теоретической модели социокультурного регулирования трансформации сообществ России может быть представлена в основных элементах так:

- *субъекты*: социальные институты – государство, семья, культура, экономика, образование, право; структуры гражданского общества – территориальное самоуправление, объединения и др.; научные эксперты; социокультурные детерминанты разных типов;
- *предмет (объект)*: социальные, этносоциальные взаимосвязи и взаимодействия (процессы) в сообществе;
- *цели*: обеспечение устойчивого развития сообществ и общества на основе расширения демократии, гармонизации социальных и межэтнических взаимоотношений, охраны природной и культурной среды, сохранения физического и морального здоровья, роста благосостояния и социальной активности граждан. Устранение антисоциальных явлений: национализма, русофобии, коррупции, клановости и пр. Определение и достижение качественных и количественных (где возможно) параметров целей;

- *принципы*: устойчивая информационная взаимосвязь субъектов регулирования, мониторинг субъект-объектных (предметных) отношений; рационализм, гуманизм; учет национальных традиций, менталитета этносов, групп, специфики природной, экономической, социальной и культурной среды сообществ;

- *средства*: научно-достоверная информация; финансовый и человеческий капитал; правовое, политическое, административное, идеологическое воздействие; СМИ; социальные сети;

- *механизм реализации*: поддержание оптимального соотношения целей и средств на всех этапах регулятивного цикла (планирования, проектирования, организации работы, координации субъектов, анализа результатов регуляции).

Предлагаемая структура модели может быть дополнена элементами, специфичными для тех или иных сообществ – межэтнических, сельских локальных, и применяться при исследовании также практически реализуемых моделей регуляции трансформационных процессов.

Список литературы / References

Абрамова М. А., Зазулина М. Р., Костюк В. Г. Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России: подходы, факторы интеграции и дезинтеграции. Новосибирск: Омега Принт, 2017. 150 с.

Abramova M. A., Zazulina M. R., Kostyuk V. G. Sotssiokulturnaya dinamika mezhetnicheskikh i lokalnykh soobshchestv Rossii: podkhody, faktory integratsii i dezintegratsii [Socio-Cultural Dynamics of Inter-ethnic and Local Communities in Russia: Approaches, Factors of Integration and Disintegration]. Novosibirsk, Omega Print, 2017. (In Russ.)

Абрамова М. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В. Региональные модели государственной национальной политики современной России / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Манускрипт, 2016, 176 с.

Abramova M. A., Kostyuk V. G., Madyukova S. A., Persidskaya O. A., Popkov Yu. V. Regionalnye modeli gosudarstvennoi natsionalnoi politiki sovremennoi Rossii [Regional Model of the State National Policy of Modern Russia]. Novosibirsk, Manuscript Publ., 2016. (In Russ.)

- Диев В. С.** Власть в российской модели управления // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 15, вып. 1. С. 41–46.
- Diev V. S.** Vlast v rossiiskoi modeli upravleniya [Power In the Russian model of management]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2013, no. 1, p. 41–46. (In Russ.)
- Диев В. С.** Управление. Философия. Общество // Вопр. философии. 2010. № 8. С. 35–41.
- Diev V. S.** Upravlenie. Filosofiya. Obschestvo [Management. Philosophy. Society]. *Questions of Philosophy*, 2010, no. 8, p. 35–41. (In Russ.)
- Карпова П. Г., Цыганков Д. Б.** Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smart regulation» // Вопр. государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 5–34.
- Karpova P. G., Tsygankov D. B.** Sovety po optimizatsii regulirovaniya kak neot'emlemyi komponent «smart regulation» [Tips on Optimization of Regulation as an Integral Component of “Smart Regulation”]. *Questions of State and Municipal Management*, 2012, no. 3, p. 5–34. (In Russ.)
- Коваль Е. А.** Модель современного российского «хорошего общества»: проблема конструирования // Философия и общество. 2017. № 2 (83). С. 40–51.
- Koval E. A.** Model sovremennogo rossiiskogo “khoroshego obschestva”: problema konstruirovaniya [Modern Russian Model of “Good Society”: The Problem of Design]. *Philosophy and Society*, 2017, no. 2 (83), p. 40–51. (In Russ.)
- Козбаненко В. А.** Государственное управление. М.: Статус, 2002. 366 с.
- Kozbanenko V. A.** Gosudarstvennoe upravlenie [Public Administration]. Moscow, Status Publ., 2002. (In Russ.)
- Купряшин Г. Л., Сарычева Н. Н.** Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможность применения в государственном управлении России // Вестн. Москов. ун-та. Серия 21: Управление (государство и общество). 2013. № 2. С. 3–20.
- Kupriyashin G. L., Sarycheva N. N.** Kontseptsiya “umnogo regulirovaniya”: zarubezhnyi opyt i vozmozhnost primeneniya v gosudarstvennom upravlenii Rossii [The Concept of “Smart Regulation”: Foreign Experience and the Possibility of Application in Public Administration of Russia]. *Vestnik of Moscow State University. Series 21: Governance (state and society)*, 2013, no. 2, p. 3–20. (In Russ.)

Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / Под ред. Т. М. Дридзе. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. Кн. 1. С. 5–42.

Sotsialnaya kommunikatsiya i sotsialnoe upravlenie v ekoantropotsentricheskoi i semiosotsiopsikhologicheskoi paradigmatkh [Social Communication and Social Management in Accountabilitiesthe and Semi-colonialism Paradigms]: V 2 vols. Moscow, Izd. In-ta sotsiologii RAN, 2000, vol. 1, p. 5–42. (In Russ.)

Социокультурный подход к регулированию меэтнических взаимодействий / Под ред. Ю. В. Попкова, В. Г. Костюка. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 372 с.

Sotsiokulturnyi podkhod k regulirovaniyu mezhetnicheskikh vzaimodeistvii [Sociocultural Approach to the Regulation of Inter-ethnic Interactions], Novosibirsk, Manuskript Publ., 2013. (In Russ.)

Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Под ред. А. В. Тихонова. М.: «Канон+» РООН «Реабилитация», 2014. 560 с.

Sotsiologiya upravleniya: fundamentalnoe i prikladnoe znanie [Sociology of Management: Fundamental and Applied Knowledge]. Moscow, “Kanon+” ROON “Reabilitatsiya”, 2014. (In Russ.)

Шмаков В. С. Инновационная составляющая развития сельских локальных сообществ // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013, вып. 1. С. 90–95.

Shmakov V. S. Innovatsionnaya sostavlyayuschaya razvitiya selskikh lokalnykh soobshchestv [Innovative Component of Development of Rural Local Communities]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2014, no. 1, p. 90–95. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

10.12.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Абрамова Мария Алексеевна, доктор педагогических наук, заведующая отделом Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Mariya A. Abramova, Doctor of Sciences (Education), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

marika24@yandex.ru

Костюк Всеволод Григорьевич, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vsevolod G. Kostyuk, Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

demosros2017@gmail.com

Гончарова Галина Савитовна, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Galina S. Goncharova, Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

socis@philosophy.nsc.ru

УДК 316.334.55

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-134-146

Методология моделирования развития сельских локальных сообществ

В. С. Шмаков

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются проблемы использования методологии анализа сельских локальных сообществ с использованием информационных технологий. Определены предпосылки, методологические подходы, цели, этапы и предполагаемые результаты моделирования социально-экономического развития села. Отмечено, что моделирование дает возможность полнее, качественнее и быстрее проследить изменения уровня жизни жителей села, выделить доминирующие хозяйственные уклады, основные модели социально-экономической и социокультурной адаптации, ход инновационных процессов на селе, влияющих на развитие социально-экономического потенциала АПК. Выделены методологические принципы, функции классификации институциональных и социокультурных преобразований на селе.

Ключевые слова

сельские локальные сообщества, социально-экономические процессы, информационные технологии, методология, моделирование

Для цитирования

Шмаков В. С. Методология моделирования развития сельских локальных сообществ // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 134–146. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-134-146

Methodology of Modelling the Development of Rural Local Communities

V. S. Shmakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with the problems of using the methodology of the analysis of rural local communities with the help of information technologies. It defines the prerequi-

© В. С. Шмаков, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

sites, methodological approaches, goals, stages and expected results of modeling the socio-economic development of the village. It is noted that modelling allows to fuller, better and quicker trace changes in the standard of living of rural residents, identify the dominant economic structures, basic models of socio-economic and socio-cultural adaptation, the processes of innovation in the village, affecting the development of the socio-economic potential of the agro-industrial complex. It also highlights methodological principles, classification functions of institutional and sociocultural transformations in rural areas.

Keywords

rural local communities, socio-economic processes, information technology, methodology, modeling

For citation

Shmakov V. S. Methodology of Modelling the Development of Rural Local Communities. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 134–146. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-134-146

Институциональные и социокультурные преобразования, происходящие в сельских локальных сообществах, оказывают значительное влияние на социально-экономическое и социокультурное развитие сельских жителей, определяют образ жизни современной деревни. Осуществляющиеся на селе сложнейшие трансформационные, инновационные процессы крайне динамичны, зависят от множества факторов, выражающих их состояние переходности, и это необходимо учитывать во всей совокупности. Для анализа социально-экономического и социокультурного развития сельских сообществ и агропромышленного комплекса в целом, изучения роли инновационных процессов в становлении новых социально-экономических реалий мы предлагаем использовать в исследовании методологию моделирования. Моделирование как метод научного познания социума может способствовать созданию моделей развития села, особая сложность в моделировании которого заключается в том, что его современное состояние не укладывается в рамки либеральных схем и требует дальнейшего научного анализа в соответствии с реальной социально-экономической и социокультурной ситуацией, а моделирование может способствовать созданию концептуальных моделей развития села. С нашей точки зрения, наиболее важным в решении этой проблемы является исследование методологических целей, предпосылок и методик построения моделей социально-экономических и социокультур-

ных процессов сельских локальных сообществ, применения наиболее эффективных методов моделирования. Необходимо решить ряд задач, определяющих специфику изучения сельских сообществ. Рассматривая в качестве предметной области исследования методологические подходы, принципы, методы моделирования социальных процессов, мы представляем сельские локальные сообщества в качестве объекта исследования, представляющего целостную социально-экономическую и социокультурную систему, как совокупность людей, объединенных общей территорией проживания, связанных экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровно-родственными связями. Целью работы является рассмотрение методологии и методологических принципов построения моделей социальных процессов для определения сущности, областей применения и наиболее эффективных методов моделирования. Для этого необходимо решить следующие задачи: охарактеризовать содержание метода моделирования и определить возможности его применения в ходе изучения сельских локальных сообществ. В качестве методологической основы исследования анагенеза сельских локальных сообществ мы применяем принцип системного подхода, что дает возможность анализировать изучаемый объект как сложную социально-экономическую и социокультурную систему, характеризующуюся исключительным разнообразием. Использование системного подхода для изучения сельских сообществ представляет для нас методологическое значение. Во-первых, развитие и функционирование социально-экономической и социокультурной системы зависит от большого набора сложных факторов, включая социально-экономические, социокультурные политические, демографические, климатические, правовые и другие аспекты развития системы. Во-вторых, применение системного подхода способствует поиску и формализации основополагающих связей различных элементов, содействует координации всех сторон деятельности, определению целей элементов системы, оказывающих влияние на результаты. В-третьих, служит своеобразным инструментом использования методологии и методов моделирования процессов развития сообществ.

Анализ литературы показывает, что моделирование как метод научного исследования в науках о социуме активно применяется уже более ста лет. Можно сказать, что на основе применения принципов моделирования развития общественных систем сложились две основные модели общества: функциональная (Г. Спенсер, Э. Дюр-

кгейм и др.) и конфликтная (К. Маркс, Р. Дарендорф и др.), объясняющие общественный порядок с точки зрения необходимости реализации целей различных сообществ и классов. Можно отметить и предпринимавшиеся попытки интерпретации развития общества с позиций механики, биологии, физики и т. д. Начиная с XIX в. моделирование в науках о социуме применяется достаточно активно и к XX в. становится вполне самостоятельным научным направлением. В процессе становления формируются первые концепции. Можно сформулировать ряд положений, оказывающих существенное влияние на развитие и использование моделирования в общественных науках. Рост дифференциации в системе наук об обществе (экономика, социология, история, политология, психология, право и др.) привел к формированию их собственного языка, методологии, методологических принципов, методов, категорий, сфер применения и т. д. Большой вклад в развитие проблемы применения моделирования в общественных науках внес Дж. Форрестер. В своей работе «Мировая динамика» он рассматривает мир как единое целое, как глобальную систему различных взаимодействующих процессов, поведение мировой системы в целом обуславливается взаимодействием ее демографической, индустриальной и сельскохозяйственной подсистем. Он выделяется три важнейших элемента в динамике общества: уровни, темпы и запаздывания [1971]. Подход Дж. Форрестера активно используется в современной методологии социальных наук в эпоху глобализации, оказывающей воздействие на все мировое сообщество, на гармоничное, устойчивое его развитие, особенно на рубеже веков, а предлагаемая им нелинейная модель анализа городских агломераций может быть вполне применима к исследованию сельских локальных сообществ. Все используемые в ней переменные вполне соответствуют базисным показателем сельского социума.

В научных исследованиях в СССР и РФ, касающихся проблем использования методологии и методов моделирования в науках об обществе, активно обсуждается терминология, разрабатываются категориальный аппарат, методология, подходы, принципы, методы и т. д. Важный вклад в общую гносеологическую характеристику моделирования внесли известные отечественные исследователи (см.: [Штофф, 1966; Бусленко, 1968; Моисеев, 1981] и др.). В социальном моделировании общество исследуется как сложная нелинейная система, при изучении которой возникают определенные трудности с применением классического математического, основанного на уравнении,

метода моделирования. При этом можно подчеркнуть, что моделирование, несмотря на субъективность его использования как способа научного анализа, в своей основе является объективным методом познания, ибо базируется на объективных законах развития природы и общества [Глинский и др., 1965. С. 3]. Моделирование социального процесса есть практически строительство искусственных обществ и структур. Когда в математической модели представляется основание моделируемого объекта, его важные свойства и взаимосвязи элементов, его структура – модель называется структурной. Если модель отражает только реакцию на внешние воздействия, то она представляется функциональной. Естественно, что возможно создание моделей и более сложного, комбинированного типа. Но главное, как, например, подчеркивает А. Д. Мышкис: «Важнейший начальный этап построения или выбора математической модели – это получение по возможности более четкого представления о моделируемом объекте и уточнение его содержательной модели, основанное на неформальных обсуждениях» [2007. С. 35]. Серьезное внимание развитию и применению моделирования оказали в экономике и демографии. Совершенствуются теоретические и методические основы моделирования экономических процессов, социально-экономической и демографической динамики, разрабатываются программные средства и т. д. (см.: [Малков и др., 2002; Нефёдов, Турчин, 2007] и др.). В истории и политологии моделируются процессы исторической и геополитической динамики, исторических процессов (см.: [Гусейнов и др., 1984; Акаев, Малков, 2009] и др.). Существенное влияние моделирование оказало на социологию. Осуществляется практически весь спектр задач, которые моделирование способно выполнять в социальных науках. Разрабатываются методы, методика и технология обработки первичной статистической социологической информации, осуществляется анализ методологических аспектов применения комплекса математических методов для решения задач типологии социальных процессов. Моделирование становится исходной предпосылкой математизации социологического знания, анализируются довольно сложные социальные объекты (см.: [Пэнто, Гравитц, 1972; Бестужев-Лада и др., 1978; Абгарян, Абгарян, 1983; Толстова, 1998] и др.). В. А. Ядов, одним из первых структурируя программу теоретико-прикладного социологического исследования, определяет роль моделирования в социологии и предлагает проводить всесторонний, предварительный

системный анализ объекта исследования, включающий методологические элементы.

1. Формулировка проблемы, определение объекта и предмета исследования.

2. Определение цели и постановка задач исследования.

3. Уточнение и интерпретация основных понятий.

4. Предварительный системный анализ объекта исследования.

5. Развертывание рабочих гипотез [1995. С. 56–59].

Это можно отметить, как своеобразное «моделирование» проблемы постановки исследовательской задачи.

В последующие годы социологи обращают большое внимание на тематику, связанную с разработкой методов измерения, сбора, обработки и компьютерного анализа социально-экономической и социокультурной информации, методологических принципов и основ моделирования процессов развития социума, предпосылок моделирования, требований, свойств, функций, систем построения математических моделей общества, что предполагает создание соответствующего математического обеспечения (см.: [Райцин, 2005; Гуц, Фролова, 2007; Лодатко, 2007; Епархина, 2007] и др). А. А. Самарский и А. П. Михайлов предлагают, для построения математической модели исследуемых объектов ряд методологических подходов: использование «фундаментальных законов природы», «вариационных принципов», «применение аналогий при построении моделей», «иерархический подход» (от простого к сложному), «принцип суперпозиции» (нелинейности) [2001. С. 11–24]. Ю. М. Плотинский, рассматривая современные представления о моделировании социальных процессов, рекомендует использовать новые концепции системного анализа и когнитологии [2001]. Тем не менее можно отметить, что в научной и учебно-методической литературе по проблемам моделирования развития социума имеется очевидный дефицит работ. Это касается разработки методологической системы, связанной с междисциплинарными исследованиями. Рассуждая о проблеме моделирования социально-экономических и социокультурных процессов, мы полагаем, что моделирование можно определить в качестве метода научного анализа развития сельских локальных сообществ и представить его как процесс исследования развития современного села в полном объеме явлений, процессов, объектов на основе создания и изучения их модельного ряда.

Моделирование как технологию анализа социально-экономических и социокультурных явлений можно показать, как 2-этапный познавательный процесс.

1. В модели объекта изучения фиксируется информация, поступающая из внешней среды о происходящих в ней явлениях, процессах, инновациях с учетом набора факторов в их различных комбинациях, определяются критерии контроля, формируются образы, соответствующие анализируемым объектам – вход. Эти процессы являются своеобразной силой, стимулирующей социальную систему, порождающую и вынуждающую функционировать новые процессы.

2. На основе имеющихся данных строится система-модель, которая подобна объекту-оригиналу и отображает результаты функционирования сельских локальных сообществ, в ней осуществляется непосредственное изучение поступившей информации – выход. Контроль за соответствием полученной информации разработанным критериям есть обратная связь, которая устанавливает определенные ограничения, рамки функционирования процессов сельских сообществ в целях управляющего воздействия, как средство изменения состояния социальных сообществ (принятие решений). Эта процедура позволяет: во-первых, проводить исследования жизни сообществ значительно эффективней; во-вторых, устанавливать скрытые противоречия в социальной системе; в-третьих, что наиболее важно, осуществлять прогнозирование и проектирование развития изучаемого объекта, определять развитие на перспективу; благоприятствует обнаружению и предотвращению нежелательных, кризисных последствий.

Необходимость в моделировании развития сельских локальных сообществ возникает и в том случае, когда затруднительно охватить большие объемы статистической и социологической информации и ее обработка связана с большими затратами средств и времени, но необходимо в короткие сроки изучить проблему, выявить тенденции и перспективы, факторы, причины, движущие силы, оказывающие влияние на развитие и функционирование исследуемого объекта. Потребность в моделировании можно более четко сформулировать исходя из исполняемых функций.

1. Аналитическая. Анализ и объяснение исследуемых объектов, систем и процессов. Получение целостного представления о механизмах развития и функционирования. Обозначение основополагающих параметров, способов, методологии и методов исследования, описа-

ние состояние объекта исследования в заданное время, установление количественных и качественных характеристик.

2. Прогностическая. Формулируются позитивные способы решения задач, определяются негативные тенденции, предлагаются альтернативные варианты.

3. Эвристическая. Оцениваются результаты исследования, принимаются решения, активизирующие деятельность сельских локальных сообществ, заинтересованных государственных и общественных органов в поисках наиболее благоприятных вариантов решения возникающих проблем.

Естественно, что использование моделирования в изучении сельских локальных сообществ предполагает и наличие соответствующего плана исследования. Во-первых, необходимо сформулировать цели изучения объекта исследования, определить свойства объекта-оригинала, сформулировать сущность проблемы, поставить задачи, которые требуют своего разрешения. Во-вторых, осуществить выбор модели, основной конструкции и ее деталей, отражающих содержательные существенные свойства оригинала. Выделить наиболее значимые факторы, элементы, составляющие части и переменные. В-третьих, проведение премьерного исследования, «модельный эксперимент», проверка соответствия разработанной модели сформулированным нами задачам. Сбор данных о ее функционировании и при необходимости доработка и изменение условия ее функционирования. В-четвертых, использование результатов моделирования в исследовании изучаемого объекта, при наличии доказательства подобия объекта-оригинала и модели. В-пятых, оценка полноты модели, проверка результатов, их практическое использование.

При постановке исследовательских задач моделирования сельских локальных сообществ, наиболее важным условием создания модели является соблюдение принципов моделирования, что способствует более адекватному воспроизведению объекта исследования, условий его существования, развития и функционирования в динамике. Выше мы отмечали, что конструирование модели осуществляется на основе методологии системного подхода, и, естественно, определяющим является принцип целостности и обратной связи. Принцип компромисса способствует соблюдению точности в адекватности поставленных задач результатам моделирования. В случае если задача не имеет решения, производится ее корректировка либо изменение путей, средств, способов ее математической формализации. Принцип

надежности, заключающийся в соответствии первоначальных материалов и данных моделирования. Принцип диверсификации элементов модели, допускающий многофункциональность поставленных задач исследования, при этом без необходимости «не умножая сущности». Принцип иллюстративности – наглядное, по возможности, отображение исследуемых явлений и процессов. Принцип континуума, подчеркивающий неразрывность связей изучаемых явлений и процессов, полного описания объекта моделирования в процедуре перехода из одного состояния в другое. Принцип верификации и валидации, определение и проверка полученных результатов исследования, их соответствия поставленным задачам.

Процесс подготовки и реализации моделирования осуществляется в несколько этапов.

1. Концептуализация проблемы, составление программы исследований, постановка целей и задач, выбор методологии и методов ее анализа.

2. Формулировка гипотез, подбор программ построения моделей, их идентификация и анализ, определение области применения.

3. Практическое использование полученной информации, при необходимости ее корректировка с целью использования дополнительных данных и факторов.

Полученная в результате исследования информация позволяет более полно отразить все процессы, происходящие в сельском локальном сообществе с точки зрения его полноты, достоверности полученных данных, возможности дать прогноз на определенную перспективу развития. Мы полагаем, что на основе построения модели социально-экономического и социокультурного развития сельских локальных сообществ вполне допустимо достаточно точно определить показатели современного развития, уровень жизни людей, например, достаточный, социально необходимый, комфортный. Другими словами, с помощью моделирования социальных процессов можно решать самые различные задачи, например, анализировать факторы и условия, перспективы развития, устанавливать проблемы функционирования сообщества, прогнозировать поведение системы, планировать мероприятия и сроки по их устранению, определять оптимальные пути, способы, средства развития и т. д. Обнаруживая общие и повторяющиеся проблемы, проявляющиеся в сообществе на основе анализа моделей, можно значительно быстрее их решить.

Таким образом, моделирование сельских локальных сообществ – это построение моделей – аналогов реальных социально-экономических и социокультурных процессов и феноменов для дальнейшего анализа. Отметим ряд методологических сложностей, связанных с построением модели развития сообществ.

1. Моделирование еще не является абсолютно совершенным научным методом, потому что модель сложно привести в идеальное соответствие с объектом исследования.

2. Сельское локальное сообщество представляет собой достаточно многообразный объект исследования, и не всегда возможно охватить, выразить и отразить его в полном объеме с учетом всех существующих взаимосвязей и явлений. Но использование моделирования в научно-познавательной деятельности в значительной степени сокращает сроки проведения исследований, оказывается вполне эффективным научным методом, позволяющим более четко проводить идентификацию, анализ, синтез, осуществлять целостный, комплексный подход к изучению конкретных феноменов и процессов сельских локальных сообществ.

Список литературы / References

Абгарян Э. А., Абгарян Р. Э. Проблемы математизации социологических исследований. М., 1983.

Abgaryan E. A., Abgaryan R. E. Problemy matematizatsii sotsiologicheskikh issledovaniy [Problems of Mathematization of Sociological Research]. Moscow, 1983. (In Russ.)

Акаев А. А., Малков С. Ю. Геополитическая динамика: возможности логико-математического моделирования // Геополитика и безопасность. 2009. № 4. (8). С. 39–55.

Akaev A. A., Malkov S. Yu. Geopoliticheskaya dinamika: vozmozhnosti logiko-matematicheskogo modelirovaniya [Geopolitical dynamics: possibilities of logical and mathematical modeling]. *Geopolitika i bezopasnost* [Geopolitics and Security], 2009, no. 4, (8). p. 39–55. (In Russ.)

Бесстужев-Лада И. В., Варыгин В. Н., Малахов В. А. Моделирование в социологических исследованиях. М., 1978.

Besstuzhev-Lada I. V., Varygin V. N., Malahov V. A. Modelirovanie v sotsiologicheskikh issledovaniyah [Modeling in Sociological Research]. Moscow, 1978. (In Russ.)

- Бусленко Н. П.** Моделирование сложных систем. М., 1968.
Buslenko N. P. Modelirovanie slozhnyh sistem [Modeling of Complex Systems]. Moscow, 1968. (In Russ.)
- Глинский Б. А., Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П.** Моделирование как метод научного исследования. М., 1965.
Glinskii B. A., Gryaznov B. S., Dynin B. S., Nikitin E. P. Modelirovanie kak metod nauchnogo issledovaniya [Modeling as a Method of Scientific Research]. Moscow, 1965. (In Russ.)
- Гусейнов А. С., Павловский Ю. Н., Устинов В. А.** Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984.
Guseinov A. S., Pavlovskii Yu. N., Ustinov V. A. Opyt imitatsionnogo modelirovaniya istoricheskogo protsessa [Experience in Simulation of Historical Process]. Moscow, 1984. (In Russ.)
- Гуц А. К., Фролова Ю. В.** Математические методы в социологии. М., 2007.
Guts A. K., Frolova Yu. V. Matematicheskie metody v sotsiologii [Mathematical Methods in Sociology]. Moscow, 2007. (In Russ.)
- Епархина О. В.** Математические методы обработки и анализа социологических данных. Ярославль, 2007.
Eparhina O. V. Matematicheskie metody obrabotki i analiza sotsiologicheskikh dannyh [Mathematical Methods of Processing and Analysis Sociological Information]. Yaroslavl', 2007. (In Russ.)
- Лодатко Е. А.** Методологические основы моделирования социокультурных процессов // RELGA: Научно-культурологический сетевой журнал. 2007. № 15 (160). www.relga.ru
Lodatko E. A. Metodologicheskie osnovy modelirovaniya sociokulturnykh protsessov [Methodological basis of modeling of socio-cultural processes]. *RELGA: Nauchno-kulturologicheskii setevoi zhurnal* [*RELGA: Scientific and cultural network journal*], 2007, no. 15 (160), www.relga.ru (In Russ.)
- Малков С. Ю., Коссе Ю. В., Бакулин В. Н., Сергеев А. В.** Социально-экономическая и демографическая динамика в аграрных обществах // Мат. моделирование. 2002. Т. 14, № 9. С. 103–108.
Malkov S. Yu., Kosse Yu. V., Bakulin V. N., Sergeev A. V. Sotsialno-ekonomicheskaya i demograficheskaya dinamika v agrarnykh obshchestvakh [Socio-economic and demographic dynamics in agricultural societies]. *Matematicheskoe modelirovanie* [*Mathematical Modeling*], 2002, vol. 14, no. 9, p. 103–108. (In Russ.)

- Моисеев Н. Н.** Математика в социальных науках. М., 1981.
Moiseev N. N. Matematika v sotsialnyh naukah [Mathematics in Social Sciences]. Moscow, 1981. (In Russ.)
- Мышкис А. Д.** Элементы теории математических моделей. М., 2007.
Myshkis A. D. Elementy teorii matematicheskikh modelei [Elements of the Theory of Mathematical Models]. Moscow, 2007. (In Russ.)
- Нефёдов С. А., Турчин П. В.** Опыт моделирования демографически-структурных циклов // История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства. М., 2007. С. 153–167.
Nefedov S. A., Turchin P. V. Opyt modelirovaniya demograficheskii-strukturnykh tsiklov [Experience in modeling demographic and structural cycles]. In: Istoriya i Matematika: Makroistoricheskaya dinamika obschestva i gosudarstva. In: [History and Mathematics: Macrohistorical Dynamics of Society and the State]. Moscow, 2007, p. 153–167. (In Russ.)
- Плотинский Ю. М.** Модели социальных процессов. М., 2001.
Plotinskii Yu. M. Modeli sotsialnyh processov [Models of Social Processes]. Moscow, 2001. (In Russ.)
- Пэнто Р., Гравитц М.** Методы социальных наук. М., 1972.
Pehnto R., Gravits M. Metody sotsialnyh nauk [Methods of Social Sciences]. Moscow, 1972. (In Russ.)
- Райцин В. Я.** Моделирование социальных процессов. М., 2005.
Raicin V. Ya. Modelirovanie sotsialnyh protsessov [Modeling of Social Processes]. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Самарский А. А., Михайлов А. П.** Математическое моделирование. Идеи. Методы. Примеры. М., 2001.
Samarskii A. A., Mihailov A. P. Matematicheskoe modelirovanie. Idei. Metody. Primery [Mathematical Modeling. Ideas. Methods. Examples]. Moscow, 2001. (In Russ.)
- Толстова Ю. Н.** Измерение в социологии. М., 1998.
Tolstova Yu. N. Izmerenie v sotsiologii [Measurement in Sociology]. Moscow, 1998. (In Russ.)
- Форрестер Дж.** Мировая динамика. М., 1971.
Forrester J. Mirovaya dinamika [World Dynamics]. Moscow, 1971. (In Russ.)
- Штофф В. А.** Моделирование и философия. М.; Л., 1966.
Shtoff V. A. Modelirovanie i filosofiya [Modeling & Philosophy]. Moscow, Leningrad, 1966. (In Russ.)

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995.

Yadov V. A. Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody [Sociological Research: Methodology, Program, Methods]. Samara, 1995. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

29.11.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Шмаков Владимир Сергеевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir S. Shmakov, Doctor of Science (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

vsshmakov@gmail.com

УДК 141.12 + 165.12

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-147-153

Генезис проблемы квалитативности сознания в античной философии

М. И. Щеглова

Оренбургский государственный университет

Оренбургский государственный медицинский университет

Оренбург, Россия

Аннотация

Говоря о философии сознания, исследователи так или иначе обращаются к понятию «квалиа». Несмотря на то, что в философский дискурс этот термин был введен еще в начале XX в., состоятельность его употребления до сих пор под вопросом. Исходной методологической точкой спора является вопрос о том, необходимо ли отдельно изучать квалитативность сознания или достаточно вынести эту проблему в область языкового описания функциональной деятельности мозга? Как один из аргументов в пользу последней точки зрения приводят новизну термина. Автор статьи доказывает, что проблемное поле квалиа формировалось еще в античной философии. Переосмысленная позже как проблема универсалий, идея о субъективности опыта сопутствует в истории философии вопросам, связанным с сознанием человека.

Ключевые слова

квалиа, философия сознания, субъективный опыт, восприятие

Для цитирования

Щеглова М. И. Генезис проблемы квалитативности сознания в истоках философской мысли // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 147–153. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-147-153

Qualitativeness of Consciousness: Genesis of the Problem in Ancient Philosophy

M. I. Shcheglova

Orenburg State University

Orenburg State Medical University

Orenburg, Russian Federation

Abstract

Speaking about the philosophy of mind researchers address the concept of «qualia». In spite of the fact that this term entered the philosophical discourse at the beginning of

© М. И. Щеглова, 2019

the 20th century, the legitimacy of its use is still in question. The starting methodological point of the dispute is whether it is necessary to study the quality nature of consciousness separately or we can treat this problem as part of the language description of the functional activity of the brain. One of arguments in favor of the latter point of view is the novelty of the term. The author provides arguments that the problem field of qualia was formed in ancient philosophy. Rethought later as the problem of universals, the idea of the subjectivity of experience accompanies in the history of philosophy the questions related to human consciousness.

Keywords

qualia, philosophy of mind, subjective experience, perception

For citation

Shcheglova M. I. Qualitativeness of Consciousness: Genesis of the Problem in Ancient Philosophy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 147–153. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-147-153

Поиск смыслового формирования проблемы квалитативности следует начинать с формулировки рабочего определения термина. Опираясь на современные трактовки, встречаемые в литературе по философии сознания, мы предлагаем понимать под квалитативностью субъективный, нетранслируемый опыт чувственного «переживания» какого-либо явления. Хотим обратить внимание на то, что в литературе, посвященной квалиа, дословный перевод сводится к лаконичным «свойство» или «качество», однако нами установлено, что грамматическая структура термина сложнее. Латинское слово «qualia» стоит в номинативном падеже среднего рода множественного числа и производно от «qualis» – «какой по качеству». Дословно оно может переводиться как «какие по качеству». Употребление среднего рода, на наш взгляд, может говорить о нейтральности и изолированности данного термина от конкретных предметов объективного мира, которые конкретизируются уточнением мужского или женского родов. Это лингвистическое замечание указывает на его «естественную» природу в дискурсе философии: термин не является особым рода неологизмом и встречается еще в религиозных текстах начала Нового времени. Так почему этот термин актуализируется в современной философии сознания? И почему возникает вопрос о роли и значимости его употребления?

Специфика проблемы квалиа, обособляющая это понятие от других трудностей философии сознания, таких как психофизический вопрос или спор о локализации субъективности, в том, что философы

и ученые не имеют общего мнения о познавательной ценности самого понятия. Если мы обратимся к Оксфордскому справочнику, для которого в 2009 г. Алекс Бёрн написал статью по философии психики, то обнаружим подтверждение этому выводу. Ученый пишет, что «не ясно, существуют ли какие бы то ни было сенсорные... качества» и что лучше «исходить из предположения, что сенсорные качества... являются мифом» [Вутне, 2009. Р. 34]. Остановимся конкретнее на одной из причин такого положения дел.

Функционализм, так широко распространяющийся с начала XX в., объясняет все ментальные состояния, вне зависимости от их спецификации (будь то интенциональные акты или квалитативный опыт), как результат функциональной работы мозга. Проследивание причинно-следственной связи возникновения субъективного опыта как зависимости выхода от входа сигнала позволяет рассматривать ментальные феномены как объективные. Исходя из такой объяснительной установки, использование термина «квалиа» для описания сознания является нарушением принципа Оккама: для этого достаточно функциональных терминов. Философ Д. Деннет в книге «Объясненное сознание» аргументирует необходимое следование квалитативного опыта за функциональным актом: «В соответствии с различными идеологиями, объединенными под названием “функционализм”, если вы воспроизведете всю “функциональную структуру” когнитивной системы человека, дегустирующего вино..., вы тем самым воспроизведете все ментальные качества...которые и делают процесс винопития тем, что позволяет нам наслаждаться им. Как утверждают функционалисты, в принципе, не имеет значения, состоит ли система из органических молекул, или из силикона, если она выполняет одну и ту же работу. Искусственные сердца не должны быть сделаны из органических тканей, так же и искусственные мозги... Если все контрольные функции мозга человека, дегустирующего вино, будут воспроизведены в силиконовых чипах, то тем самым будет воспроизведено и удовольствие» [Consciousness Explained, 1991. Р. 112]. Можно сформулировать промежуточный вывод: квалитативность рассматривается не как специфическое свойство сознания, а как атрибутивное свойство системы, выполняющей определенные функции. Кроме того, само понимание сознания становится эфемерным и относительным, оно перестает быть целостным «поток», а выступает комбинацией системных свойств.

Принятие функционализма, а в некоторых случаях и крайнего физикализма, элиминирует сам предмет дискуссии. Поэтому мы счита-

ем целесообразным признать в рамках нашего исследования реальность проблемы сознания. Помимо этого, мы полагаем, что изучение сознания в принципе, с методологической точки зрения, невозможно без разрешения вопроса о квалиа. Аналогичного мнения придерживается интенционалист Джон Сёрль, утверждая, что сознание и квалиа – это один и тот же феномен [Searle, 1997. P. 75].

Мы хотим доказать, что вопрос о причине субъективного, нетранслируемого ментального опыта, или квалиа, всегда был в поле зрения философов, когда те обращались к феномену сознания. И хотя генезис исследования квалиа относят к началу XX в., еще философы Античности задавались вопросами об источниках наших переживаний и, как следствие, об их реальности.

Несмотря на то, что проблема квалитативности в большей степени коррелирует с феноменальной сущностью сознания, проблему субъективности ощущений впервые сделали предметом своего внимания не идеалисты, а греческие атомисты.

Левкипп и Демокрит, в рамках своего учения о мельчайших основах бытия – атомах, обратили внимание на то, как эти частицы детерминируют или порождают качественные восприятия в душе человека. Отправной точкой их рассуждения было ключевое, на их взгляд, свойство этих восприятий – их субъективность. Согласно «Пирроновым положениям» Секста, Демокрит говорил: «Исходя из того, что мед одним кажется горьким, а другим сладким [...] он не горький и не сладкий» [Лурье, 1970. С. 221]. Эта относительность ощущений обусловлена тем, что они заключены не в конкретной вещи, а в сознании человека. Там эти качества возникают вследствие воздействия на человека атомов различных форм и размеров. На наш взгляд, здесь мы имеем элементарную форму функционального объяснения квалиа, с тем отличием, что атомистами отмечается феноменологический характер качественных ощущений.

Но уже Феофраст в работе «Об ощущениях» приводит свои возражения, отмечая непоследовательность подобного «примитивного функционализма»: «...величайшее противоречие... в том, чтобы признавать ощущение неодинаковым (*для различных субъектов*) и вместе с тем определять его (*зависимостью от*) форм (*атомов*), так что одно и то же одним представляется горьким, другим – сладким, третьим – иным: ведь невозможно, чтобы форма (*атомов*) была непостоянной или чтобы одно и то же было для одних шарообразным, а для других иным (а между тем это необходимо, если оно для них сладко, а для других горько), или чтобы формы (*атомов*) менялись сообразно

с нашим состоянием. Существо дела в том, что форма сама по себе, а сладость и вообще ощущаемое – в отношении к другому и зависит от других (*обстоятельств*)...» [Лурье, 1970. С. 208]. Это критическое замечание актуализирует проблему локализации сознания, его тождества или, напротив, отличия от работы человеческого мозга. Феофраст указывает на разрыв между физическим явлением – «предметом», и ощущением – «квалиа». Позже эта мысль будет развита в идею психофизиологической проблемы, лежащей в основе современных вопросов философии сознания, в частности, о реальности квалиа. Античный философ обнаруживает, что должна соблюдаться каузальность взаимодействия между ментальными и физическими феноменами.

Значительный вклад в формулировку вопроса о квалиа внес и классик греческой мысли Аристотель. Рассматривая сознание как атрибут разумной человеческой души, философ писал: «...исследование души также отчасти относится к познанию природы, а именно постольку, поскольку душа не существует без материи» [1975. С. 181]. Подобное объяснение сознания в ключе редукционизма элиминировало проблему возникновения качественных ощущений. Асмус пишет, что Аристотель – «подлинный отец будущей материалистической психологии, а также учения о том, что предметы наших чувственных восприятий, дающие начало всем знаниям, существуют независимо от самих этих восприятий, объективно, а не порождаются субъективной организацией нашей восприимчивости» [Там же. С. 62]. И хотя натуралистическое понимание души выводило за рамки исследования феноменологической сущности сознания, Аристотель косвенно обращался к реальности и самостоятельности квалиа в труде «Категории». Категории – это наиболее общие понятия, такие как бытие, время, движение, обладание и т. д. Отдельное внимание уделяется категории качества, под которым он понимал «...то, благодаря чему предметы называются такими-то». Уточнялось, что качество – категория многозначная. Философ выделял несколько видов качеств: те качества, которые с XX в. изучаются как квалитативные, он отнес к третьему виду, назвав их «претерпеваемые свойства и состояния». В самом этом их названии выражена феноменологическая сущность репрезентации качеств вещей в сознании. К таковым он относит «сладкость, горечь, терпкость и все сходное с ними; кроме того, тепло, холод, близна и чернота... А претерпеваемыми свойствами они называются не потому, что то, что наделено ими, само что-то претерпевает или испытывает: мед называется сладким не потому, что он что-то испы-

тал...» [Аристотель, 1978. С. 74]. При этом само восприятие качества возникает в сознании как следствие воздействия предмета. Существует ли сладость без меда? Ответ Аристотеля: нет. Пытаясь преодолеть идеализм Платона, философ дает повод для размышления над противоречием, которое позже было обнаружено его комментаторами. Это противоречие сводится к спору двух тезисов: с одной стороны, качество вещи неразрывно связано с самим объектом, с другой – абстрагирование категорий от вещей может представляться как попытка наделить их самостоятельным существованием.

Порфирий, ученик Плотина, неоплатоник, комментируя трактат «Категории», попытался понять: какова природа абстрактных категорий, изложенных в одноименном трактате. Для неоплатоника эти категории должны были обладать реальным онтологическим статусом, подобно эйдосам в идеализме Платона. Однако Аристотель резко возражал против платоновского учения об идеях. Сущность находится в самом теле, в самом предмете. И Порфирий ставит вопрос: а как быть с наиболее общими понятиями, с категориями? Ведь бытие, время, движение – это же не есть некая сущность, это же не предметы. Порфирий напишет, что, прочитав работу «Категории», он не нашел у Аристотеля ответа [Аристотель, Порфирий, 1939. С. 20].

Позже Боэций, живший в V в., написал комментарий к Порфирию и перевел этот труд Порфирия на латинский язык. Через Боэция эта работа стала известна в Западной Европе, дав начало спору об универсалиях.

Таким образом, проведя генетический и ретроспективный анализ формирования проблемного поля термина «квалиа», мы пришли к выводу, что еще в античные времена философов волновала проблема локализации качественного восприятия. Неверно, что изучение нетранслируемого субъективного переживания берет свое начало в аналитической философии, как полагалось ранее. Редуцирование квалиа к деятельности «души» встречается как у атомистов, так и у Аристотеля. Помимо сущностной характеристики квалиа, в античной мысли мы обнаруживаем и свойства квалиа, выделяемые только в XX в. Пирсом и Льюисом. К этим свойствам относятся: изолированность, единичность, обособленность качественного опыта.

Список литературы / References

Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 63–367.

- Aristotle.** *Metaphizika* [Metaphysics]. *Sochineniya*: V 4 t. [Works: In 4 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, p. 63–367. (In Russ.)
- Аристотель.** Категории // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 51–90.
- Aristotle.** *Kategorii* [Categories]. *Sochineniya*: V 4 t. [Works: In 4 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1978, vol. 2, p. 51–90. (In Russ.)
- Аристотель, Порфирий.** Категории. Введение к категориям Аристотеля / Пер. А. В. Кубицкого. М.: ГСЭИ, 1939. 84 с.
- Aristotle.** *Kategorii. Vvedenie k kategoriyam* [Categories. Introduction to categories]. Moscow, GSEIB Publ., 1939. (In Russ.)
- Лурье С. Я.** Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970. 664 с.
- Lurie S. Ya.** *Demokrit. Teksty. Perevod. Issledovaniya* [Democritus. Texts. Translation. Research]. Leningrad, Nauka, 1970. (In Russ.)
- Byrne A.** Sensory Qualities, Sensible Qualities, Sensational Qualities In: *Oxford Handbook of Philosophy of Mind*. Eds. B. McLaughlin, A. Beckerman. Oxford, Oxford Uni. Press, 2009, 279 p.
- Consciousness Explained*. Eds. D. Dennett, L. Allen. London, The Penguin Press, 1991, 511 p.
- Searle J. R.** *The Mystery of Consciousness*. London, 1997, 224 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

27.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Щеглова Мария Игоревна, аспирантка Оренбургского государственного университета (ул. Советская, 6, Оренбург, 460000, Россия); ассистент Оренбургского государственного медицинского университета (пр. Победы 13, Оренбург, 460000, Россия)

Mariya I. Shcheglova, Postgraduate of the Orenburg State University (6 Sovetskaya Str., Orenburg, 460000, Russian Federation); assistant to the Orenburg State Medical University (13 Pobedy Ave., Orenburg, 460000, Russian Federation)

mashylena@mail.ru

УДК 123.11

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-154-164

Становление случайности как метафизической категории в учениях ранних греческих философов Гераклита и Демокрита

М. О. Матушкина

*Вятский государственный университет
Киров, Россия*

Аннотация

Интерес к случайности, как особой онтологической категории, зарождается вместе с развитием самой философии и науки. История философии насчитывает несколько трактовок этой категории: от полного отрицания ее в бытии до провозглашения особым типом взаимосвязи. На наш взгляд, трактовка случайности всегда выступала немаловажным фактором для реализации того или иного подхода, призванного определить, насколько плотно могут взаимодействовать философия и наука. Категория случайности является очень точным индикатором смены мировоззренческих установок и создания новых ориентиров познания. Обращение к становлению случайности как метафизической категории поможет нам выявить основные аспекты ее влияния на научное познание.

Ключевые слова

случайность, метафизика, ранние греческие философы, Гераклит, Демокрит

Для цитирования

Матушкина М. О. Становление случайности как метафизической категории в учениях ранних греческих философов Гераклита и Демокрита // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 154–164. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-154-164

The Formation of Chance as a Metaphysical Category in the Teachings of Early Greek Philosophers Heraclitus and Democritus

M. O. Matushkina

*Vyatka State University
Kirov, Russian Federation*

Abstract

Interest in chance, as a special ontological category, arises with the development of philosophy and science. The history of philosophy has several interpretations of this

© М. О. Матушкина, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

category: from the complete denial of its existence, to the proclamation of a special type of relationship. In our opinion, chance, despite the diversity of interpretations, has always been an important factor for the implementation of a method designed to determine how tightly philosophy and science can interact. The category of chance is a very accurate indicator of the change of worldview and the creation of new landmarks of knowledge. Turning to the formation of chance as a metaphysical category will help us to identify the main aspects of its influence on scientific knowledge.

Keywords

chance, metaphysics, early Greek philosophers, Heraclitus, Democritus

For citation

Matushkina M. O. The Formation of Chance as a Metaphysical Category in the Teachings of Early Greek Philosophers Heraclitus and Democritus. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 154–164. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-154-164

Познание сущности вещи в ранней греческой философии означало постижение высшего принципа бытия, признание многоуровневости которого выражалось уже в самой постановке мировоззренческих проблем. Одной из них выступает поиск ответа на вопрос: что такое случайность. Подбирать к ней ключи – дело увлекательное. Современная философская традиция и научное познание пытаются открыть «замочную скважину» случайности через методологию, познавая вероятность и мир элементарных частиц. Но что если вернуться к метафизике бытия и посмотреть на категорию случайности в ее свете?

В Древней Греции взаимодействие философии и науки проявляло себя весьма полно, это связывают, прежде всего, с одновременным их появлением и решением мировоззренческих задач, которые стояли в то время перед первыми философами. Уже тогда философия избрала для себя роль, связанную с объяснением и истолкованием мироздания. Наблюдая за природой материального мира, древний грек видел в ней не просто чувственно-воспринимаемое величие, а умопостигаемую мощь. Он «поворачивал глаза души» [Мамардашвили, 2014. С. 187] и за внешним многообразием образов видел нечто монументальное и единое, то, что составляло суть мироздания. Пытаясь обособить философское понимание мира от мифологического, первые философы представляют мифологическое познание, как нечто, противоречащее разуму, то, что несет с собой заблуждения и незнание. Одной из таких мифологем в познании выделялась судьба. В Греции в VI–V вв. до н. э. оно обозначалось понятием «Тюхэ», кото-

рое изначально (об этом свидетельствует Фукидид) воспринималось как «достаточно расплывчатое представление массового, обыденного сознания о случайности» [Горан, 1984. С. 32], понималось как «судьба» и «рок».

Впервые упоминание о том, что есть случай, мы находим в трудах ранних греческих философов. Термин «τύχη» упоминается в речах Архилоха, Клеобула и Фалеса и означает богиню судьбы и случая. Так, Фалес говорил, что благодарен судьбе («τύχη») за три вещи: «Во-первых, за то, что родился я человеком, а не зверем; во-вторых, за то, что мужчиной, а не женщиной; и в-третьих – что эллином, а не варваром» [Фрагменты..., 1989. С. 102]. Такая трактовка случайности в большей степени мифологична и не претендует на философское понимание. Здесь важно уяснить, что для философов VI в. до н. э. онтологические искания уходили в мир становящегося бытия, где основой выступал материальный первоэлемент. Представления о бытии формировались у древних греков под воздействием мифологических воззрений, в том числе о роли огня, воздуха, воды и земли. Это определило и специфику первых философских концепций становления, изменения и развития. Другими словами, случай воспринимался изначально как мифологическое божество, и в связи с этим первыми материалистами он не мог быть отнесен к тому, что имеет онтологический статус. М. А. Дынник подчеркивает, что характерной чертой древнегреческих материалистических учений является «борьба за науку против религии» (мифологии), поэтому ни о какой «τύχη» в становящемся бытии не может идти и речи. Признать случай на этом этапе становления философско-научной мысли означало бы впустить мифологию в объяснение мира природы и остаться на прежнем уровне развития, отвергая возможность рационального познания.

Но через 100 лет, в V в. до н. э., у Софокла мы находим еще одну трактовку «τύχη» как случайного стечения обстоятельств. Становление понятия случайности в философском контексте произведет Гераклит, в его изречениях слово «τύχη» будет все чаще употребляться именно как «стечение обстоятельств»: «Нет ничего непостоянней судьбы (Тюхэ), которая, словно при игре в пессейю, обращивает человеческую жизнь, [словно игральную кость], противоположной стороной [букв. «вверх дном»]» [Там же. С. 243]. Гераклит, с одной стороны, признает богиню Тюхе, которая управляет жизнью, где «нет ничего постоянного, но все беспорядочно перемешано, словно в киклоне и одно и то же: удовольствие – неудовольствие, знание – незнание, большое – малое, туда – сюда ходящие по кругу

и сменяющие друг друга в игре Века» [Там же. С. 242]. Такой Век для Гераклита наполнен хаосом и безрассудством, эти воззрения на бытие представляются ему «детскими игрушками» [Там же], тем, чему не может быть места в становящемся бытии. Если воспринимать бытие как проявление воли Тюхэ, то она погрузит в хаос все существующее. Гераклит Тюхэ противопоставляет Логос, понимаемый им как «закон» и «разум». «Мудрость заключается только в одном: признавать разум как то, что управляет всем при помощи всего» [Маркс, 1956. С. 45]. Это высказывание приводит нас к интересному выводу: Гераклит не отрицает случайность мифологическую [Robinson, 2013], но понимает, что ее присутствие в бытии как того, что имеет онтологический статус, лишает само бытие целостности, ибо привносит в него неопределенность, и, как злой демон, разрушает его. Когда Гераклит, например, размышляет о врачевателях, он говорит, что заслуга в излечении больных часто принадлежит не им, а случаю, на который врачеватели полагаются, предлагая один из методов лечения, сути которого они не в силах постичь. Поэтому фраза Гераклита «как превратить ливень в засуху» [Фрагменты..., 1989. С. 183] и является непонятной для людей. Ведь, не зная закона, не подчиняясь Логосу, человек отдает себя в ведение Тюхэ (судьбы), а признавая ее как «случай» в мире бытия, он снова попадает в западню, лишая себя возможности познания. Познать бытие возможно лишь через его сущность, а сущность – это закон, Логос, тогда как «Тюхэ» – это случай, хаос, беззаконие, непознаваемое. Случай лишает бытие возможности быть познанным, обрести свою сущность через Логос. Вот почему, признавая значимость Тюхэ – случая, Гераклит все же не включает его в свою онтологию.

Как мы видим, у Гераклита случай действительно оказывается понятым в философском ключе, но в систему бытия он не включен. Однако именно Гераклитово понимание случая как того, что неподвластно закону и непостижимо для разума, будет развиваться далее в философии. Об этом надлежит помнить, исследуя трактовку случайности, приписываемую Демокриту.

Демокрит был атомистом, причем материалистического плана: весь мир для него есть атомы и пустота. В теории познания он выделяет два вида знания: знание-мнение и знание-истину. Пожалуй, такое разделение и дает повод усомниться в традиционной трактовке его учения о соотношении необходимости и случайности, выраженной утверждением: «люди измыслили себе идол случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассуди-

тельность» [Материалисты..., 1955. С. 69]. Согласно этой трактовке, Демокрит видит в природе только лишь необходимость, а случай якобы характеризует как иллюзию, понимая его как наше незнание исходных причин. Такие исследователи творчества Демокрита, как С. Я. Лурье, В. Ф. Асмус, Б. Б. Виц, А. О. Маковельский, работая с сохранившимися фрагментами текстов Демокрита, признают, что атомист двойственно относился к проблеме случая, и некоторые его высказывания о случайном противоречивы. Например, С. Я. Лурье находит у него положения, где он открыто говорит о могуществе случая [Горан, 1984. С. 422]. Однако историки философии не могли изменить такое толкование взглядов Демокрита, и необходимость, несмотря на выявленные ими противоречия, по-прежнему продолжала рассматриваться как играющая первостепенную роль в учении атомиста. Если присмотреться к истории вопроса, то увидим, что традиция истолкования Демокрита как признающего только необходимость и отвергающего случайность уходит своими корнями в античные времена: таким его считали Аристотель, Диоген, Фукидид и Цицерон. Каждый из них имел дело не столько с первоисточниками мыслителя, сколько с вторичным изложением взглядов, поэтому сам анализ идей Демокрита уже заведомо был комментарием комментария через призму собственного учения. Маркс, исследуя атомизм Демокрита и Эпикура в рамках своей диссертации, осознавал, интуитивно чувствовал непреходящую значимость Демокритовых положений. Он разгадал одно из пониманий случайности у Демокрита, где сама случайность, в ипостаси реальной возможности, создает круг условий и причин, которыми опосредуется необходимость. Необходимость Демокрита Маркс трактовал как судьбу, право, провидение и созидательницу мира, «как форму рефлексии действительности» [Маркс, 1956. С. 35]. Маркс увидел некую относительность понятий необходимости и случайности в атомистике, где одно понятие может дать начало другому. Но, при всей прозорливости, Маркс не идет дальше этого и уверяется в том, что под случайностью Демокрит не видит никакой онтологической основы и всего лишь подчеркивает ее подчиненное положение необходимости, а саму ее относит к субъективному мнению. И такое понимание ситуации по сей день остается преобладающим. Но оно – только первая часть ответа на вопрос, что Демокрит имел в виду, когда вел речь о случайности. Это «тиухэ», рок, непреодолимость судьбы, то, что измышляется большинством как свидетельство собственной беспомощности, это первый исторический вариант осмысления феномена случайности, против которого и возражает

Демокрит. Являясь субъективным мнением, такая случайность действительно «враждует с сильным мышлением» и может быть противопоставлена разуму, это мифологический тип случайности как «богини Тюхэ». Но тогда почему настолько часто Демокрит упоминает о могуществе случая? Дело в том, что могущество случая он относит как раз к случайности другого порядка, к философской случайности, той, что может порождать все необходимое. Но такое видение проблемы до сих пор ускользало от историков философии, поэтому часто взгляды Демокрита на случайность понимали и понимают как фаталистические, где случайность есть наше незнание истинных причин [Маковельский, 1946].

Накопившиеся противоречивые изречения материалиста Древней Греции, в конце концов, должны были каким-то образом разрешиться. Отечественный исследователь Демокрита В. П. Горан дает нам разгадку второй части проблемы случайности у Демокрита. Он основательно анализирует фрагменты текстов Демокрита и доказывает, что атомист говорит о случайности не как о фикции, «субъективной иллюзии, порожденной незнанием причин» [Горан, 1984. С. 59], а напротив, случайность обладает у него весьма реальным существованием и «по самой своей природе сопротивляется разуму» [Там же. С. 33]. Сложность понимания идеи случая у Демокрита заключается в том, что философ размышляет о двух совершенно разных типах случайности. Под первым типом он понимает «тюхэ», богиню случая, почитаемую толпой, а второй тип представлен у него как философское понятие случайности. Христианский мыслитель Дионисий подтверждает антифаталистическую направленность философии Демокрита, утверждая, что атомист «считает высшей мудростью постижение неразумного и без толку случающегося, а случай ставит владыкой и царем вселенной и божественных сил. Он заявляет, что совокупность вещей возникла в силу случая, но из человеческой жизни случай изгоняет и называет невеждами поклоняющихся ему» [Там же. С. 48]. Такая трактовка учения Демокрита как раз и выявляет двойственное понимание им случайности. Придерживаясь философского ее понимания, он признает ее объективный статус, а когда речь у него идет о мифологической «тюхэ», т. е. о случайности как богине судьбы, он и утверждает, что люди «сотворили себе кумир из случая как прикрытия для присущего им недосмыслия» [Там же. С. 53]. Случайность, которую Демокрит признает имеющей объективный статус, он в некоторых фрагментах характеризует как обладающую огромным могуществом. Необходимость же, как одна из главных

категорий его философии, не является абсолютной и противопоставляется им этическому понятию долга, которым и ограничивается. Это позволяет сделать очень важный вывод: понятие долга уже предполагает у него свободу [Miller, 2013]. Демокрит во многих своих моральных изречениях будет размышлять над проблемой свободы, подчеркивая при этом, что «мудрец не должен повиноваться законам, а жить свободно» [Горан, 1984. С. 66]. Средством реализации такой свободы как целесоуществования у Демокрита выступает разум. Соответственно, случайность и имеет у Демокрита онтологический статус. В основе случайности лежит изменчивость, что характеризует ее как пластичное начало.

Но если трактовка случайности как незнания причин не признается Демокритом, а в знаменитом изречении допущена неточность перевода, и ничего иного кроме как мифологемы судьбы здесь понимать не может, то уместно будет задаться вопросом, что же философ понимает под объективной случайностью?

Исследователи Демокрита В. П. Горан и С. Я. Лурье указывают, что термину «случайность» у него соответствует греческий термин «συμβεβηκός» [Там же] («сும்бебекос» – что означает «случайное совпадение»). Именно такой случайности и противопоставит впоследствии Аристотель свое телеологическое объяснение видимой целесообразности явлений природы. «Сумбебекос» Демокрита воспринимается Аристотелем как нечто внешнее по отношению к цели, такая случайность противоречит разуму, ибо происходит без направляющего действия какого-либо целевого начала.

Таким образом, случайность у Демокрита приобретает не только антимифологический характер, но и впервые понимается как «результат совпадения определенных событий, каждое из которых возникает в ходе развертывания своей причинной цепи» [Там же. С. 99]. Но результат пересечения таких причинных цепей может называться случайностью лишь в том случае, когда эти цепи не находятся ни в какой зависимости друг от друга, иначе это не было бы просто совпадением. Если рассматривать реконструкцию взглядов Демокрита с точки зрения В. П. Горана, то можно прийти к пониманию случайности «как пересечения независимых рядов причинения, в каждом из которых все... происходит по природе и в силу необходимости» [Там же. С. 100]. Эта концепция случайности является одной из самых известных, и, как правило, ее основателем объявляют Аристотеля, но, как видим, большой вклад в ее становление внес и Демокрит.

Разногласия между философами были, безусловно, существенными, но в рамках представленной концепции их суть сводилась не к разному определению случайности, но к разной ее причине. В связи с этим распространенное убеждение в том, что, по Демокриту, случайность есть наше (субъективное) незнание всех причин, не имеет к философии атомиста прямого отношения, а лишь косвенно характеризует стремление натурфилософа изгнать из бытия всевозможные людские домыслы о мире, основанные на мифологии.

Случайность, понимаемая Демокритом как пересечение независимых рядов причинения, открывает новые горизонты в прочтении понятия «необходимость». Если в общепринятой трактовке случайности Демокрита указывалось на наличие жесткой необходимости и отрицание роли случая в природе, то здесь мы видим диалектическое взаимодействие двух понятий.

С одной стороны, необходимость представлена нам как то, что существует по природе и кроется во внутренней сущности вещей, тогда как случайность предполагает зависимость событий от внешних причин. Например, когда Демокрит размышляет о происхождении мира, он видит его начало в спонтанности («to automaton»), а возникнув, мир начинает развиваться в силу необходимости. Здесь выявляется внешний характер случая. Если углубиться в атомистическое учение, то, как пишет Аэций, «первотела (т. е. “полные”) не имеют веса, движутся же в беспредельном от взаимного удара» [Материалисты..., 1955. С. 72], – это единственный вид движения (движение от сотрясения), который признавал Демокрит. Он не указывает на первопричину возникновения мира, так как не находит такой причины, которая делала бы происхождение его неслучайным. И сама спонтанность не исходит из какой-то внутренней, целевой причины, причиной ее объявляется первоначальное беспорядочное движение атомов, которое дает начало всевозможным мирам и космосу.

Учение Демокрита о возникновении названий вещей также подчеркивает внешний характер случайности, противостоящий внутреннему, природному существу. В. П. Горан, излагая взгляды Прокла об этом учении, отмечает: «...если бы названия вещей существовали по природе, то связь между вещью и ее именем была бы настолько жестко однозначна, что многоименности, – а по терминологии Демокрита исорропии (равносильности) – слов не только не было, но она даже была бы невозможна» [Горан, 1984. С. 132].

Еще раз хочется оговориться и отметить, что такая трактовка учения Демокрита о необходимости и случайности в историю философии входит сравнительно недавно и многие исследователи философии Демокрита очень близко подходили к ней и ранее, но не могли ухватить сущности понятия «случайность», поэтому часто пасовали перед новым прочтением этой категории у атомиста и пытались убедить себя и философское общество в фатализме Демокрита, отрицании случая и провозглашении необходимости как единственной объективно существующей категории в учении древнего грека. В. П. Горан по-новому прочитывает Демокрита, помогая заинтересованному читателю разобраться в истинном звучании учения о необходимости и случайности, преодолеть все парадоксы, которые в один миг могут увести нас в фаталистическое направление. Итак, можно смело предположить теперь, что для Демокрита случайность, во-первых, это онтологическая категория, а во-вторых, сама объективная случайность есть пластичное начало.

Это подчеркивает, насколько революционной оказалась трактовка случайности, предложенная Демокритом. Как много времени потребовалось на то, чтобы узнать истинную сущность случайности, о которой говорил грек, понять, что уже в V–IV вв. до нашей эры этой категории отводилось особое онтологическое значение. Случайность, таким образом, включается в систему бытия не только как нечто внешнее по отношению к природе, но и является составной его частью. Можно заявить, что здесь впервые определяется роль философской категории случайности в становлении научной картины мира. Случайность впервые понимается как составляющая источника развития мира. Демокрит обосновывает идею становящегося бытия, некогда предложенную Гераклитом, но не с помощью отвлеченных материальных первоначал, а усматривает в развитии некое начало – случайность. Именно свобода воли человека и есть то, что вторгается в стихийно складывающуюся совокупность обстоятельств, и доказывает тем самым, что есть некое начало, способное противостоять тому, что предполагается мифологемой Тюхэ.

Таким образом, ранние греческие философы, прежде всего, указанные нами Гераклит и Демокрит, преобразуют категорию случайности из мифологемы в метафизическую категорию. А случайность в формирующемся ее философском понимании характеризует изменчивость бытия. Нам кажется, что именно эта трактовка случайности способна вернуть в современную науку утраченную «чтойность» предмета.

Список литературы / References

- Горан В. П.** Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск: Наука, 1984.
- Goran V. P.** Neobchodimost i sluschainost v filosofii Demokrita [Necessity and Chance in the Philosophy of Democritus]. Novosibirsk, Nauka, 1984. (In Russ.)
- Маковельский А. О.** Древнегреческие атомисты. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1946.
- Makovelski A. O.** Drevnegrecheskie atomisty [Ancient Greek Atomists]. Baky, Izdatelstvo AN Azerbaydzchanskoi SSR, 1946. (In Russ.)
- Мамардашвили М. К.** Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, Азбука – Атткус, 2014.
- Mamardashvili M. K.** Lektsii po antichnoi filosofii [Lectures on Ancient Philosophy]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka – Attikus, 2014. (In Russ.)
- Маркс К.** О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 17–99.
- Marx K.** O razlichii mezchdu naturfilosofiei Demokrina i naturfilosofiei Epikura. Iz rannich proizvedeniy [On the Difference between the Natural Philosophy of Democritus and the Natural Philosophy of Epicurus. From Early Works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956, p. 17–99. (In Russ.)
- Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Под ред. и вступ. ст. М. А. Дынника. М.: Госполитиздат, 1955.**
- Materialisty Drevnei Gretsii [Materialists of Ancient Greece] / Pod red. i vstup. st. M. A. Dynnika.** Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. (In Russ.)
- Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики.**
- Fragmenty rannich grecheskich filosofov. Ch.1. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vzniknoveniya atomistiki [Fragments of early Greek philosophers. Part. 1. From epic tocosmology before the emergence of atomic theory].** Moscow, Nauka, 1989. (In Russ.)
- Miller J. G.** Democritus and the Critical Tradition. Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor

of Philosophy in the Department of Classical Studies in the Graduate School of Duke University, 2013.

Robinson T. M. «Heraclitus and Logos – Again» // ΣΧΟΛΗ: Философское антиковедение и классическая традиция. 2013. Т. 7, вып. 2. С. 318–327.

Материал поступил в редколлегию

Received

12.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Матушкина Марина Олеговна, аспирантка Вятского государственного университета (ул. Московская, 36, Киров, 610000, Россия)

Marina O. Matushkina, Postgraduate of the Vyatka State University (36 Moscow Str., Kirov, 610000, Russian Federation)

ma-ros-ol@mail.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-165-175

Мелисс и его единое

Е. А. Игнатенко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Установлено, что Мелисс связывал с понятием «единого» всеобъемлющее «всеединое», объединяющее в себе, как в «целом», бесконечное множество частиц, которые по своему подобию должны быть, как «одно единое целое». И это подобие означает подобие в однородном существовании. Однородность – всеобъемлющая целокупность «единого» и «множества», «единого» и «частей». Дополнительно установлено, что Мелисс считал существующими материальные первоначала и первоэлементы, которые неизменны, подобны «единому целому» на уровнях, недоступных человеческим органам чувственного восприятия (зрению, слуху и т. д.). Выявлено, что Мелисс отрицал возможность познания истинной сути вещей и тел с помощью данных органов чувств. Мир в ракурсе бесконечного и безграничного «единого целого» познаваем, по Мелиссу, только разумом.

Ключевые слова

вечность, единое, целое, однородность, целокупность, подобие, существование, множество, изменение, безграничное пространство, микромир, макромир

Для цитирования

Игнатенко Е. А. Мелисс и его единое // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 165–175. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-165-175

Melissus and the One

Е. А. Ignatenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

It is established that Melissus associated with the concept of “the one” all-encompassing “all-one”, uniting in itself, as in “whole”, an infinite number of particles, which in their likeness should be, as “one single whole”. And this similarity means similarity in

© Е. А. Игнатенко, 2019

homogeneous existence. Homogeneity – embracing the entirety of “single” and “multiple”, “single” and “parts”. Additionally it is established that Melissus considered existing material principles and material elements, which remain unchanged, like “whole” at levels beyond human sensory perception (sight, hearing, etc.). It was revealed that Melissus denied the possibility of knowing the true essence of things and bodies with the help of these senses. The world from the perspective of the infinite, eternal “one” is knowable, according to Melissus, only by reason.

Keywords

eternity, the one, whole, homogeneity, totality, similarity, existence, variety, change, unlimited space, microcosm, macrocosm

For citation

Ignatenko E. A. Melissus and the One. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 165–175. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-165-175

Выдвигая в качестве предположения тезис о том, что в учении Мелисса наличествует связь и с атомистической теорией Левкиппа и Демокрита, и с учением Анаксимандра, мы утверждаем, что Мелисс допускал наличие бесконечного числа «сущностей», составляющих в совокупности «единое целое».

Для обоснования этой гипотезы сошлемся на слова Аристотеля. Известно его негативное отношение к размышлениям Мелисса: «...этих философов... именно Ксенофана и Мелисса... как мыслящих более грубо» [Аристотель, 2015. С. 24]. Следовательно, можно предположить, что Аристотель попытался объективно изложить мысль великого флотоводца. Рассматривая утверждения Мелисса и Парменида, касающиеся соотношения единого и многого, Аристотель пишет, что у представителей школы элеатов «...если единое непрерывно, оно будет многим, так как непрерывное делимо до бесконечности...» [Аристотель, 1981. С. 64]. Псевдо-Аристотель, рассматривая простое «одно» у Мелисса, утверждает, что это «одно» «...имеет части, не тождественные самому себе – но все подобные самому себе» (Псевдо-Аристотель. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, гл. 1, 1. А 976А12) [Фрагменты..., 1989. С. 320]. Но это же – утверждение о наличии в учении Мелисса неких однородных частиц, подобных всецелому единому самому по себе. Сущность этого подобия будет раскрыта позже. Таким образом, согласно этим свидетельствам, Мелиссом фактически признается и единое, и множество, которое объединяется целостностью единого. Все частицы того же рода, что и единое це-

лое, так как и частицы, и единое целое материальны и существуют на уровне микромира. Именно существуют. «... Ибо мыслить – то же, что быть...» (фр. 3 поэмы Парменида «О природе») [Там же. С. 295]. Также и по мнению Д. Барнса, «...Мелисс... мог допустить умо-зрительную делимость О¹, на основании того, что такая делимость не нарушает ни единственности, ни однородности...» [Barnes, 2005. P. 180].

Однородность и целокупность – ключевые категории для понимания и объяснения такого единого. Бесконечное множество «сущих» в своей совокупности и есть единое целое, в его бытийной определенности и структурированной предметности. У Псевдо-Аристотеля мы находим изложение понимания «единого» у Мелисса не как неструктурированного «одного», а как всеобъемлющего «всеединого», вечной Вселенной: «Ведь он сам (Мелисс. – *Е. И.*) ассоциирует с (атрибутом) «бесконечное» понятие и предикат «все» (=универсум всех вещей) (Псевдо-Аристотель. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, гл. 1, 1. А 975a31) [Фрагменты..., 1989. С. 318]. Представляется, что в учении Мелисса однородность и целокупность выступают в качестве неотъемлемого и существенного признака единого. И эта однородность, означающая, как мы убедились только что, подобочастность, т. е. подобие частиц универсуму в целом и самим себе, – характерная черта и суть завершенного, но, одновременно, безграничного единого.

Единое – одно, поскольку состоит из подобных ему и самим себе частиц, и частицы объединены в единое целое. Анализируя стиль изложения фрагментов дошедшего до нас сочинения Мелисса «О природе, или О сущем», хочется сразу же предупредить читателя о возможности скептического отношения к прочтению имеющихся фрагментов по следующим причинам: 1) количество сохранившихся до нашего времени фрагментов ничтожно мало; 2) некоторые доксографы, например Симпликий, использовали сослагательное наклонение, чтобы передать смысл многих постулатов об едином великого самосса. Так, согласно Симпликию, Мелисс не утверждает, что не может быть множества частиц, а только предполагает, какими они (частицы) должны быть: «...Таким образом, если бы было много [сущих], то они должны были бы быть точно такими, как одно» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, [ср. A14]) [Там же. С. 330]. Следовательно, и множество, и одно подобны друг другу. Кроме того, «...каждое должно быть точно таким, как оно есть...» (Симпликий.

¹ Здесь буква «О» у Д. Барнса означает «объект».

Комментарий к «О небе», 558, [ср. A14]) [Фрагменты..., 1989. С. 329]. Важное для нас слово в данном фрагменте «есть» или «быть», т. е. существовать. Сопоставим это свидетельство Симпликия о позиции Мелисса с его же свидетельством о позиции Парменида Элейского: «...сущее одно-единственное...если оно делимо...и если повторять это [дихотомическое деление] постоянно, то либо останутся некие предельные величины, наименьшие и неделимые...а числом бесконечные, так что универсум окажется состоящим из наименьших, числом бесконечных [величин], либо [сущее] бесследно исчезнет, и разложится в ничто, и окажется состоящим из ничего, однако и то, и другое абсурдно. Следовательно, [сущее] не делится, но пребывает одно. К тому же, если оно делимо, то, коль скоро оно везде однородно [букв. “подобно”], оно будет одинаково делимо везде...» (Симпликий. Комментарий к «Физике», 139, 24, A20b (2)) [Там же. С. 303]. Таким образом, согласно утверждению Симпликия, Парменид рассматривает возможность деления сущего, равномерного деления на однородные и подобные универсуму частицы. Причем, по мнению Парменида, это абсурдно, по причине возникновения бесконечного ряда величин, если доверять содержанию изложенного выше фрагмента. Как видим, в отличие от Парменида, Мелисс допускал делимость единого только до определенного предела. Соответственно, Мелисс не согласен с Зеноном, утверждавшим, что не существует множества, так как не существует единиц, из которых состоит множество. Д. Барнс проводит подробный анализ позиции Зенона и утверждает, что для него «...Существуют бесчисленные множества Z^*a . Но число элементов любого множества Z^* конечно: для любого множества Z^*S имеется натуральное число k , такое, что существует именно k членов $S...$ » [Barnes, 2005. P. 198]. Таким образом, Z^*S имеет конечный набор членов, а вот Z^*a состоит из набора бесчисленных множеств Z^*S , Z^*D , Z^*F и т. д., до бесконечности. С одной стороны, существует какое-то определенное множество, состоящее из конечного набора членов, с другой – бесконечное неопределенное нечто, состоящее из бесчисленного количества этих же самых множеств. Вот про эти множества, согласно Симпликию, и говорит Зенон: «...Если есть много [сущих], то сущие бесконечны [по числу], так как между сущими всегда есть другие [сущие], а между этих последних – опять другие [сущие]. Следовательно, сущие бесконечны...» (Симпликий. Комментарий к «Физике», 139,3) [Фрагменты..., 1989. С. 314]. Рассуждения Зенона, возможно, сподвигли Мелисса на то, чтобы вывести следующий постулат: «...каждое из них должно быть точно таким, каким...[должно

быть сущее]...» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, 19 В8(2)) [Там же. С. 329]. И одно, и многое должны быть сущими, т. е. существовать. Такой вот концептуальный поворот и переворот в понимании соотношения единого и многого.

Почему же единое целое Мелисса бесконечно и безгранично? Это самый трудный вопрос в данном исследовании. Его решение состоит в следующем. В связи с тем, что обычные материальные предметы изменяются и даже исчезают, так как и железо стирается, по мнению Мелисса, то для существования самого единого целого необходим бесконечный запас «сущностей». Уровень микромира неподвластен чувственному восприятию или обычному человеческому созерцанию. Необходимо «зреть в корень» или понять истинную суть единого целого, с помощью разума. Так, согласно Симпликию, Мелисс уверен, что «...мы и не видим и не знаем того, что есть...» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, 19 [ср. А14]) [Там же. С. 330]. Мы видим этот мир конечным. А на самом деле мир вечен, ибо ему, кроме как из себя, не из чего возникнуть. Единое – не рождалось и не возникало, ибо «...если оно возникло [~стало быть], необходимо, чтобы до того, как возникнуть, оно было ничем. Если же не было ничего, никогда бы не возникло ничего из ничего» (Симпликий, комментарий к «Физике», 162, 24 В01 (1)) [Там же. С. 327].

Несмотря на то, что Мелиссом утверждалось, что единое, как целое, не изменялось, не изменяется и не будет изменяться, все же, исходя из внутренней структурированности единого целого, фактически им признавалось, что «...железо... стирается от соприкосновения с пальцем, равно как и золото, и камень, и все, что нам кажется прочным, а из воды возникают земля и камни...» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, 19) [ср. А14]) [Там же. С. 330]. О том, какого рода изменения происходят внутри единого целого, будет показано дальше. Данное воззрение Мелисса, по нашему мнению, целиком основывается на утверждениях Парменида и Зенона о невозможности изменения единого целого, но только переработанное и постулированное Мелиссом, в том числе, и в смысле невозможности для единого ни болеть, ни горевать, ни страдать, т. е. быть бесстрастным, здоровым и вечно юным. И в этом месте у некоторых исследователей учения Мелисса (к примеру, у Ф. Солмсена) возник вопрос по поводу толкования фрагмента В7 (2). Мог ли Мелисс, когда формулировал свое итоговое заключение в В7, что единое не изменяется, иметь в виду, что это так потому именно, что оно самодостаточное и становящееся одновременно? Перевод Дильсом данного фрагмента

ознает, что единое не движется, если оно заполнено или наполнено. А предполагаемый нами смысл состоит в том, что единое не движется и не изменяется как целокупное сущее, потому, что оно самодостаточное, и живое, и вечное, и обновляющее все вещи и тела мира, и самообновляющееся. И об этом говорит фрагмент 7: «...целокупное сущее не может двигаться ни в сущее (так как, кроме него, ничего другого нет), ни в не-сущее, так как не-сущего нет...» (Симпликий. Комментарий к «Физике», 103, 30) [Фрагменты..., 1989. С. 329]. Последующие толкователи учения Мелисса посчитали, что Мелисс исключил из существования какое бы то ни было изменение. И на это обращает внимание Ф. Солмсен: «...Некоторые ученые и издатели... включая Дильса и Кранца не избежали магии этих слов, которыми Симпликий предваряет фрагмент В7; их представление фрагмента В7 признает «κίνησις» (движение) в качестве общего знаменателя для всех изменений, отвергнутых во фрагменте...» [Solmsen, 1969. P. 10]. Более того, далее Ф. Солмсен делает удивительный вывод о замене ключевого понятия «πλέων» (заполненность) понятием «κενέων» (пустота). Вот эти слова: «...Ибо во фрагментах 7.7-10 “пустота”, “разреженность” и “плотность” исследуются, “движение”, с их помощью, исключается из существования... и, в конце, выбор между “полное” и “пустота” осуществляется в пользу упомянутого выше первого» [Ibid.]. Вот этот знаменитый итог рассуждений Мелисса: «Стало быть, раз пустоты нет, оно по необходимости должно быть полным. А раз оно полное, то не движется» (Симпликий. Комментарий к «Физике», 103, 30, фрагмент В 7.10) [Фрагменты..., 1989. С. 329]. Отвергнутое Мелиссом движение единого целого из-за отсутствия цели движения и наличия заполненности самого единого отнюдь не отменяет изменений, перемещений, происходящих внутри безграничного единого целого. Внешнего мира по отношению к единому не существует, согласно Мелиссу, но те явления, которые происходят в едином, позволяют нам сделать вывод следующего характера: в едином есть движение, но движение двоякого свойства. Во-первых, движение «...посредством смены места...» (Псевдо-Аристотель. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, гл. 1, 1. А 976b1) [Там же. С. 321]. Во-вторых, процесс так называемого «инаковения» (ἀλλοίωσις) «...при котором [вещь], например, становится из белой черной или из горькой сладкой...» (Псевдо-Аристотель. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, гл. 1, 1. А 976b1) [Там же]. Движение посредством смены места удивительным образом напоминает движения вследствие сгущения и разрежения, как у Анаксимена, либо путем смешения и разделения, как у Эмпедокла, а также смены

дня и ночи, времен года, происходящие циклическим повторяющимся образом. Р. Мак-Кирахан справедливо подчеркивает, что Мелисс «...анализирует противоположные плотность и разреженность в терминах полноты и пустоты...» [McKirahan, 2010. Р. 129]. Добавлением к этому аргументу служат слова Д. Сэдли, который, рассуждая о том, что Мелисс исключил пустоту из пространства мира, добавляет, что этим своим выбором Мелисс «...тем самым допускает движение при помощи сжатия и перераспределения...» [Sedly, 2006. Р. 129]. Псевдо-Аристотель, предполагая в учении Мелисса признание движения и множественности вещей, показывает, что Мелисс полагал это только для получения смеси, состоящей из множества вещей в следующих сочетаниях: «...либо как со-положение в одном множества, либо путем наложения элементов смеси в виде слоев один поверх другого...» (Псевдо-Аристотель. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, гл. 1, 1. А 976b1) [Фрагменты..., 1989. С. 317]. Правда, Псевдо-Аристотель тут же добавляет, что ни того, ни другого не происходит. Но нами данная интерпретация Псевдо-Аристотелем позиции Мелисса ставится под сомнение, исходя из его же утверждения, что для этого последнего «...все мнения неправильны...» (Псевдо-Аристотель. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, гл. 1, 1. А 976b1) [Там же].

Итак, мы выявили признание Мелиссом и единства бытия, если имеется в виду его целостность, и множественности его структурных элементов. Данное упорядочивание множества в одном обуславливает структуру единого как, в целом, невозникшего, неисчезающего и стабильного космоса.

По нашему мнению, те «сущности», которыми наполнено единое целое, удивительно похожи на «гомеомерии» Анаксагора. Симпликием обозначены эти «сущности» словом «σημεῖα», производного от слова «σημεῖον», одно из значений которого «знак, значек...» [Греческо-русский словарь, 1899. С. 1128]. Но это не просто знаки, это элементы единого целого сущего. В них – ядро, соль и суть единого целого. Поэтому данные «сущности» вечны, как и само единое целое. И данные «сущности» являются нам в виде соединения подобного с подобным, то в виде железа, то золота, то камней, т. е. в качестве элементов неживой или живой природы. В целом отмеченные «σημεῖα», или «сущности», не позволяют единому либо возрастать, либо уменьшаться, при наличии уже имеющихся элементов этого самого единого целого, иначе «...то (количество), на которое оно возросло по числу и величине, возникло бы из ничего, ибо в меньшем числе не содержится большего...» (Псевдо-Аристотель. О Мелиссе, Ксенофане

и Горгии, гл.1, 1. A974a7) [Фрагменты..., 1989. С. 316]. А «ничто», как известно, не существует. Указанные «сущности» бесконечны, как и само единое, но каковы они по форме? У Демокрита мы позже увидим бесконечные по числу форм атомы. О форме, содержании «сущностей» и самой сути происходящих изменений в учении Мелисса невозможно сказать что-то определенное, кроме того, что они, безусловно, подобны единому целому в том, что они есть, а также однородны и материальны. Следовательно, можно утверждать, что Мелисс исключал только изменение единого целого. Отрицание изменения для единого необходимо Мелиссу, чтобы обосновать невозможность для этого самого единого уничтожения: «...если оно будет изменяться [становиться иным] [хотя бы] на один волосок за десять тысяч лет, то уничтожится всецело за всю совокупность времени...» (Симпликий. Комментарий к «Физике», 111, 18) [Там же. С. 328]. Д. Барнс обоснованно отмечает, что у Мелисса «...Каждое $\alpha\iota$ ² постоянно меняется...» [Barnes, 2005. P. 234]. Правда, сразу же добавляет: «...Слово “постоянно” отсутствует в тексте Мелисса; но, я полагаю, оно подразумевается в последней фразе параграфа [4]...» [Ibid.].

Гален выделяет нечто общее, лежащее в основе всех вещей у Мелисса, который «...хотел сказать, что имеется некая общая субстанция... не возникшая и не уничтожимая, которую последующие (философы) назвали “материей”... эту самую субстанцию он и называет “одно-и-все” (Гален. Комментар. к этому месту, CMG V, 9, 1; 17, 16) [Фрагменты..., 1989. С. 322]. Учения об «апейроне» Анаксимандра и «едином» Мелисса сообщают нам о материи многое, и эти сообщения касаются и понимания материи, как безграничного и бесконечного единого, да и самого содержания находящихся в мире вещей и тел. Так что, в очередной раз будем полагаться в этом вопросе на слова Аристотеля, учитывая определенное отношение данного автора к фигуре Мелисса: «...Парменид исследовал формальное...одно, а Мелисс – материальное, поэтому первый полагает его конечным, второй – бесконечным...» (Аристотель. «Метафизика». А 5. 986 b 18 [ср. 28 a 24]) [Там же]. Снова речь идет о некоем «одном», которое обладает свойствами всецелого, всеединого, всеобъемлющего и материального, одновременно. И «...коль скоро оно вечно, то бесконечно (“апейрон”)... ведь оно всецело (“пан”) (Псевдо-Аристотель. О Мелиссе, Ксенофане и Горгии, гл. 1, 1. A974a10) [Там же. С. 316], а также «...коль скоро все, что есть, безначально, то оно и бесконеч-

² Здесь буквосочетание « $\alpha\iota$ » у Д. Барнса означает «предмет».

но...» (Псевдо-Аристотель. О Мелиссе, Ксенофане и Горгии, гл. 1, 1. A974b22) [Там же. С. 317]. И такой довод поддерживал Джон Бэрнет: «...Мелисс действительно отличался от Парменида тем, что полагал действительность, как в пространственном, так и во временном отношении бесконечной...» [Burnet, 1908. P. 375]. Дж. Бэрнет находил в этом связь между взглядами Мелисса и постулатами ионической школы: «...Возможно, что он находился под влиянием того, что связывало его с Ионической школой...» [Ibid.]. Тем самым Мелисс совершил, по нашему мнению, онтологический поворот в теории элеатов, опираясь на рассуждения Парменида. Если Зенон, согласно Симпликию, «...испытывал затруднения [относительно “одного”], с одной стороны, потому, что каждая чувственная вещь называется многими [именами] как категориально, так и по разделению на части...» (Симпликий. Комментарий к «Физике», 97, 11=Евдем, фр. 37a Wehr) [Фрагменты..., 1989. С. 304], то Мелисс считал сущими следующие стихии и тела: «...земля, вода, воздух, огонь, и железо, и золото...» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, 19 B8(2)) [Там же. С. 329]. А главное, это все «...есть...» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, 19 B8(2)) [Там же] и, помимо этого, «...одно живое, а другое мертвое, и белое, и черное...истинно есть...» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, 19 B8(2)) [Там же]. Правда, все эти утверждения ставятся тут же, по свидетельству Симпликия, под сомнение самим Мелиссом: 1) об этом только «...люди говорят...» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, 19 B8(2)) [Там же]; 2) все это «...нам мнится...» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, 19 B8(3)) [Там же]; 3) основной вывод из всех рассуждений состоит в том, «...что мы видели неправильно...» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, 19 B8(5)) [Там же. С. 330]. Мелисс критически оценивает картину мира, основанную на показаниях органов чувств человека, в том числе и ее структурированность. Вместе с тем, как мы видели, Мелисс признает эту ее структурированность, постигаемую рациональным способом, включающим в себя совокупность рассуждений и умозаключений, которые должны привести в итоге к истине об едином целом «...так как сильнее истинного сущего нет ничего...» (Симпликий. Комментарий к «О небе», 558, 19 [ср. А 14]) [Там же].

Подведем итоги. Единое вне времени и пространства существует, согласно Мелиссу, как нечто целокупное и всеобъемлющее, но изнутри оно состоит из частей, подобных самому единому в том, что они материальны и однородны. Единое – целокупность или гармоничная диалектика единого и множества, единого и частей. Кро-

ме того, эти части изменяются и превращаются в соединения «сущностей», такие как железо, золото, камни и пр. Мелисс фактически возражает своему сотоварищу Зенону, не допускавшему становления и развития вещей и тел во времени. Мелиссом одно единое целое никак не противопоставляется изменению, развитию и преобразованию составляющих его частиц.

Список литературы / References

- Аристотель.** Метафизика. М.: Эксмо, 2015.
Aristotle. *Metafizika* [*Metaphysics*]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. (In Russ.)
- Аристотель.** Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3.
Aristotle. *Sochineniya*: V 4 t. [*Works*: In 4 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1981, vol. 3. (In Russ.)
- Греческо-русский словарь / Под ред. А. Д. Вейсмана. СПб., 1899.
Greek-Russian dictionary. A. D. Weisman (ed.). St. Petersburg, 1899. (In Russ.)
- Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики.
Fragments of the Early Greek Philosophers. A. V. Lebedev (ed.). Moscow, Nauka, 1989, part 1: Ot epicheskikh kosmogonii do vzniknoveniya atomistiki [From the epic cosmogonies to the emergence of atomism]. (In Russ.)
- Barnes J.** The Presocratic Philosophers. London and New York, Taylor & Francis e-Library, 2005.
- Burnet J.** Early Greek Philosophy. London, Adam and Charles Black, 1908.
- McKirahan R. D.** Philosophy before Socrates. Indianapolis. Cambridge, Hackett Publ. Company Inc, 2010.
- Sedly D.** The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2006.
- Solmsen F.** The “Eleatic One” in Melissus. Amstredram, London, North Holland Publ. Co, 1969.

Материал поступил в редколлегию

Received

27.11.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Игнатенко Евгений Анатольевич, аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Evgeniy A. Ignatenko, Postgraduate of the Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Ignatencko.ewgen@yandex.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-176-184

Об аутентичности мифа Протагора и его роли в диалоге Платона «Протагор»

Е. А. Баженова

*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
Владимир, Россия*

Аннотация

Обсуждается тезис, согласно которому миф Протагора из одноименного диалога Платона в основе своей принадлежит историческому Протагору. Хотя автор соглашается с аргументами сторонников данного тезиса, анализ мифа в контексте диалога как целостного произведения, включая драматургические особенности последнего, позволяет ей предположить, что миф призван не просто передать взгляды знаменитого софиста, но, скорее, внести вклад в создание сатирического изображения Протагора, посредством которого Платон высмеивает его философские и педагогические амбиции.

Ключевые слова

миф Протагора, Великое Слово Протагора, софисты, εἰσβολὴ, драматургия диалогов Платона

Для цитирования

Баженова Е. А. Об аутентичности мифа Протагора и его роли в диалоге Платона «Протагор» // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 176–184. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-176-184

On the Authenticity of Protagoras' Myth and its Role in Plato's *Protagoras*

E. A. Bazhenova

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs
Vladimir, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the thesis according to which Protagoras' myth in the dialogue of the same name by Plato originates in its core from the historical Protagoras. Al-

© Е. А. Баженова, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

though the author aligns with this thesis' supporters, the analysis of the myth in the context of the dialogue as a whole, including dramatic features of the latter, allows her to presume that the myth is intended not so much to convey the views of the famous sophist as to contribute to the creation of the satirical image of his through which Plato ridicules Protagoras' philosophical and pedagogical ambitions.

Keywords

Protagoras' myth, Protagoras' Great Speech, sophists, εὐβουλία, Plato's dramatic art

For citation

Bazhenova E. A. On the Authenticity of Protagoras' Myth and its Role in Plato's Protagoras. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 176–184. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-176-184

Вопрос о принадлежности самому Протагору мифа, вложенного в его уста в диалоге Платона «Протагор», является частью важной проблемы отношения Платона к его теоретическим предшественникам. В IV в. до н. э. не существовало представления об истории философии как строгой дисциплине, требующей точности при передаче идей более ранних мыслителей. Кроме того, сочинения Платона даже по форме не являются философскими трактатами, поэтому их герои зачастую выступают не просто как трансляторы идей своих исторических прототипов, но и как протагонисты драматических произведений – диалогов, – играющие определенную роль в реализации творческого замысла автора.

Литература об аутентичности Великого Слова (Great Speech) Протагора в целом и мифа о Прометее в частности достаточно обширна, и в ней можно выделить две крайние позиции ¹. Ряд ученых, в числе которых Джордж Керферд [Kerferd, 1953], Кристофер Тейлор, Ми-Кьонг Ли ², не ставят под сомнение подлинность мифа и следующего за ним логоса.

На противоположном полюсе – позиции Джозефа П. Макгвайра и Эрика А. Хейблока, которые считают Великое Слово (или, по меньшей мере, его первую часть – миф) целиком и полностью изобретением Платона [Havelock, 1957; Maguire, 1977]. В качестве главного

¹ Обзор более ранних мнений см. в: [Havelock, 1957. P. 407–408].

² См.: Taylor C. C. W., Lee Mi-Kyoung. The Sophists // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Winter 2016 Edition / Ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/sophists/>. (accessed 28.09.2018).

аргумента Хейвлок приводит различия в отношении к религии исторического Протагора³ и героя одноименного диалога, отводящего богам решающую роль в эволюции человечества [Havelock, 1957. P. 408–409]. Макгвайр признает правдоподобной принадлежность историческому Протагору лишь первоначального заявления персонажа диалога о том, что он учит юношей науке смышлености (*eûbouliá*) в домашних делах, умению «наилучшим образом управлять своим домом, а также в делах общественных: благодаря ей можно стать всех сильнее и в поступках, и в речах, касающихся государства» [Платон, 1990. С. 428]. Макгвайр рассматривает *eûbouliá* (смышленость, здравое суждение) как набор управленческих навыков, лишенных какого бы то ни было морального содержания и необходимых для того, чтобы стать успешным политиком или хозяином дома. Именно таким навыкам, способным обеспечить превосходство на политическом поприще и составляющим добродетель хорошего политика (или домохозяина), по мнению Макгвайра, скорее всего, обучал Протагор. На то, чтобы обучать моральным добродетелям, он, по всей видимости, не претендовал. Платона, как полагает Макгвайр, не интересует подобная менеджерская добродетель. Он хочет обсуждать именно моральную добродетель, связанную со знанием абсолютного стандарта, и для того, чтобы осуществить переход от «аморальной» добродетели Протагора к добродетели как знанию, Платон будто бы использует миф, в котором заставляет Протагора обсуждать «промежуточный» уровень добродетели, а именно, – конвенциональную мораль, обучением которой занимаются все и повсеместно: родители, школьные учителя, судьи и сам Протагор как наиболее искусный из учителей [Maguire, 1977. P. 122].

Следует согласиться с Берндом Манувальдом [Manuwald, 2013. P. 163–164] в том, что обе версии – и та, что принимает Великое Слово за высказывание исторического Протагора, и противоположная, согласно которой Слово – вымысел Платона, – одинаково неправдоподобны. Против первой свидетельствуют фактические противоречия: рассказывая миф, Протагор упоминает, что комедия Ферекрата «Дикари» была представлена на Ленеях «в прошлом году» (420 г. до н. э.), но в то же время сыновья Перикла, умершие в 429 г. до н. э., при-

³ Фрагмент Протагора В 4 DK (пер. А. О. Маковельского): «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо многое препятствует знать (это): и неясность (вопроса) и краткость человеческой жизни» [Маковельский, 1940. С. 16].

сутствуют при разговоре. Видно, что Платон не слишком заботился об абсолютной исторической точности, поэтому за ним следует признать значительную степень причастности к авторству. С другой стороны, если бы Платон заставил своего персонажа озвучивать мнения, принадлежность которых историческому Протагору неправдоподобна, современники, обладавшие доступом к сочинениям великого софиста, вряд ли отнеслись бы серьезно к Платону как автору. Манувальд считает наиболее правдоподобным прочтение, согласно которому миф в своей основе имеет источником скорее исторического Протагора, нежели Платона [Ibid. P. 176].

Однако такое прочтение порождает ряд вопросов. Во-первых, как примирить агностицизм исторического Протагора и центральную роль богов в мифе?

Во-вторых, поскольку речь в мифе идет лишь о конвенциональной морали, ученики Протагора, как замечает Натан [Nathan, 2017. P. 9], могут начать интересоваться, что общего у такой морали с εὐβουλία и как обучение основам социального общежития поможет им стать выдающимися политиками. Трудно представить, чтобы Протагор требовал, а ученики соглашались вносить немалую плату за обучение правилам цивилизованного сосуществования в обществе.

Наконец, в-третьих, зачем Платону понадобилось включать в диалог столь пространную речь Протагора, если ни миф, ни утверждение софиста о том, что добродетели можно научить, Сократом никак не опровергаются? Напротив, в конце диалога Сократ приходит к выводу (361a–b), что, поскольку добродетель есть знание, ей можно научиться. Неужели Платон соглашается с Протагором?

Попробуем ответить на эти вопросы.

При обсуждении роли религии в мифе надо обратить внимание на две особенности ее трактовки. Во-первых, религия, согласно мифу, возникает в результате дара Прометея, но не Зевса, т. е. оказывается связанной с техническими возможностями человека, полученными ранее, а не с его социальными навыками, приобретенными позднее. Некоторым исследователям это дало повод утверждать, что Платон считал религию более глубоко, нежели социальность, укорененной в природе человека [van Riel, 2012. P. 161–162]. Однако в мифе благочестие (τὸ ὅσιον εἶναι) не рассматривается как добродетель, аналогичная рассудительности / умеренности и справедливости (σωφροσύνη и δικαιοσύνη); она встает в один ряд с ними позже, при объяснении мифа (325a). Тогда, если религиозное поведение человека интер-

претируется в мифе по-другому, нежели в остальных частях диалога, причем интерпретация в мифе не противоречит агностицизму исторического Протагора, это можно рассматривать как аргумент в пользу принадлежности мифа самому Протагору [Manuwald, 2013. Р. 169]. Во-вторых, хотя титан Прометей и верховный бог Зевс играют решающую роль в наделении людей *téchne*, *aídōs* и *díkē*, все же, как замечает А. Феррарин, перспектива мифа в целом человеческая, а не теологическая. Противостояние Прометея и Зевса у Платона лишено того драматизма, которое присуще ему в изложении Гесиода или Эсхила. Обращение к богам инструментально: миф объясняет происхождение человеческого рода; жизнь богов не является его главным сюжетом (что неудивительно для Протагора, говорившего, вспомним, что он ничего не знает о богах). Боги в мифе Протагора вовсе не являются несправедливыми, мстительными, завистливыми либо коварными, их не отличает ни озорство, ни даже возвышенность в страданиях. Впечатление, скорее, такое, что им свойственны небрежность, рассеянность и склонность упускать дела из-под контроля. Они являются собой антропоморфную проекцию всех человеческих слабостей, но Протагор, видимо, не воспринимает их серьезно [Ferrarin, 2000. Р. 300].

В отношении того, обучал ли Протагор политическому искусству или конвенциональной морали, думается, что он вряд ли проводил столь резкое различие между *eûbouliá* и требованиями морали, как это делают Макгвайр и Натан. Более обоснованной кажется позиция Моррисона [Morrison, 1941. Р. 14], который, анализируя текст трагедии Софокла «Антигона», показывает, что *eûbouliá* как качество правителя включала в себя в первую очередь здравое суждение по вопросам морали, веления которой содержались в неписаных декретах Зевса и богини Дике. Действительно, как отмечает Адольфо Леви [Levi, 1940. Р. 284], подготовка государственного деятеля в любом случае включала серьезную этическую и социальную составляющую, даже если последняя была всего лишь необходима эгоистичному политику, чтобы убедить сограждан в том, что он преследует не собственные интересы, но благо города в целом.

Что же касается границы между конвенциональной моралью и добродетелью как знанием, то и такая граница, по всей видимости, не представлялась Протагору четкой и непроницаемой. Во всяком случае, и диалог «Теэтет» (167b–c), и диалог «Протагор» (328b), да и сам род занятий софиста свидетельствуют о том, что Протагор

претендовал на статус эксперта в вопросах морали и общественного блага. Такой статус, в свою очередь, подразумевает, что его обладатель лучше разбирается в сфере, на которую распространяется его экспертиза, т. е. обладает более точным и полным, в сравнении с большинством людей, знанием. Равным образом, данное знание выступает в качестве критерия оценки тех или иных моральных суждений (мнений) как дурных или хороших и, следовательно, является знанием о некотором моральном стандарте.

Исходя из сказанного можно предположить, что именно притязание Протагора на столь широкую область экспертизы явилось тем раздражителем, который побудил Платона с ним полемизировать. Платон, как и оппонент Протагора в диалоге Сократ, спорит вовсе не с тем, что добродетели можно обучить; с этим он согласен. Однако он полагает, что Протагор – негодный учитель: он не учит своих слушателей размышлять, а лишь вкладывает в них готовую «мудрость», превращая в неkritичных потребителей своих идей вместо того, чтобы научить их врачевать собственные души (313d–e) [Griswold, 1999. P. 296].

Миф и следующий за ним логос крайне противоречивы⁴. Например, хотя цель мифа – показать, что моральные добродетели – основа гражданского общежития и неотъемлемый элемент общественной природы человека, на поверку оказывается, что Протагор считает благоразумие более соответствующим человеческой природе, нежели справедливость и иные гражданские добродетели [McCoу, 1998]. Он недвусмысленно заявляет о важности для благоразумного человека «прикидываться справедливым», даже если на самом деле тот таковым не является (323a–c)⁵. Вероятнее всего, Платон в диалоге стремится показать эту противоречивость, присутствующую во взглядах Протагора, и тем самым вывести его как непоследовательного мыслителя и педагога «на чистую воду».

Драматург Платон не случайно избирает местом действия для своего диалога дом Каллия, одного из самых знаменитых учеников и покровителей софистов. Каллий был известен в Афинах тем, что про-

⁴ Подробный анализ несоответствий в мифе представлен у Б. Манувальда [Manuwald, 2013. P. 172–174].

⁵ Подобная двойная мораль характерна для софистов. Так, Антифон сходным образом говорит, что «человек будет извлекать для себя больше пользы из применения справедливости, если он в присутствии свидетелей станет соблюдать законы, высоко их чтя; оставаясь же наедине без свидетелей, (будет следовать) законам природы» [Маковельский, 1941. С. 43–44].

мотал состояние своего отца Гиппоника и проводил жизнь в пирах и любовных интригах. Толпа, собиравшаяся у Каллия, чтобы послушать софистов, включает лиц, пользующихся в городе дурной славой. Среди них Критий, будущий кровавый глава Тридцати тиранов, Алкивиад, предавший Афины спартанцам во время Пелопонесской войны, Андрон, заключенный в тюрьму за долги перед государством, Адимант, подкупивший спартанского военачальника Лисандра и дававший ему советы в битве против афинян, Федр, обвиненный в профанации Элевсинских мистерий ⁶, и Эриксимах, которому инкриминировали осквернение герм. По мнению Дэвида Вольфсдорфа, если диалог и не выставляет Протагора непосредственным наставником всех этих людей в совершенных ими преступлениях, то даже само их присутствие в доме Каллия в качестве слушателей подрывает претензии Протагора на то, что он в состоянии научить кого-либо управлять своим домом и тем более полисом [Wolfsdorf, 1998].

В качестве итога отметим, что хотя, по всей видимости, миф в основных своих чертах действительно принадлежит историческому Протагору, однако как часть Великого Слова и в контексте диалога в целом он призван внести вклад в создание скорее сатирического изображения знаменитого софиста и высмеять его философские и педагогические амбиции.

Список литературы / References

Маковельский А. О. Софисты. Баку: Азербайджанский гос. ун-т им. С. М. Кирова, 1940. Вып. 1. 48 с.

Makovelskii A. O. Sofisty [The Sophists]. Baku, 1940, Issue 1. (In Russ.)

Маковельский А. О. Софисты. Баку, 1941. Вып. 2. 100 с.

Makovelskii A. O. Sofisty [The Sophists]. Baku, 1941, Issue 2. (In Russ.)

⁶ О крупных религиозных процессах V в. до н. э. подробнее см.: *Draganić I.* Religious Scandals as Part of Political Struggles of Late 5th Century Athens: The Case of Hermokopidai and Profanation of the Eleusinian Mysteries / The paper announced at the Thirteenth International Conference of FIEC (International Federation of the Sciences of Classical Studies), held in Berlin, Germany 24–29th August 2009, at the 16th panel “Religion in Society” // Academia.edu. URL: <https://independent.academia.edu/IfigenijaRadulović>. (accessed 07.10.2018).

- Платон.** Протагор // Собр. соч.: В 4 т. / Пер. с древнегреч. Вл. С. Соловьева; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 418–476.
- Plato.** Protagor [Protagoras]. Trans. from Ancient Greek by Vl. S. Solov'ev. *Sobranie sochinenii: V 4 t. [Collected works: In 4 vols]*. A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Taho-Godi (eds.). Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, p. 418–476. (In Russ.)
- Ferrarin A.** Homo Faber, Homo Sapiens, or Homo Politicus? Protagoras and the Myth of Prometheus. *The Review of Metaphysics*, 2000, vol. 54, no. 2, p. 289–319.
- Griswold C. L.** Relying on Your Own Voice: An Unsettled Rivalry of Moral Ideals in Plato's "Protagoras". *The Review of Metaphysics*, 1999, vol. 53, no. 4, p. 283–307.
- Havelock E. A.** The Liberal Temper in Greek Politics. New Haven, Yale Uni. Press, 1957. 444 p.
- Kerferd G. B.** Protagoras' Doctrine of Justice and Virtue in the "Protagoras" of Plato. *The Journal of Hellenic Studies*, 1953, vol. 73, p. 42–45.
- Levi A.** The Ethical and Social Thought of Protagoras. *Mind*, 1940, vol. 49, no. 195, p. 284–302.
- Maguire J. p.** Protagoras... or Plato? II. The "Protagoras". *Phronesis*, 1977, vol. 22, no. 2, p. 103–122.
- Manuwald B.** Protagoras' Myth in Plato's "Protagoras": Fiction or Testimony? In: Protagoras of Abdera: The Man, His Measure. J. M. van Ophuijsen, M. van Raalte, P. Stork (eds.). Ch. 8. Leiden, 2013, p. 163–177.
- McCoy M.** Protagoras on Human Nature, Wisdom, and the Good: The Great Speech and the Hedonism of Plato's "Protagoras". *Ancient Philosophy*, 1998, vol. 18, no. 1, p. 21–39.
- Morrison J. S.** The Place of Protagoras in Athenian Public Life (460–415 B. C.). *The Classical Quarterly*, 1941, vol. 35, no. 1–2, p. 1–16.
- Nathan A. R.** Protagoras' Great Speech. *The Classical Quarterly*, 2017, vol. 67, Issue 2, p. 380–399.
- Riel G. van.** Religion and Morality. Elements of Plato's Anthropology in the Myth of Prometheus ("Protagoras", 320D–322D). In: Plato and Myth. Studies on the Use and Status of Platonic Myths. C. Collobert, P. Destrée, F. J. Gonzalez (eds.). Ch. 8. Leiden, 2012, p. 145–164.
- Wolfsdorf D.** The Historical Reader of Plato's "Protagoras". *The Classical Quarterly, New Series*, 1998, vol. 48, no. 1, p. 126–133.

Материал поступил в редколлегию

Received

12.11.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Баженова Елена Альбертовна, кандидат юридических наук, доцент
Владимирского государственного университета им. Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ул. Студенче-
ская, 8, Владимир, 600005, Россия)

Elena A. Bazhenova, Candidate of Law Science, docent of the Vladi-
mir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs
(8 Studencheskaya Str., Vladimir, 600005, Russian Federation)

yelenabazhenova0304@gmail.com

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-185-203

История переводов Аристотеля на русский язык (2-я половина XVIII – 1-я половина XX века)

О. С. Егорова

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрены полный перечень переводов на русский язык работ из корпуса Аристотеля в указанный хронологический период и сведения о переводчиках. Осуществлен анализ отобранного материала. В результате проведенного исследования были выявлены основные периоды истории переводов на русский язык работ Аристотеля, причины, побудившие переводчиков обратиться к античному наследию, а также аудитория, для которой были предназначены переводы.

Ключевые слова

Аристотелев корпус, Аристотель, переводы Аристотеля, аристотелеведение, «Органон», «Метафизика», «Политика»

Для цитирования

Егорова О. С. История переводов Аристотеля на русский язык (2-я половина XVIII – 1-я половина XX века) // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 185–203. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-185-203

The History of Translations of Aristotle into Russian (2 Half of 18th – 1 Half of 20th Century)

O. S. Egorova

*Institute of Philosophy and Law SB RAS; Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article contains a complete list of different texts from the Corpus Aristotelicum translations into Russian during the selected chronological period. It also provides

© О. С. Егорова, 2019

some information about the translators of these texts. As a result of this research the main periods of the history of Russian translations of Aristotle's texts were defined, as well as the reasons that motivated translators to turn their attention to the ancient heritage, and the target audience of these translations.

Keywords

Corpus Aristotelicum, Aristotle, Aristotle translations, Aristotle studies, Organon, Metaphysics, Politics

For citation

Egorova O. S. The History of Translations of Aristotle into Russian (2 Half of 18th – 1 Half of 20th Century). *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 185–203. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-185-203

Для понимания рецепции наследия Аристотеля в русской культуре указанного периода необходимо разобраться с историей переводов его работ на русский язык, поскольку наличие переводов делает античное наследие доступным для более широкой читательской аудитории, не ограниченной немногими специалистами, владеющими древнегреческим и иными иностранными языками. Одной из задач данного исследования является составление полного перечня переводов работ из корпуса Аристотеля на русский язык в указанный хронологический период с уточнением объема переводов (см. таблицу). Ранее наиболее полный, но не исчерпывающий перечень переводов Аристотеля был составлен А. Н. Чанышевым [1987. С. 215–216]. Однако в его списке не всегда указаны объемы неполных переводов, что будет восполнено в данном исследовании. Также в настоящее время существует неофициальный список переводов работ Аристотеля на русский язык, составленный и периодически пополняемый Е. В. Орловым¹. Этот список был взят за основу, перепроверен, скорректирован и дополнен автором данной статьи. Кроме того, в ходе исследования были использованы научные статьи, посвященные истории переводов отдельных работ из Аристотелева корпуса [Егорочкин, 2017; Костригин, 2016]. Помимо указанного перечня были собраны биографические сведения о переводчиках, выявлены причины, по-

¹ Выражаем благодарность Евгению Викторовичу Орлову, при согласовании с которым была составлена окончательная версия «Перечня», за предоставленную информацию: Орлов Е. В. Перечень переводов Аристотеля на русский язык. URL: http://www.mgl.ru/sites/default/files/corpus_aristotelicum.pdf (дата обращения 02.12.2018).

будившие их обратиться к античному наследию, а также аудитория, для которой предназначались переводы.

В результате проведенного исследования в изучаемом промежутке истории переводов трудов Аристотеля на русский язык было выявлено 5 условных периодов, обладающих определенными характеристиками.

Первый и самый продолжительный, длившийся целый век (2-я половина XVIII – 1-я половина XIX в.) – это время появления первых фрагментов Аристотеля, переведенных Г. А. Полетикой и А. Г. Глаголевым. Полетика владел древнегреческим языком и продолжительное время занимал должность переводчика при Академии наук и в Синоде. Именно в этот период жизни им был осуществлен первый перевод на русский язык II книги «Политики» и 12-й–17-й глав II книги «Риторики» Аристотеля. Переведенный фрагмент «Политики» посвящен рассмотрению различных моделей государственного устройства, а главы «Риторики» – нравам людей различных возрастов и социального статуса. Выбор именно этих фрагментов довольно очевиден: II книга «Политики» самая интересная и глубокомысленная [Полетика, 1757, июнь. С. 484], а соответствующие главы «Риторики» социально востребованы во все времена. Особенно следует подчеркнуть, что оба перевода были опубликованы в первом Российском научно-популярном и литературном журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», издававшемся Академией наук и адресованном широкой читательской аудитории.

Следующим, кто спустя продолжительный период времени обратился к работам Аристотеля, был историк, член Общества любителей Российской словесности А. Г. Глаголев [Глаголев..., 1911. С. 79–80]. Он впервые в 1819 г. перевел на русский язык 25-ю главу «Поэтики», посвященную правилам критики произведений. Поводом для появления перевода послужил доклад на тему нравственных качеств критика, сделанный ранее одним из членов Общества. Таким образом, данный фрагмент работы Аристотеля стал иллюстрацией по дискутируемой теме [Глаголев, 1819. С. 160].

Второй период (1850-е–1880-е гг.) – это время появления первых крупных переводов Аристотеля на русский язык, начавшийся с деятельности Б. И. Ордынского и окончившийся переводами В. И. Захарова. Русскому читателю стали известны «Поэтика», «Категории», «Политика» и «О душе» Аристотеля. В этот период над переводом «Поэтики» работал филолог-классик Б. И. Ордынский. Свой не-

полный перевод он осуществил в рамках работы над диссертацией на тему «О поэзии Аристотеля».

Доктор философии М. И. Касторский, более известный в области славистики, первым предпринял попытку (однако неудачную) перевода на русский язык центрального философского текста Аристотеля – «Метафизики». Полагая, что античные мыслители, величайшим из которых он считал Стагирита, окажут благотворное влияние на развитие философии в России, если таковой суждено будет появиться, он в продолжение нескольких лет занимался комментированным переводом данного труда. Однако, ввиду сложности языка Аристотеля, неоконченная рукопись с переводом «Метафизики» так и осталась неопубликованной [Касторский, 1859. С. 14]. Во время этой работы Касторский неоднократно обращался за разъяснениями к другим трудам древнегреческого мыслителя, в частности к «Категориям», полный перевод которых и был им впоследствии опубликован.

Философ и педагог Н. Е. Скворцов впервые полностью перевел на русский язык «Политику» Аристотеля. Снабженный примечаниями и исследованиями некоторых разделов учения Аристотеля («О политике», «О праве и воспитании»), перевод обеспечил ему степень доктора философии.

Полный перевод трактата Аристотеля «О душе», за исключением небольшого фрагмента 12-й главы III книги, впервые был осуществлен русским философом и психологом В. А. Снегиревым. В своем творчестве Снегирев часто обращался к философским и методологическим проблемам психологии, что, по всей вероятности, и обусловило интерес к данному труду Аристотеля, в котором он видел не только памятник научного античного творчества, заслуживающий внимания интересующихся историей психологии, но и подтверждение некоторых собственных взглядов [Костригин, 2016. С. 296].

В этот же период В. И. Захаров осуществил первый полный перевод «Поэтики», который, по мнению критика, довольно точно передавал содержание текста. Однако, спустя непродолжительное время, единственное издание стало библиографической редкостью [В. Х. Л., 1885. С. 267].

Третий период (1890-е) по праву можно назвать «Золотым веком» аристотелеведения, поскольку за этот сравнительно короткий промежуток времени появилось количество переводов Аристотеля, практически равное по объему и разнообразию переводимых работ всем остальным периодам вместе взятым. Так, русский философ и переводчик Э. Л. Радлов впервые полностью перевел на русский язык

«Никомахову этику» и «Об истолковании» Аристотеля. Следует отметить, что перевод «Этики» был опубликован еще в 1887 г., однако автор данной статьи посчитал целесообразным отнести все творчество Радлова к указанному периоду. Также важно отметить, что Радлов – первый и один из немногих, кто обращался к этическим работам Аристотеля за исследуемый двухсотлетний период, и единственный, кто перевел труд «Об истолковании». Активно занимаясь переводческой деятельностью, он постоянно обращался именно к неизвестным ранее российской публике работам Аристотеля.

Необходимо упомянуть и первый том «Известий древних писателей о Скифии и Кавказе» филолога и историка В. В. Латышева, поскольку в нем содержатся краткие, однако впервые переведенные на русский язык фрагменты из «Метеорологики», «Истории животных», «О частях животных», «О возникновении животных», а также из псевдо-Аристотелевских работ «О мире» и «О чудесных слухах». Идея составления сборника извлечений из трудов различных авторов об истории северного Причерноморья неоднократно высказывалась членами Императорского Русского Археологического Общества, поскольку, по их мнению, историки, филологи и археологи, занимающиеся историей данного региона, часто сталкиваются с проблемой отсутствия нужных книг в библиотеках. И, таким образом, сборник должен был решить эту задачу. Впоследствии Общество даже назначило премию за создание сборника, и Латышев стал одним из первых, кто предпринял попытку его составления [1890. С. 3–5].

В этот же период философ и публицист В. В. Розанов совместно с переводчиком П. Д. Первовым начали комментированный перевод на русский язык «Метафизики», завершив его на первых пяти книгах. В предисловии к переводу они отмечают, что любая наука имеет две стороны: практическую («предметную»), которая накапливается и меняется с течением времени, имея лишь историческую значимость и теоретическую («понятийную», «объясняющую»), которая создает основополагающие и объясняющие действительность понятия, актуальность которых неизменна во все времена. Интерес именно к теоретической части учения Аристотеля, желание воссоздать исходное значение философских терминов и побудили переводчиков взяться за данный труд [Аристотель, 2006. С. 19–26].

Также в это время психологом и последователем русского философа М. И. Владиславлева Н. Н. Ланге был выполнен полный перевод «Первой аналитики». В область научных интересов Ланге входили

проблемы восприятия, внимания, памяти, мышления, поэтому его обращение к данному труду Аристотеля вполне закономерно.

Благодаря первой и единственной в изучаемый период женщины-переводчику Н. Н. Платоновой русскому читателю в полном объеме стала известна «Риторика» Аристотеля. Увлечение Платоновой античной философией на занятиях Высших женских курсов, а также последующая защита выпускной работы на тему «Этические взгляды Аристотеля в его Этике и Риторике» и обусловили появление данного перевода [Ростовцев, 2013. С. 45, 50].

В это же время филолог и педагог В. Г. Апфельрот впервые полностью перевел на русский язык «Поэтику» Аристотеля, обращение к которой также было вызвано его научными интересами.

Однако особым успехом у переводчиков пользовался анонимный трактат «Афинская полития», обнаружение и первая публикация которого в январе 1891 г. стали мировой сенсацией, повлекшей за собой споры научного сообщества, в первую очередь по поводу авторства, чаще приписываемого Аристотелю. Судя по количеству научных работ, русские исследователи того времени принимали активное участие в дискуссиях [Егорочкин, 2017. С. 285–289]. Так, менее чем через полгода преподаватель древнегреческого языка Н. Я. Шубин полностью перевел текст «Афинской политики» на русский язык, а спустя пару лет переводчик и преподаватель А. М. Ловягин осуществил повторный перевод.

Четвертый период (1900-е–1910-е гг.) – в противоположность предыдущему является «провальным», поскольку за это время появился лишь единственный перевод Аристотеля. Причин этому могло быть несколько: с одной стороны – это политическая нестабильность в государстве, с другой – выход аристотелеведения на новый уровень «насыщения» переводами и «усвоения» ранее полученного материала, в ущерб его дальнейшему накоплению. Однако для подтверждения либо опровержения данной оценки ситуации необходимо провести отдельное исследование научной литературы, посвященной работам Аристотеля, что выходит за рамки данной статьи. Как было отмечено, лишь филолог и археолог С. А. Жебелев обратился к наследию Аристотеля, вновь осуществив полный перевод «Политики». Научная деятельность Жебелева главным образом была направлена на изучение политической истории Древней Греции, что объясняет его интерес к данному трактату.

Пятый период (1920-е–1940-е гг.) – это время деятельности исследователей, начавших свою научную карьеру еще в досоветский пери-

од, ознаменованное появлением первых полных переводов на русский язык фундаментальных трудов Аристотеля в области первой философии и биологии. Так, русский философ и переводчик А. М. Воден в педагогических целях в рамках учебного пособия впервые сделал перевод XII книги «Метафизики», посвященной понятию перводвижателя.

Другой философ и переводчик А. Ф. Лосев для своего исследования «Критика платонизма у Аристотеля» перевел XIII–XIV книги «Метафизики», соответствующие теме исследования.

Однако первый полный перевод «Метафизики» был сделан историком философии и переводчиком А. В. Кубицким. В область его научных интересов входила античная философия, и в данном трактате Аристотеля Кубицкий видел выдающееся произведение мировой философской литературы, до сих пор оказывающее воздействие на некоторые области науки и философии [Кубицкий, 1937. С. 3]. Также им был осуществлен повторный перевод «Категорий».

Филолог и палеограф Н. И. Новосадский вновь полностью перевел «Поэтику», что, вероятнее всего, также было связано с областью его научных интересов.

Литературовед и историк философии П. С. Попов сделал полный перевод трактата «О душе», а позже защитил кандидатскую диссертацию по аристотелевской тематике. Интерес именно к этому труду был вызван, с одной стороны, изучением проблем бессознательного, а с другой – религиозными взглядами автора.

Филолог и переводчик С. И. Радциг, занимавшийся античной литературой, палеографией и текстологией, повторно перевел на русский язык «Афинскую политику».

Также в этот период философ и переводчик Б. А. Фохт подготовил к изданию переводы «Первой» и «Второй аналитик», которые, будучи подвергнуты значительной переработке, были изданы уже после его смерти в 1952 г.

В этот период также начали появляться переводы биологических трактатов Аристотеля. Так, несколько небольших фрагментов из книг «История животных» и «О частях животных», переведенных филологом, крупнейшим специалистом по античной литературе И. М. Троцким, были опубликованы в научном сборнике, посвященном высказываниям античных авторов относительно вопросов языкознания. Однако появление полных переводов биологических трудов Аристотеля на русский язык связано с именем гистолога, эмбриолога и цитолога В. П. Карпова. Им впервые были переведены: «Физи-

ка», «О частях животных», «О происхождении животных» и «История животных», издание которой задержалось до 1996 г. в связи со Второй мировой войной и смертью переводчика.

Из приведенных сведений можно сделать следующие выводы относительно того, кто в исследуемый период занимался переводами Аристотеля на русский язык. По преимуществу это были гуманитарии (философы, филологи, историки), реже – психологи, и как исключение – биологи. Первый раздел из корпуса Аристотеля «Логика», третий «Метафизика» и четвертый «Этика и политика» по большей части были переведены профессиональными философами и переводчиками. Большинство работ из второго раздела «О природе» стало известно благодаря биологу В. П. Карпову. Пятый раздел «Риторика и поэтика» чаще переводился филологами. Также следует отметить, что многие из этих исследователей были профессиональными переводчиками, занимались научно-преподавательской деятельностью и имели обширные научные познания и интересы.

Различными были и причины, побуждавшие авторов заниматься переводом конкретных трудов Аристотеля на русский язык. Так, в большинстве случаев переводы делались узкими специалистами различных отраслей знания, в сферу научных интересов которых попадали те или иные работы Аристотеля. Таким образом, они чаще брались за переводы в собственных научных интересах: в рамках изучения интересующих тем, для написания диссертаций и иных исследовательских работ; или же для подтверждения собственных научных идей и взглядов. Реже к переводам фрагментов из трудов Аристотеля исследователей побуждал не личный интерес к его наследию, а внешние причины, в первую очередь такие, как необходимость составления учебных пособий и научных сборников, и, как исключение – участие в научных дискуссиях. Были и уникальные причины, как в случае с «Афинской политией», когда интерес к произведению был вызван сенсационностью его открытия.

Различные причины, побуждавшие авторов обращаться к наследию Аристотеля, и преследуемые ими цели во многом определяли аудиторию, для которой предназначались переводы. Также охват аудитории определял тип издания перевода и место его публикации. Анализ данной информации показывает, что около четверти переводов выходило в университетских типографиях, и предназначались они в первую очередь сотрудникам и студентам этих учебных заведений. Таким образом, эта часть переводов практически не выходила за рамки локальных научных сообществ. Примерно половина перево-

дов (в особенности их переизданий) выходила в виде отдельных монографий, имевших более широкую аудиторию в научной среде. Однако наиболее широкий охват публики был у журналов, издававшихся Академией наук (в частности, «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» и «Журнал Министерства народного просвещения»), в которых было опубликовано около четверти переводов. Эти издания, выходявшие большими тиражами, пользовались успехом в широкой среде образованных читателей, находящихся вне научного сообщества.

Перечень переводов работ Аристотеля на русский язык
без переизданий (2-я половина XVIII – 1-я половина XX в.)

Переводчик	Выходные данные переведенной работы	Объем перевода
1. Логика (Органон)		
<i>Κατηγορίαι</i> <i>Κατηγοριῶν / Categoriae</i>		
М. И. Кас- торский	Категории Аристотеля на греческом и русском языках / Переводил и объяснил М. Н. Касторский. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1859. 91 с.	Полный перевод
А. В. Ку- бицкий	Аристотель «Категории» с приложением «Введения» Порфирия. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 84 с.	Полный перевод
<i>Об истолковании</i> <i>Περὶ ἑρμηνείας / De interpretatione</i>		
Э. Л. Рад- лов	«Об истолковании» Аристотеля // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.. 1891. Январь. С. 45–64. Февраль. С. 65–92	Полный перевод
<i>«Первая» и «Вторая» аналитики</i> <i>ἀναλυτικά πρότερα / Analytica priora</i> <i>ἀναλυτικά ὑστερα / Analytica posteriora</i>		

Продолжение табл.

Переводчик	Выходные данные переведенной работы	Объем перевода
Н. Н. Ланге	«Первая аналитика» Аристотеля // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Сентябрь. С. 57–76. Октябрь. С. 11–32. Декабрь. С. 33–35; 1892. Январь. С. 37–48. Февраль. С. 49–80. Март. С. 81–103; 1894. Апрель. С. 10–32. Май. С. 33–69. Июнь. С. 86–108	Полный перевод «Первой аналитики»
Б. А. Фохт	Аристотель. Аналитики Первая и Вторая: Пер. с греч. Государственное издательство политической литературы, 1952. 439 с.	Полный перевод «Первой» и «Второй» аналитик

2. О природе

Физика

Φυσικὴ ἀκρόασις / Physica

В. П. Карпов	«Физика» Аристотеля / Пер. В.П. Карпова. М.: Соцэкгиз, 1936. 192 с.	Полный перевод
--------------	---	----------------

Метеорологика

Τα μετεωρολογικά / Meteorologica

В. В. Латышев	Аристотель // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890. Т. 1: Греческие писатели. С. 372–385	Перевод фрагментов из 10-й, 13-й и 14-й глав I книги, из 1-й, 3-й и 5-й глав II книги
---------------	---	---

О душе

Περὶ ψυχῆς / De anima

Продолжение табл.

Переводчик	Выходные данные переведенной работы	Объем перевода
В. А. Снегирев	Психологические сочинения Аристотеля / Пер. с греч. В. Снегирева // Известия и Ученые записки Императорского Казанского Университета. 1874. № 6. С. 976–1011; Там же. 1875. № 5. С. 794–825	Полный перевод (без завершающей части 12-й главы III книги)
П. С. Попов	Аристотель. О душе / Пер., примеч. П. С. Попова; предисл. В. К. Сережникова. М.: Соцэкгиз, 1937. 179 с.	Полный перевод

История животных
Περὶ τὰ ζῷα ἱστορίαι / Historia animalium

В. В. Латышев	Аристотель // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. Т. 1: Греческие писатели. С. 372–385	Перевод фрагментов из 21-й главы III книги, из 19-й и 22-й глав V книги, из 22-й главы VI книги, из 12-й, 13-й, 19-й, 25-й, 28-й глав VIII книги, из 33-й, 36-й и 47-й глав IX книги
В. П. Карпов	Аристотель. История животных / Пер. с древнегреч. В. П. Карпова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 528 с.	Полный перевод

Продолжение табл.

Переводчик	Выходные данные переведенной работы	Объем перевода
И. М. Троцкий	Античные теории языка и стиля / Под ред. О. М. Фрейденберг. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936 г. 344 с.	Перевод фрагмента из 9-й главы IV книги

О частях животных

Περὶ ζῴων μορίων / De partibus animalium

В. В. Латышев	Аристотель // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890. Т. 1: Греческие писатели. С. 372–385	Перевод фрагмента из 5-й главы IV книги
В. П. Карпов	Аристотель. О частях животных / Пер. В. П. Карпова (Серия «Классики биологии и медицины»). М.: Биомедгиз, 1937. 219 с.	Полный перевод
И. М. Троцкий	Античные теории языка и стиля / Под ред. О. М. Фрейденберг. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936 г. 344 с.	Перевод фрагментов из 16-й главы II книги, из 1-й главы III книги

О возникновении животных

Περὶ ζῴων γενέσεως / De generatione animalium

В. В. Латышев	Аристотель // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890. Т. 1: Греческие писатели. С. 372–385	Перевод фрагментов из 8-й главы II книги, из 3-й главы V книги
---------------	---	--

Продолжение табл.

Переводчик	Выходные данные переведенной работы	Объем перевода
В. П. Карпов	Аристотель. О возникновении животных / Пер. с греч., вступ. ст. и примеч. В. П. Карпова; М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940 (Классики естествознания). 250 с.	Полный перевод
3. Метафизика		
<i>Μεταφυσικά</i> <i>Metà tà φυσiká / Metaphysica</i>		
М. И. Кас-торский	Не опубликована. Работал над переводом до 1859 г.	—
В. В. Розанов и П. Д. Первов	«Метафизика» // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1890. Февраль. С. 82–112. Март. С. 113–152; 1891. Январь. С. 16–45; 1893. Июль. С. 47–48. Август. С. 49–80. Сентябрь. С. 81; 1895. Январь. С. 20–48. Февраль. С. 49–78	Книги I–V
А. М. Воден	«Метафизика». Книга XII // Книга для чтения по истории философии / А. Деборин. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Новая Москва, 1924. Т. 1. 446 с.	Книга XII
А. Ф. Лосев	«Метафизика». Книги XIII–XIV / Пер. и коммент. А. Ф. Лосева // Лосев А. Ф. Критика платонизма у Аристотеля. М., 1929	Книги XIII–XIV
А. В. Кубицкий	Кубицкий А. В. Аристотель. Метафизика. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 348 с.	Полный перевод

Продолжение табл.

Переводчик	Выходные данные переведенной работы	Объем перевода
4. Этика и политика		
<i>Никомахова этика</i> <i>Ἠθικὰ Νικομάχεια / Ethica Nicomachea</i>		
Э. Л. Радлов	Этика Аристотеля // Журнал Министерства народного просвещения, СПб., 1884. Апрель. С. 67–87. Май. С. 1–15. Сентябрь. С. 16–38. Ноябрь. С. 1–22; 1885. Октябрь. С. 493–512. Ноябрь. С. 513–532; 1886. Сентябрь. С. 142–164; 1887. Июль. С. 97–136. Декабрь. С. 155–176	Полный перевод
<i>Политика</i> <i>Πολιτικά / Politica</i>		
Г. А. Полетика	Политика Аристотеля о гражданском учреждении книга II // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Июнь, 1757. С. 483–557	Книга II
Н. Е. Сковцов	Политика Аристотеля / Пер. с греч. яз., с примеч., с крит. исслед. о «Политике» Аристотеля и с двумя экскурсами, содержащими в себе учение Аристотеля о праве и воспитании Н. Сковцова. М.: Унив. тип. (Катков и К), 1865. 369 с.	Полный перевод
С. А. Жебелев	Политика Аристотеля / Пер. с греч., с предисл., примеч. и прил. очерка: «Греческая политическая литература и “Политика” Аристотеля» С. А. Жебелева. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. 465 с.	Полный перевод

Продолжение табл.

Переводчик	Выходные данные переведенной работы	Объем перевода
<i>Афинская полития</i> <i>Ἀθηναίων πολιτεία</i>		
Н. Я. Шубин	«Афинское государственное устройство» Аристотеля // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1891. Май. С. 58–70. Июнь. С. 71–79. Июль. С. 1–11. Август. С. 25–44	Полный перевод
А. М. Ловягин	Aristotelis Ἀθηναίων πολιτεία Graece et Russice; Аристотель. История и обзор Афинского государственного Устройства / Пер. и изд. А. М. Ловягина. СПб.: Тип. Либермана, 1895. 143 с.	Полный перевод
С. И. Радциг	Аристотель. «Афинская полития» / Пер. и коммент. С. И. Радцига. М.: Соцэкгиз, 1936. 198 с.	Полный перевод
5. Риторика и поэтика		
<i>Риторика</i> <i>Ῥητορικὴ τέχνη / Ars rhetorica</i>		
Г. А. Полетика	Полетика Г. А. Описание человеческих нравов, из Аристотелевой риторики // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Ноябрь, 1757. С. 431–445	12-я–17-я главы II книги
Н. Н. Платонова	«Риторика» Аристотеля // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1892. Май. С. 61–96. Июнь. С. 97–136; 1893. Январь. С. 10–48. Февраль, С. 102–112; 1894. Январь. С. 12–44. Февраль. С. 102–112. Март. С. 113–124	Полный перевод

Окончание табл.

Переводчик	Выходные данные переведенной работы	Объем перевода
<i>Поэтика</i> <i>Περὶ ποιητικῆς / Ars poetica</i>		
А. Г. Глаго- лев	Из Аристотелевой «Поэтики» Гл. 25 / Пер. А. Г. Глаголева // Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1819. Ч. 15. С. 160–170	25-я глава
Б. И. Ор- дынский	«О Поэзии» Аристотеля / Перевел, изложил и объяснил Б. И. Ордынский. М.: Тип. В. Готье, 1854	Полный пере- вод (1-я–18-я гла- вы – перевод, 19-я–26-я – из- ложение)
В. И. Заха- ров	Аристотель. Поэтика / Пер. В. И. Заха- рова. Варшава, 1885. 157 с.	Полный пере- вод
В. Г. Ап- пельрот	Аристотель. Об искусстве поэзии (гре- ческий текст с переводом и объяснения- ми) / Пер. В. Г. Аппельрота. М., 1893	Полный пере- вод
Н. И. Но- восад- ский	Аристотель. Поэтика / Пер. Н. И. Но- восадского. «Классики искусства». Л.: Academia, 1927. Вып. 1. 120 с.	Полный пере- вод

Список литературы / References

- Аристотель.** Метафизика / Пер. с древнегреч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
- Aristotle.** Metafizika [Metaphysics]. Trans. P. D. Pervov, V. V. Rozanov. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2006. (In Russ.)
- В. Х. Л.: Поэтика Аристотеля / Пер. В. И. Захарова.** Варшава, 1885 [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Август. С. 264–267.

- V. Kh. L.** *Poetika Aristotelya* [Aristotle's Poetics]. Trans. by V. I. Zakharov. Warsaw, 1885 (Review). *Zhurnal Ministerstva narodno-go prosveshcheniia* [Ministry of National Enlightenment Journal], 1885, Aug., p. 264–267. (In Russ.)
- Глаголев А. Г.** Из Аристотелевой «Поэтики». Гл. 25 // Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1819. Ч. 15. С. 160–170.
- Glagolev A. G.** Iz Aristotelevoi “Poetiki”. Gl. 25 [From Aristotle's Poetics. Ch. 25]. *Trudy Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete* [Works of the Russian Philology Lovers Society in Moscow University], 1819, pt. 15, p. 160–170. (In Russ.)
- Глаголев Андрей Гаврилович** // Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском Университете, 1811–1911. М.: Печатня А. Снегиревой, 1911. С. 79–80.
- Glagolev Andrei Gavrilovich.** In: *Slovar chlenov Obschestva lyubitelei Rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom Universitete, 1811–1911* [Dictionary of the Russian Philology Lovers Society Members, 1811–1911]. Moscow, Pechatnya A. Snegirevoi, 1911, p. 79–80. (In Russ.)
- Егорочкин М. В.** «Афинская полиция» Аристотеля в России (1891–1937 гг.) // *Schole*. 2017. Т. 11, № 1. С. 283–291.
- Egorochkin M. V.** “Afinskaya politiya” Aristotelya v Rossii (1891–1937 gg.) [Aristotle's Constitution of Athens in Russia (1891–1937)]. *Schole*, 2017, vol. 11, no. 1, p. 283–291. (In Russ.)
- Касторский М. Н.** Категории Аристотеля на греческом и русском языках / Пер. М. Н. Касторского. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1859. 111 с.
- Kastorskii M. N.** Kategorii Aristotelya na grecheskom i russskom yazykakh [Aristotle's Categories in Greek and Russian]. Trans. by M. N. Kastorsky. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1859. (In Russ.)
- Костригин А. А.** Русские переводы трактата Аристотеля «О душе» (В. А. Снегирев и П. С. Попов) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 295–296.
- Kostrigin A. A.** Russkie perevody traktata Aristotelya “O dushe” (V. A. Snegirev i P. S. Popov) [Russian Translations of Aristotle's Treatise “On the Soul” (V. A. Snegirev and P. S. Popov)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, no. 6, p. 295–296. (In Russ.)

- Кубицкий А. В.** Аристотель. Метафизика. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 348 с.
- Kubitskii A. V.** Aristotle. Metaphysics. Moscow, Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1934. (In Russ.)
- Латышев В. В.** Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1890. Т. 1: Греческие писатели. 966 с.
- Latyshev V. V.** Izvestiya drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze [News of Ancient Greek and Latin Writers about Scythia and Caucasus]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1890, vol. 1: Grecheskie pisateli [Greek Writers]. (In Russ.)
- Полетика Г. А.** Описание человеческих нравов, из Аристотелевой риторики // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Ноябрь. С. 431–445.
- Poletika G. A.** Opisanie chelovecheskikh нравов, iz Aristotelevoi ritoriki [Description of Human Morals from Aristotle Rhetoric]. *Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie* [Monthly Writings Serving for Use and Entertainment], 1757, Nov., p. 431–445. (In Russ.)
- Полетика Г. А.** Политика Аристотеля о гражданском учреждении. Кн. II // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Июнь. С. 483–557.
- Poletika G. A.** Politika Aristotelya o grazhdanskom uchrezhdenii. Kniga II [Aristotle's Politics about the Civil Foundation. Book 2]. *Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie* [Monthly Writings Serving for Use and Entertainment], 1757, June, p. 483–557. (In Russ.)
- Ростовцев Е. А.** Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // Вестн. СПбГУ. Серия 2: История. 2013. Вып. 4. С. 44–54.
- Rostovtsev E. A.** Nadezhda Nikolaevna Platonova (Shamonina): mezhdu sem'ei i naukoi [Nadezhda Nikolaevna Platonova (Shamonina): Between Family and Science]. *Vestnik of St. Petersburg State University. Series 2: History*, 2013, no. 4, p. 44–54. (In Russ.)
- Чанышев А. Н.** Аристотель. М.: Мысль, 1987. 221 с.
- Chanyshv A. N.** Aristotle. Moscow, Mysl' Publ., 1987. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

24.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Егорова Оксана Сергеевна, аспирантка Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); преподаватель Новосибирского медицинского университета (ул. Красный пр., 52, Новосибирск, 630091, Россия)

Oksana S. Egorova, Postgraduate of the Institute of Philosophy and Law SB RAN (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); teacher of the Novosibirsk State Medical University (52 Krasny Ave., Novosibirsk, 630091, Russian Federation)

oksana12egorova@gmail.com

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-204-215

Установка на независимость от внешних обстоятельств в греческой философии в период раннего эллинизма

В. В. Бровкин

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Установлено, что стремление к независимости от внешних обстоятельств не является общей чертой для греческой философии в период раннего эллинизма. Также установлено, что усиление данной черты в раннеэллинистической философии было связано с образованием военно-бюрократических монархий. Признание зависимости от внешних условий, прежде всего от политики и дружбы, было связано с сохранением полисной системы.

Ключевые слова

греческая философия, стремление к независимости от внешних обстоятельств, период раннего эллинизма, политика, дружба

Для цитирования

Бровкин В. В. Установка на независимость от внешних обстоятельств в греческой философии в период раннего эллинизма // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 204–215. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-204-215

Disposition to Independence from External Circumstances in Greek Philosophy in the Period of early Hellenism

V. V. Brovkin

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

It is established that the desire for independence from external circumstances is not a common feature for Greek philosophy in the period of early Hellenism. The strengthen-

© В. В. Бровкин, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

ing of this feature in the early Hellenistic philosophy was associated with the formation of Hellenistic monarchies. Recognition of dependence on external conditions, primarily on politics and friendship, was associated with the preservation of the policy system.

Keywords

Greek philosophy, the desire for independence from external circumstances, the period of early Hellenism, politics, friendship

For citation

Brovkin V. V. Disposition to Independence from External Circumstances in Greek Philosophy in the Period of early Hellenism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 204–215. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-204-215

В данной статье мы рассмотрим такую черту раннеэллинистической философии, как установка на независимость от внешних обстоятельств. В научной литературе остается открытым вопрос о том, насколько доминирующей была эта черта в греческой философии в данный исторический период. Согласно традиционной и наиболее распространенной точке зрения, стремление к свободе от внешних условий, невозмутимости, покою, а также индивидуализм являются главными особенностями всей эллинистической философии (см.: [Лосев, 2000. С. 48–51; Целлер, 1996. С. 175]). Сторонники данной точки зрения полагают, что в условиях потери греческими полисами политической свободы философия обратилась к внутреннему миру индивида. Философские школы направили основные усилия на то, чтобы сделать мудреца самодостаточным и независимым. Согласно другой точке зрения, стремление греческих философов к независимости от внешнего мира в это время сосуществовало у них с фактическим признанием сильной зависимости от общественно-политической жизни и дружбы (см.: [Адо, 1999. С. 105–108; Brown, 2009. Р. 486, 494]). Прояснение данного вопроса мы хотим ограничить периодом раннего эллинизма (334–281 гг. до н. э.), т. е. временем формирования нового эллинистического мира и появления новых философских учений. При этом мы постараемся уделить внимание всем философским школам и направлениям, существовавшим в данный период, а не только эпикурейцам, стоикам и скептикам.

Крупнейшей философской школой в период раннего эллинизма был Ликей. За прояснением вопроса об отношении перипатетиков к независимости от внешних обстоятельств обратимся к Теофрасту.

Ученик Аристотеля развивал идею своего учителя о том, что одной добродетели для счастья недостаточно. Цицерон сообщает, что, согласно Теофрасту, «побои, пытки, мучения, бедствия отчизны, изгнание, потери не могут не делать жизнь жалкой и несчастной» [1975. С. 330]. Как передает Цицерон, Теофраст в своем сочинении «О блаженной жизни» «подробно доказывает, почему не может быть блажен человек под муками и пытками» [Там же. С. 331]. Теофраст якобы одобрил даже изречение «Не мудрость правит, а Судьба и Случай здесь». Цицерон высказывает свое решительное несогласие с позицией Теофраста, но признает при этом, что Теофраст весьма последователен: «В самом деле, если столько благ заключено в теле и столько благ вне тела, в руках судьбы и случая, то разве не логично сказать, что Судьба, владычица всех благ телесных и внешних, больше значит, чем любое размышление?» [Там же. С. 331]. Как отмечает Целлер, Теофраст вовсе не умалял ценность добродетели, но, тем не менее, признавал зависимость счастья от внешних условий. Целлер пишет, что Теофраст «жаловался на нарушения, которым подвергается интеллектуальная жизнь человека из-за боли; на краткость человеческой жизни, которая прекращается как раз тогда, когда мы достигли некоторой степени понимания; и на зависимость человека от обстоятельств, которые находятся вне его собственного контроля» [Zeller, 1897. P. 402–403]. О том, что философия перипатетиков не была подчинена цели обретения свободы от внешних обстоятельств, говорит также позиция Дикеарха и Деметрия Фалерского. Оба этих философа ставили деятельную жизнь выше созерцательной (см.: [Цицерон, 1966. С. 138; Письма Марка Туллия Цицерона..., 1949. С. 123]). Сравнивая общественно-политическую и научно-философскую деятельность, Дикеарх и Деметрий Фалерский отдавали предпочтение первой. Нетрудно заметить, что, провозглашая самым важным видом деятельности участие в государственных делах, перипатетики тем самым ставили себя в сильную зависимость от внешних обстоятельств. Таким образом, мы делаем вывод о том, что развитие философии перипатетиков в период раннего эллинизма не характеризовалось стремлением к независимости от внешних условий.

В отличие от Ликея, в Академии в период раннего эллинизма стремление к независимости от внешних обстоятельств усилилось. Прежде всего это проявилось в суровом образе жизни, который вели схолярхи Древней Академии Ксенократ и Полемон. Согласно Диогену Лаэртскому, Ксенократ отличался выдающимся самообладанием и крайней независимостью, а Полемон – удивительной невозмутимостью.

мостью (см.: [1986. С. 169]). Кроме этого, сообщается, что Полемон «жил затворником в саду Академии» [Там же. С. 172]. Стремление к свободе от внешних обстоятельств проявилось у древних академиков и на теоретическом уровне. Это хорошо заметно у Пелемона, в философском учении которого усилился морально-этический ригоризм. В вопросе о соотношении добродетели, телесных и внешних благ Полемон занял позицию, которая, по мнению Джона Диллона, предвосхитила учение ранних стоиков. Полемон полагал, что «без добродетели никакое счастье невозможно, и наоборот, добродетели, даже без благ телесных и внешних для счастья совершенно достаточно» [Климент Александрийский, 2003. С. 330]. Телесные и внешние блага выступают лишь в качестве дополнения к счастью (см.: [Диллон, 2005. С. 189]). По мнению Диллона, позиция Пелемона по этому вопросу представляла собой постепенное ужесточение морально-этического учения Академии. На наш взгляд, в этом ужесточении, а также в образе жизни ведущих академиков отчетливо просматривается стремление к независимости от внешних условий. В то же время участие Ксенократа в политической деятельности ¹ свидетельствует о том, что академики не отгородились от общества. Проблемы полиса продолжали волновать представителей Древней Академии, и в этом проявилась их зависимость от внешних обстоятельств.

К независимости от внешних обстоятельств традиционно стремились киники. Самый известный представитель кинизма Диоген Синопский в деле обретения свободы от материальных благ и общественных установлений достиг совершенства. Пожалуй, никто среди античных философов не мог сравниться с древними киниками в плане самодовления. Все ключевые понятия кинической философии, такие как «автаркия», «аскетизм» и «космополитизм», были непосредственно связаны со стремлением к независимости от внешних обстоятельств. Но здесь следует отметить, что кинизм сформировался в начале IV в. до н. э., в классический период греческой истории. Учение Антисфена и Диогена было порождено кризисом классического греческого полиса, а не завоеваниями Александра Македонского и образованием эллинистических монархий. В этой связи, на наш взгляд, правомерным является вопрос о том, в какой степени стремление к независимости от внешних условий сохранилось в кинизме в период раннего эллинизма.

¹ Ксенократ в составе афинского посольства участвовал в переговорах с наместником Македонии Антипатром, на которых решалась судьба Афин после поражения греков в Ламийской войне 323–322 гг. до н. э.

Согласно ряду исследователей, в данный период в кинической философии произошло ослабление морально-этического ригоризма (см.: [Нахов, 1982. С. 192; Navia, 1996. Р. 150]). Это проявилось в том, что в кинизм проникли черты облегченного гедонизма, идеи социального компромисса и стремление к участию в политической деятельности. У ведущих киников в это время можно обнаружить отступление от учения Диогена в сторону его смягчения. У Кратета Фиванского это смягчение было выражено слабо, у Onesicrita и Биона Борисфенского значительно сильнее. Образ жизни, который вели киники в данный период, характеризовался не только жестким аскетизмом и самодовлением, но и приспособлением к обстоятельствам. Наиболее точно суть кинического учения в эпоху эллинизма передает фраза Биона «Приспосабливайся к обстоятельствам, как моряки приспособливают паруса к ветру» [Антология кинизма, 1984. С. 182]. Таким образом, мы полагаем, что у киников в период раннего эллинизма стремление к независимости от внешних обстоятельств сохранилось, но в несколько ослабленном виде.

В период раннего эллинизма продолжала благополучно существовать школа киренаиков. Ее ведущими представителями были Гегесий, Анникерид и Феодор Безбожник. Стремление к независимости от внешних обстоятельств просматривается у Гегесия и Феодора. Доказывая, что страдания в жизни превышают удовольствия и что счастье недостижимо, Гегесий призывал безразлично относиться как к смерти, так и к жизни (см.: [Диоген Лаэртский, 1986. С. 121]). Феодор, придерживаясь позиции крайнего эгоизма и индивидуализма, отрицал ценность дружбы, патриотизма, религии, законов и общественных установлений (см.: [Там же. С. 122]). По сообщению Диогена Лаэртского, Феодор придерживался мнения о том, что «мудрец доволен себе и не нуждается в друзьях» [Там же]. На наш взгляд, в безразличном отношении мудреца к жизни у Гегесия и в самодовлеющем и не признающем никаких общественных норм мудреце у Феодора проявилось стремление к независимости от внешних обстоятельств. В то же время у Анникерида можно увидеть противоположную тенденцию – зависимость от внешних обстоятельств. Анникерид и его последователи «допускали в жизни и дружбу, и благодарность, и почтение к родителям, и служение отечеству» [Там же. С. 121]. По мнению Анникерида, стремиться к дружбе следует не только ради пользы, но и ради того доброго чувства, которое при этом возникает. Согласно философу, ради дружбы стоит даже пострадать (см.: [Там же. С. 122]). На наш взгляд, высокий ценностный статус дружбы у Анникерида

свидетельствует об отсутствии у него ярко выраженного стремления к независимости от внешних обстоятельств.

Стремление к независимости от внешних обстоятельств обнаруживается у Стильпона из Мегар. Сенека сообщает, что Стильпон, как и стоики, придерживался мнения, согласно которому «мудрому никто, кроме него самого, не нужен» [1986. С. 46]. В качестве доказательства независимости Стильпона от внешних обстоятельств, Сенека приводит следующую историю: «Когда родной город Стильпона был захвачен, когда он потерял жену, потерял детей, а сам вышел из охватившего все пожара один, но по-прежнему блаженный, Деметрий, прозванный из-за множества уничтоженных им городов Полиоркетом, спросил его, потерял ли Стильпон что-нибудь, и тот ответил: “Все мое благо со мною!”» [Там же. С. 48]. Похожую историю передает и Диоген Лаэртский. Сообщается, что когда Деметрий Полиоркет захватил Мегары и распорядился возвратить Стильпону разграбленное добро, то на вопрос о перечне его убытков философ заявил, «что убытков не было: воспитания у него никто не отнял и знания его и разум остались при нем» [Диоген Лаэртский, 1986. С. 127]. Сенека с нескрываемым восхищением отзывается о поведении Стильпона. По его мнению, Стильпон повел себя как настоящий стоический мудрец, которого невозможно лишить счастья, поскольку все его благо заключено в душе. Стильпон доказал, что никакие потери и лишения не способны его сломить. Говоря победившему врагу «Я ничего не потерял» и «Все мое со мной» Стильпон продемонстрировал полную свободу от внешних обстоятельств (см.: [Сенека, 1986. С. 48]).

В жизни еще одного видного представителя сократических школ в период раннего эллинизма – Менедема из Эретрии проявилась другая тенденция. Диоген Лаэртский сообщает, что Менедем принимал активное участие в государственных делах, помогая родному городу и спасая его от тиранов (см. [1986. С. 132, 135–136]). Также упоминается, что он ездил послом к Птолемею, Лисимаху и Деметрию Полиоркету. Близкие отношения связывали Менедема и Антигона Гоната. Согласно Диогену Лаэртскому, последний «даже объявлял себя учеником Менедема» [Там же. С. 135]. Как полагает Герман Бенгтсон, «в личности Менедема объединились достоинства человека, умеющего отлично сочетать деятельную жизнь политика с созерцательной жизнью философа» [1982. С. 174]. На наш взгляд, активное участие Менедема в политической деятельности говорит о его зависимости от внешних обстоятельств. Очевидно, что Менедем не был равнодушен к судьбе своего родного полиса. Он не был

свободен от политических пристрастий и политической борьбы. Судя по всему, Менедем разделял мнение о том, что философ не должен избегать участия в государственных делах и уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей.

Период раннего эллинизма ознаменовался появлением новых философских школ. Основателем скептицизма стал Пиррон из Элиды. Насколько можно судить из источников, учение Пиррона заключалось в его образе жизни. Согласно античным авторам, поведение Пиррона отличалось невозмутимостью, безразличием и бездейственностью. Утвердив непостижимость вещей и воздержание от суждений, Пиррон, по сообщению Диогена Лаэртского, «в согласии с этим вел и жизнь свою, ни к чему не уклоняясь, ничего не сторонясь, подвергаясь любой опасности, будь то телега, круча или собака, но ни в чем не поддаваясь ощущениям» [1986. С. 352]. Биография Пиррона пестрит примерами совершенно безразличного отношения к жизни. Столь радикальный образ жизни свидетельствует о том, что Пиррону в полной мере удалось обрести независимость от внешних обстоятельств. Впрочем, не все в Античности соглашались с подобным образом Пиррона. Так, согласно Энесидему, «воздержание от суждений было для Пиррона правилом только в философии, в частных же случаях он вовсе не был неосмотрителен» [Там же. С. 352]. Как бы то ни было, для нашего исследования важно отметить следующее. Независимо от того, насколько Пиррон был последователен в проявлении безразличия и невозмутимости в жизни, стремление к свободе от внешних обстоятельств проходит красной нитью через все его учение.

Достаточно отчетливо стремление к независимости от внешних обстоятельств прослеживается в философии Эпикура. В своих высказываниях основатель Сада неоднократно подчеркивает, что высшее благо, которое, по его мнению, заключается в душевном спокойствии и телесном здоровье, «легко исполнимо и достижимо» [Лукреций, 1947. С. 597]. Все зло, которое есть в жизни, согласно Эпикуру, происходит из человеческих страхов, страстей и вздорных желаний. Но все это не является необходимым бременем, от которого невозможно освободиться. Эпикур говорил: «Необходимость есть бедствие, но нет никакой необходимости жить с необходимостью» [Там же. С. 613]. Эпикур убежден, что человек способен своими силами обрести свободу и счастье. Главное – это следовать голосу природы, которая сделала «необходимое легкодобываемым, а труднодобываемое – ненужным» [Там же. С. 645]. Согласно философу, блаженная жизнь достигается путем изучения природы и преодоления страхов, а также

отказа от пустых желаний. Общий ход рассуждений Эпикура сводится к тому, что счастливая жизнь является делом рук самого человека и не зависит от случая или судьбы.

Однако в философии Эпикура была и противоположная тенденция – зависимость от внешних обстоятельств. Связана она была с таким важным для философа понятием, как дружба. Сохранилось несколько высказываний Эпикура, в которых он превозносит дружбу. Одно из них звучит следующим образом: «Из всего того, что мудрость доставляет себе для счастья всей жизни, самое важное есть обладание дружбой» [Там же. С. 607]. Для Эпикура дружба играет исключительно важную роль по той причине, что благодаря ей человек достигает наибольшей безопасности, обретает поддержку в жизни, а также общение, которое доставляет радость и удовольствие. Весьма показательными являются слова Эпикура о том, что мучения друга причиняют мудрецу не меньше страданий, чем его собственные мучения, а также о том, что предательство друга способно перевернуть всю его жизнь (см.: [Там же. С. 621]). О сильной зависимости мудреца от дружбы у Эпикура сообщает Сенека. Как он передает, «Эпикур в одном из писем порицал тех, кто утверждает, будто мудрецу никто, кроме него самого, не нужен и потому ничьей дружбы не требуется» [Сенека, 1986. С. 45]. На основании всего вышесказанного мы делаем вывод о том, что Эпикур в целом стремился к независимости от внешних обстоятельств. Но это стремление было достаточно умеренным и ограниченным, поскольку Эпикур признавал зависимость счастья от одного существенного внешнего обстоятельства – дружбы.

Самая ясная и однозначная картина в вопросе о стремлении к независимости от внешних обстоятельств предстает в философском учении ранних стоиков. В основе стоической этики лежало положение о том, что для счастья достаточно одной добродетели. Основатель Стои Зенон Китийский и его ученики строго придерживались представления о том, что единственным благом является добродетель, а единственным злом – порок. И то и другое коренится в душе человека. Все остальное не имеет никакого отношения к благу и злу и соответственно к счастью и несчастью. Таким образом, «жизнь и смерть, слава и безвестность, страдание и наслаждение, богатство и бедность, болезнь и здоровье и все тому подобное» [Фрагменты ранних стоиков, 1998. Фр. 190] попало у стоиков в сферу безразличного. В самом безразличном Зенон выделял предпочитаемое, т. е. то, что обладает ценностью и согласно с природой (жизнь, здоровье, красота, политическая деятельность, дружба и т. п.), не предпочитаемое или избегае-

мое, т. е. то, что противно природе (смерть, болезнь, нищета и т. п.), и безразличное в полном смысле этого слова. На наш взгляд, это разделение преследовало своей целью сохранение некоторых жизненных ориентиров, которые хоть и не имели никакого отношения к счастью, тем не менее, давали стоику определенную почву под ногами. Главное же в этике стоиков заключалось в том, что конечная цель жизни, счастье и благо были связаны только с одним – добродетелью. Тем самым стремление к независимости от внешних обстоятельств обрело в стоиках своих самых верных и последовательных приверженцев в период раннего эллинизма.

Итак, как мы видим, в период раннего эллинизма далеко не все философы стремились к независимости от внешних обстоятельств. В этой связи нам остается рассмотреть вопрос о том, чем объясняется данная ситуация. Мы полагаем, что ответ на этот вопрос связан с той политической обстановкой, которая сложилась в Греции в данный период. Дело в том, что это время в греческой истории ознаменовалось сосуществованием двух политических систем. Речь идет об эллинистических монархиях и традиционной полисной системе. Империя Александра Македонского и эллинистические царства, образовавшиеся на ее обломках, явили собой совершенно новый тип государственного устройства, главной чертой которого, на наш взгляд, была неограниченная власть монарха. Появление этих государств привело к ослаблению полисных ценностей, важнейшей из которых было участие граждан в общественно-политической жизни полиса. Мы полагаем, что следствием этого как раз и стало усиление в греческой философии такой черты, как стремление к независимости от внешних обстоятельств. В то же время, греческие полисы не растворились в эллинистических монархиях. Несмотря на военно-политическое ослабление, многие полисы, если не полностью, то частично, сохранили свою автономию. А вместе с тем сохранили определенное влияние и полисные ценности. Этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что в отдельных философских учениях и в жизни отдельных философов проявилась зависимость от внешних обстоятельств.

Подведем итоги. В ходе проведенного исследования мы установили, что стремление к независимости от внешних обстоятельств не является общей чертой для греческой философии в период раннего эллинизма. Данная черта была ярко выражена у ранних стоиков, Пиррона, Стильпона, Гегесия и Феодора Безбожника. В философии древних академиков, киников и Эпикура эта черта сосуществовала с зависимостью от политики и дружбы. У перипатетиков, Менедема

из Эретрии и Анникерида стремление к свободе от внешних условий и вовсе не просматривается. Также было установлено, что усиление стремления к независимости от внешних обстоятельств в греческой философии в период раннего эллинизма было связано с образованием военно-бюрократических монархий. Что касается зависимости от внешних условий в раннеэллинистической философии, то оно было связано с сохранением полисной системы.

Список литературы / References

- Адо П.** Что такое античная философия? М.: Изд-во гуманит. лит., 1999.
- Ado P.** Chto takoe antichnaya filosofiya? [Qu'est-ce que la philosophie antique]. Moscow, Izdatelstvo gumanitarnoi literatury, 1999. (In Russ.)
- Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион.** М.: Наука, 1984.
- Antologiya kinizma. Antisfen. Diogen. Kratet. Kerkid. Dion** [Anthology of Cynicism]. Moscow, Nauka, 1984. (In Russ.)
- Бенгтсон Г.** Правители эпохи эллинизма. М.: Наука, 1982.
- Bengtson H.** Praviteli epokhi ellinizma [Herrschergestalten des Hellenismus]. Moscow, Nauka, 1982. (In Russ.)
- Диллон Дж.** Наследники Платона: Исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
- Dillon J.** Nasledniki Platona: Issledovanie Drevnei Akademii (347–274 gg. do n. e.) [The Heirs of Plato. A Study of the Old Academy (347–274 B. C.)]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2005. (In Russ.)
- Диоген Лаэртский.** О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.
- Diogenes Laertius.** O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov [Lives of Eminent Philosophers]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. (In Russ.)
- Климент Александрийский.** Строматы. Т. 1 (Кн. 1–3). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.
- Kliment Aleksandriiskii.** Stromaty [Stromata]: Books 1–3. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2003. Book 1. (In Russ.)
- Лосев А. Ф.** История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: АСТ, 2000.
- Losev A. F.** Istoriya antichnoy estetiki. Rannii ellinizm [History of Ancient Aesthetics. Early Hellenism]. Moscow, AST Publ., 2000. (In Russ.)

- Лукреций.** О природе вещей. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2: Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла.
Titus Lucretius Carus. O prirode veshchei [De Rerum Natura]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1947, vol. 2. (In Russ.)
- Нахов И. М.** Философия киников. М.: Наука, 1982.
Nakhov I. M. Filosofiya kinikov [Philosophy of Cynics]. Moscow, Nauka, 1982. (In Russ.)
- Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1.
Pis'ma Marka Tulliia Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu [Letters of Mark Tullius Cicero to Atticus, relatives, brother Quint, M. Brutus]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949, vol. 1. (In Russ.)
- Сенека Л. А.** Нравственные письма к Луцилию; Трагедии. М.: Худож. лит., 1986.
Seneca. Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu; Tragedii [Moral Letters to Lucilius; Tragedies]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1986. (In Russ.)
- Фрагменты ранних стоиков / Пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. Т. 1: Зенон и его ученики.
Fragmentsy rannich stoikov [Excerpts of Early Stoics]. Moscow, "Greko-Latinskii Kabinet" Yu. A. Shichalina, 1998, vol. 1: Zeno and His Apprentices. (In Russ.)
- Целлер Э.** Очерк истории греческой философии. СПб.: Алетея, 1996.
Zeller E. Ocherk istorii grecheskoi filosofii [Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1996. (In Russ.)
- Цицерон М. Т.** Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966.
Cicero. Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh [Dialogues. On the Commonwealth. On the Laws]. Moscow, Nauka, 1966. (In Russ.)
- Цицерон М. Т.** Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1975.
Cicero. Tuskulanskie besedy [Tusculan Disputations]. Izbrannye sochineniya [Selected Essays]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1975. (In Russ.)
- Brown E.** False Idles: The Politics of the "Quiet Life". In: A Companion to Greek and Roman Political Thought. Ed. by K. Balot Ryaon. Wiley-Blackwell, 2009, p. 485–500.
- Navia L. E.** Classical cynicism: a critical study. Westport, Connecticut, Greenwood Press, 1996.

Zeller E. Aristotle and the earlier Peripatetics: In 2 vols. London, Longmans, Green, and Co., 1897, vol. 2.

Материал поступил в редколлегию

Received

04.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Бровкин Владимир Викторович, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir V. Brovkin, junior researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

drakar@ngs.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-216-224

Теопасхистские формулы в контексте концепции бесстрастия Бога в раннем христианстве

А. М. Стрельцов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Выявлен спектр мнений относительно бесстрастия Бога, наличествующий в раннехристианской мысли II–III вв. При очевидном сходстве данной концепции с положениями античной философской теологии имеется и ряд отличий, главным из которых следует признать наличие теопасхистских формул и выражений, обусловленных доктриной боговоплощения. Сами точки зрения варьируют от ригидного утверждения бесстрастия (апологеты, Климент Александрийский) до более гибкого подхода Оригена и, наконец, утверждения, что в некотором смысле можно говорить о страдании Бога (Григорий Чудотворец). Не выработав единой терминологии, патристика этого периода, тем не менее, заложила концептуальную основу для последующего создания метафизики «бесстрастного страдания» Бога в христианской философии.

Ключевые слова

Бог, бесстрастие, страсти, бесстрастное страдание, Григорий Чудотворец

Для цитирования

Стрельцов А. М. Теопасхистские формулы в контексте концепции бесстрастия Бога в раннем христианстве // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 216–224. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-216-224

Integration of Divine Impassibility with the Theopaschite Formulas in Early Christianity

A. M. Streltsov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article deals with a variety of opinions concerning impassibility of God in the early Christian thought of the first three centuries. Along with obvious similarities of this

© А. М. Стрельцов, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

concept with the stance of the ancient philosophical theology certain differences also present themselves, the most obvious of which marks the presence of theopaschite formulas due to the doctrine of Incarnation. The viewpoints stretch from the rigid insistence on impassibility (Apologists, Clement of Alexandria) to a more flexible approach of Origen and, finally, to the statement that it is possible to speak of the divine suffering in some sense (Gregory Thaumaturgus). With no unified terminology worked out, Patristics of this period, nevertheless, managed to lay an appropriate framework enabling the development of metaphysics of «impassible suffering» of God in subsequent Christian philosophy.

Keywords

God, impassibility, passions, impassible suffering, Gregory Thaumaturgus

For citation

Streltsov A. M. Integration of Divine Impassibility with the Theopaschite Formulas in Early Christianity. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 216–224. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-216-224

Данная работа может рассматриваться как продолжение предыдущей статьи ¹, в которой было показано, что бесстрастие (ἀπάθεια) Бога неизменно утверждалось как одно из его свойств в античной философской теологии, даже несмотря на очевидные различия между самими философскими школами, причем это представление нельзя свести только к наличию общей критики антропоморфизма богов мифов.

А теперь сосредоточимся на обсуждении следующих вопросов. Каким было положение дел в раннехристианской мысли в сравнении с древнегреческой философией? Был ли там такой же консенсус? В христианстве вопрос о бесстрастии Бога приобретает определенную остроту ввиду учения о боговоплощении, отсутствовавшего в нехристианской философской теологии с ее положением о бесстрастном «Боге философов» (притом что в древнегреческой мифологии и религии боги принимали облик людей и приходили на землю).

Так, уже в евангелии от Иоанна за утверждением о божественном Логосе, ставшем плотью (Ин 1:14), следует представление Логоса-Христа как жертвенного «Агнца Божьего» (Ин 1:29), причем о Боге Отце говорится, что он «отдал Сына» (Ин 3:16), страсти Христа представлены как его воцарение, а Фома вкладывает персты в его раны и восклицает «Господь мой и Бог мой!» (Ин 20:27–28).

¹ Стрельцов А. М. Концепция бесстрастия Бога в древнегреческой философии: был ли консенсус? // Сиб. филос. журн. 2018. Т. 16, № 4. С. 257–266.

Для более корректного обсуждения соответствующей проблематики необходимо ввести ключевые терминологические дистинкции, которым мы во многом обязаны М. Саро [Sarot, 1990]. Под бесстрастием Бога в патристике понимается невосприимчивость Бога к воздействию извне, а именно, невозможность для него претерпевать, страдать и умирать. При этом бесстрастие не эквивалентно внешнеэмоциональному состоянию: с точки зрения христианской традиции любовь Бога не нарушает его бесстрастия.

Теопасхизм – утверждение о страдании божественного Сына, что обусловлено воплощением именно Сына («Слово стало плотью»). Теопасхизм надлежит отличать от пассивизма как представления о том, что Бог подвержен страданию сам по себе, т. е., что ему свойственно страдание, а также от патрипассианства – учения о страдании Бога Отца. Выступление Тертуллиана и Ипполита, сделавших, как известно, существенный вклад в формулирование учения о Троице, против патрипассианства их визави Праксея и Ноеза можно в этом смысле интерпретировать как стремление рассматривать исключительно Сына в качестве пострадавшего, как уточнение, куда заходить нельзя: нельзя говорить о Боге в том смысле, что пострадал Отец. Тенденциозную реконструкцию Ли [Lee, 1974. P. 28], что доктрина бесстрастия (ἀπάθεια) была развита в ранней церкви в противовес выступавшим против каких-либо различий в Боге модалистам, чтобы адекватно различить лица Троицы, следует признать неудовлетворительной. Несомненно, антимодалистская полемика была одним из факторов такого словоупотребления, но мы не можем найти фактов «развития» такого учения. Скорее можно согласиться с вердиктом Слюссера: «Бесстрастие Бога и, следовательно, бесстрастие Слова по природе, адекватно отстаивались теологами второго века, как я предполагаю, посредством утверждения бесстрастия Отца» [Slusser, 1975. P. 231–232]. Отчасти проблема заключалась в том, что термин «Отец» выступал в качестве имени Бога как в нехристианских, так и в христианских кругах (верно и обратное: подавляющее число употреблений слова θεός в Новом Завете относится именно к Богу Отцу), и только постепенно он стал означать первую ипостась христианской Троицы.

Настаивая на бесстрастии Бога, раннехристианские апологеты, подобно философам Античности, выступали против грубого антропоморфизма, в рамках которого страсти (полагаемые в христианском дискурсе греховными) переносились с людей на богов [Аристид, 1999. С. 293; Афинагор, 2000. С. 58, 68; Иустин, 1995. С. 55].

При этом учение о бесстрастии Бога использовалось ими для обоснования отличия абсолютно простого (и не имеющего потому частей, отвечающих за претерпевание) Бога от сотворенного им мира, для выражения специфической доктрины творения [Афинагор, 2000. С. 49–50; Ириней Лионский, 1996. С. 139–140], направленной в том числе против гностического мифа, подразумевающего возникновение мира в результате страстей.

Тем не менее утверждением бесстрастия Бога раннехристианские авторы не ограничивались. Рассмотрение имеющихся источников показывает, что отцы церкви II–III вв. совмещали концепцию божественного бесстрастия с теопасхистскими формулами, при том, что они не были пассивистами.

Уже во II в. формула типа «бесстрастный пострадал» была обычным теопасхистским выражением [Slusser, 1975. P. 220]. Какой-либо квазифилософской рефлексией она на первых порах не сопровождалась. Например, Игнатий Антиохийский в начале II столетия говорит в одном из более значительных примеров такого словоупотребления: «Бог во плоти ... сперва подверженный, а потом не подверженный страданию» (πρῶτον παθητὸς καὶ τότε ἀπαθής) [Писания мужей апостольских, 2008. С. 272]. Подобным образом в послании к Поликарпу Смирнскому он характеризует Бога как «бесстрастного, но для нас подвергшегося страданию» (τὸν ἀπαθῆ, τὸν δι' ἡμᾶς παθητόν) [Там же. С. 309].

Одно из наиболее ярких выражений встречается в сохранившихся фрагментах трактата Мелитона Сардийского «О душе и теле»: «Бесстрастный страждет и не воздает» (*impassibilis patitur neque ulciscitur*) [1999. С. 613]. Мелитону вторит Ириней Лионский: «И чуждый страдания [сделался] страждущим» (*et impassibilis passibilis*) [1996. С. 280].

Именно в связи с теопасхизмом проявлявший симпатии к позднему стоицизму уроженец Карфагена Тертуллиан употребил в пылу полемики ставшие знаменитыми слова о кажущейся абсурдности веры: «Разве не воистину распят Бог? Разве не воистину Он умер, потому что был распят? (*nonne vere crucifixus est deus? nonne vere mortuus est ut vere crucifixus?*) И разве не воистину воскрес, – потому что действительно умер? ...Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно» [1994. С. 165].

Хотя Тертуллиан относился к платонизму враждебно и допускал телесность Бога, тем не менее, божественное бесстрашие было и для него аксиоматичным. Тертуллиан ясно показывает, что страдание Христа как Бога напрямую связано с воплощением, т. е. не с его божественной природой (*divina substantia*), но с воспринятой им человеческой природой (*humana substantia*), при этом Дух не страдает и Отец не страдает (и даже, согласно Тертуллиану, не сострадает; он не только не *impassibilis*, но и не *imcompassibilis*) [Tertulliani opera, 1965. P. 1203].

Если мы перенесемся в Александрию, то сразу столкнемся с сильным влиянием среднего платонизма. Здесь бесстрашие Бога воспринималось как данность. Так, для Климента Александрийского бесстрастен как Бог [Климент Александрийский, 2003. С. 202–203], так и Христос (абсолютно бесстрастен, ἀπαθής) [Там же. С. 42–43], апостолы, а также христианские гностики [Там же. С. 43, 44, 59]. Пожалуй, не будет большим преувеличением характеристика Климента как «в первую очередь платоника, который при этом подобно предшествующему ему Цицерону заимствует этику у стоиков» [Ferguson, 1976. P. 61].

В сравнении с Климентом Ориген создает большую интригу. Во-первых, ему принадлежит часто цитируемый отрывок из гомилии на Иез 6:6, в котором он не только утверждает страдание Логоса, но также отказывает в эмоциональном бесстрашии Отцу: «Ipse pater non est impassibilis» [Hieronymus, 1845. P. 759], утверждая тем самым не претерпевание Бога, но его любовь и сострадание.

Во-вторых, в трактате «Против Цельса» Ориген приводит доводы Цельса против христианского Бога, которые похожи на доводы Платона против греческой мифологии. Поскольку понятие πάθη ассоциировалось с телесным [Young, 2014. P. 88], то полагание Бога бесстрастным, ἀπαθής, должно было бы эффективно блокировать возможность воплощения. Цельс задается вопросом о цели сошествия Бога (ὁ νοῦς τῆς ... καθόδου τῷ θεῷ) [Ориген, 1996. С. 261], которое ему явно кажется абсурдным. Оно подразумевает изменение в Боге, что несовместимо с божественным совершенством (εἰ δὲ ἐς ἀνθρώπους κάτεισι, μεταβολῆς αὐτῷ δεῖ), потому что оно может быть только изменением к худшему, что противоречит благодати Бога. В ответ на это Ориген утверждает, что сошествие Бога не подрывает его бесстрашие: поскольку Логос даже в воплощении по сущности остается Логосом, он не претерпевает ничего из того, что претерпевают тело

или душа (οὐδὲν μὲν πάσχει ὧν πάσχει τὸ σῶμα ἢ ἡ ψυχή) [Там же. С. 272, 273].

В качестве последнего (last but not least!) примера в этом, разумеется, кратком обзоре доникейской концепции бесстрастия и теопасхизма рассмотрим трактат ученика Оригена Григория Чудотворца «К Феопомпу о возможности и невозможности страдания для Бога», который целиком посвящен проблеме страдания Бога, являясь в этом отношении уникальным в собрании сочинений раннехристианских авторов.

Парадоксальным образом Григорий настаивает как на страдании Бога, так и на том, что он остался бесстрастным даже посреди страданий:

«Ибо он в своем страдании показывает бесстрастие. ... Ибо перенесение [им] страданий было бесстрастным ... под видом страданий Бесстрастный проник в страдания, чтобы своим страданием показать, что он – страдание для страданий» [Григорий Чудотворец, 1916. С. 85–86].

В соприкосновении бесстрастного Бога и страданий побеждает сильнейшее: бесстрастный Бог, который становится «страданием страданий». Г. Фронхофен в комментарии трактата обращает внимание на то, что для описания христианского Бога Григорий находит третий путь между подверженностью страстям и бесстрастием, а именно представление особого вида страдания как проявления любви Бога. Таким образом, слово «страдание» применительно к Христу обретает в тексте Григория другой смысл: оно осознанное, добровольное и незаслуженное, в то время как страдания всех прочих людей вынужденные, происходящие по причине их вины. Практически получается так, что эта дистинкция позволяет ему сохранить бесстрастие Бога, что означает, с точки зрения Фронхофена, что «и здесь греческая идея о бесстрастии Бога оставила еще глубокий след, и поэтому христианский Бог любви еще не может обрести точные контуры с достаточной остротой» [Frohnhoefen, 1987. S. 219–220]. При этом Фронхофен положительно оценивает то, что Григорий первым отходит от раздельного рассмотрения способности и неспособности Христа к страданию в соответствии с его человеческой природой и божественной природой, но рассматривает их как необходимые составные части для выражения понятия Бога как любви.

Частично принимая утверждение о родстве мнения Григория с общим античным положением о бесстрастии Бога, все же позволим себе заметить, что Григорий подвергает эту концепцию глубокой перера-

ботке. В рассуждении Григория теопасхизм так же реален, как и бесстрастие Бога. Бесстрастие и страдание относятся к Богу, хотя и в разном отношении (Бог бесстрастен, но в то же время в определенном смысле Бог претерпевает), что все же отличается от положений античной философской теологии, подразумевавших полное бесстрастие Бога. В этом смысле «третий путь» Григория лучше понимать не как *via media* между страданием и претерпеванием, но как одновременное утверждение бесстрастия и страдания, определенный этап на пути к формулировкам христианской философии V–VI вв.

Итак, несмотря на внешнее сходство раннехристианской концепции бесстрастия Бога с античной философской теологией, выразившееся в отказе от пассивизма, можно констатировать и ее отличительные особенности. Во-первых, христианское понятие бесстрастия Бога было тесно связано с доктриной творения и не подразумевало отказа от наличия чувств у Бога. Во-вторых, при некотором разнообразии мнений (от ригидного утверждения бесстрастия в случае Климента Александрийского до допущения страдания Бога Григорием Чудотворцем) обращает на себя внимание наличие у большого числа авторов теопасхистских формул и выражений, обусловленных доктриной боговоплощения, что заложило концептуальную основу для последующего создания концепции «бесстрастного страдания» Бога в христианской философии.

Список литературы / References

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетея, 1999. С. 290–336.

Aristid. Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]. In: Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]. A. G. Dunaev (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, p. 290–336. (In Russ.)

Афинагор. Предстательство за христиан Афинагора Афинянина, христианского философа. Императорам Марку Аврелию Антонину и Луцию Аврелию Коммоду, [властителям] Армянским, Сарматским, а наипаче всего философам // Раннехристианские апологеты II–IV веков: Переводы и исследования / Пер. с древнегреч. и примеч. А. В. Муравьева. М.: Ладомир, 2000. С. 45–79.

Afinagor. Predstatelstvo za khristian Afinagora Afinyanina, khristianskogo filosofa. Imperatoram Marku Avreliyu Antoninu i Lutsiyu Avreliyu

Kommodu, [vlastitelyam] Armyanskim, Sarmatskim, a naipache vsego filosofam. Rannekhristianskiye apologety II–IV vekov [Early Christian Apologists of 2–4 Centuries]: The Embassy for the Christians. Trans. and notes by A. V. Murav'ev. Moscow, Lodomir Publ., 2000, p. 45–79. (In Russ.)

Григорий Чудотворец. Творения святого Григория Чудотворца / Пер. Н. Сагарда. Петроград, 1916.

Grigorii Chudotvorets. Tvoreniya svyatogo Grigoriya Chudotvortsia [Works of St. Gregory Thaumaturgus]. Trans. by N. Sagarda. Petrograd, 1916. (In Russ.)

Иринеи Лионский. Св. Иринеи Лионский. Творения. М.: Паломник, 1996.

Irinei Lionskii. Sv. Irinei Lionskii. Tvoreniya [St. Irenaeus. Works]. Moscow, Palomnik Publ., 1996. (In Russ.)

Иустин. Св. Иустин философ и мученик. Творения. М.: Паломник, 1995.

Iustin. Sv. Iustin filosof i muchenik. Tvoreniya [St. Justin Martyr. Works]. Moscow, Palomnik Publ., 1995. (In Russ.)

Климент Александрийский. Строматы. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Т. 3.

Kliment Aleksandriiskii. Stromaty [Stromates]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2003, vol. 3. (In Russ.)

Мелитон Сардийский. О душе и теле // Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетеия, 1999. С. 583–630.

Meliton Sardiiiskii. O dushe i tele [The Discourse on Soul and Body]. In: Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]. A. G. Dunaev (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, p. 583–630. (In Russ.)

Ориген. Против Цельса. Апология христианства / Пер. Л. Писарева. М.: Учеб.-информ. центр ап. Павла, МГУ, Факультет журналистики, 1996.

Origen. Protiv Tselsa. Apologia khristianstva [Contra Celsum. Apology of Christianity]. Trans. by L. Pisarev. Moscow, Uchebno-informatsonny tsentr ap. Pavla, MGU, Fakultet zhurnalistiki, 1996. (In Russ.)

Писания мужей апостольских. М.: Изд. Совет Русской православной церкви, 2008.

Pisaniya muzhei apostol'skikh [Works of Apostolic Fathers]. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2008. (In Russ.)

- Тертуллиан.** Избр. соч. / Под ред. А. Столярова. М.: Прогресс, 1994.
Tertullian. Izbrannye sochineniya [Select Works]. A. Stolyarov (ed.). Moscow, Progress Publ., 1994. (In Russ.)
- Ferguson J.** The Achievement of Clement of Alexandria. *Religious Studies*, 1976, vol. 12, no. 1, p. 59–80.
- Frohnhofen H.** APATHEIA TOU THEOU: Über die Affektlosigkeit Gottes in der griechischen Antike und bei den griechischsprachigen Kirchenvätern bis zu Gregorios Thaumaturgos. Frankfurt-am-Mein, Peter Lang, 1987.
- Hieronymus Sridonensis.** Translatio homiliarum Origenis in Jeremiam et Ezechielem. In: Migne J. P. Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis Presbyteri opera Omnia. P., 1845. (Patrologia Latina. T. 25).
- Lee J. Y.** God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. The Hague, Martinus Nijhoff, 1974.
- Sarot M.** Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. *Religious Studies*, 1990, vol. 26, p. 363–375.
- Slusser M.** Theopaschite Expressions in Second-Century Christianity as Reflected in the Writings of Justin, Melito, Celsus, and Irenaeus. Oxford D. Phil. Dissertation, 1975.
- Tertulliani Opera.** Corpus Christianorum Series Latina II. Turnholt, Brepols, 1965.
- Young F. M.** Apathos Epathen: Patristic Reflection on God, Suffering, and the Cross. In: Within the Love of God: Essays on the Doctrine of God in Honour of Paul S. Fiddes. A. Clarke, A. Moore (eds.). Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, p. 79–94.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Стрельцов Алексей Михайлович, магистр философии, аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexey M. Streltsov, Master of Philosophy, Postgraduate of the Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

streltsov@mail.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-225-235

Т. Гоббс и Б. Спиноза о соотношении естественного, сверхъестественного и противоестественного

В. П. Горан

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Раскрыты концептуальные основания следующих расхождений мировоззренческих позиций Гоббса и Спинозы. Отвергая существование противоестественного, Гоббс признавал реальность сверхъестественного как якобы результата нарушения библейским богом происходящего по тем законам, которые он дал созданной им природе. Спиноза, отождествив бога с природой, признавал только вечное естественное, т. е. несотворенное, и, практически отождествляя сверхъестественное и противоестественное, отрицал их существование. За признанием Гоббсом сверхъестественного фактически обнаруживается его заинтересованное внимание к той сущностной специфике человека, которая проявляется в его творческой деятельности, созидающей из имеющегося в природе материала то, что природа сама по себе не создает. Этой специфически человеческой способностью Гоббс и наделяет бога. Спиноза же исходит из того, что природа сама реализует все свои возможности. Человека он рассматривает как часть природы и, соответственно, создаваемое человеком не оценивает как нечто, превосходящее имеющееся в природе.

Ключевые слова

Гоббс, Спиноза, естественное, сверхъестественное, противоестественное, бог, природа, человек, творчество, Библия

Для цитирования

Горан В. П. Т. Гоббс и Б. Спиноза о соотношении естественного, сверхъестественного и противоестественного // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 225–235. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-225-235

© В. П. Горан, 2019

T. Hobbes and B. Spinoza on the Relationship between the Natural, the Supernatural and the Unnatural

V. P. Goran

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper brings light to the conceptual foundations of the following discrepancies between the ideological positions of Hobbes and Spinoza. Rejecting the existence of the unnatural, Hobbes recognized the reality of the supernatural as the alleged result of a violation by the biblical god of what is happening according to the laws that he gave to nature created by him. Spinoza, identifying God with nature, recognized only the eternal natural, i.e. uncreated, and, practically identifying the supernatural and the unnatural, denied their existence. The recognition by Hobbes of the supernatural actually reveals his increased attention to the essential specifics of man, which are manifested in his creative activity, which creates from natural material that, which nature itself does not create. Hobbes gives this specific human ability to God. Spinoza, however, proceeds from the fact that nature itself realizes all its possibilities. He regards man as a part of nature and, accordingly, does not evaluate anything created by man as something superior to what exists in nature.

Keywords

Hobbes, Spinoza, natural, supernatural, unnatural, god, nature, man, creativity, the Bible

For citation

Goran V. P. T. Hobbes and B. Spinoza on the Relationship between the Natural, the Supernatural and the Unnatural. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 225–235. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-225-235

Т. Гоббс наряду с естественным признавал сверхъестественное, но отрицал существование противоестественного. Сфера естественного у него – вся природа. При этом он утверждает, что она создана и управляется богом (см.: [Гоббс, 1964. С. 47]). Вместе с тем Гоббс не сомневается «в том, что бог может сотворить сверхъестественные явления» [Там же. С. 57], соответственно, квалифицируя такие деяния бога как приостановку или изменение хода природы (см.: [Там же]). Таким образом, сверхъестественное, по Гоббсу, всего лишь «превосходит естественный разум» [Там же. С. 146], но не «идет враз-

рез с ним» [Там же]. А вот противоестественное он считает именно идущим вразрез с естественным разумом, соответственно, и с тем, что он квалифицирует как сверхъестественное.

Б. Спиноза, в отличие от Т. Гоббса, признавал только естественное, а сверхъестественное и противоестественное считал одним и тем же. Свое непризнание сверхъестественного Спиноза наглядно подтверждает отрицанием подлинности того именно, что Гоббс, напротив, квалифицировал как демонстрирующее его реальность. Речь идет об оценке на достоверность библейских сюжетов, где повествуется о том, что бог, как выражается Гоббс, имел среди созданных им людей «особенных подданных, которым он возвещал свои заповеди голосом, как человек говорит с человеком» [Там же. С. 411]. Поскольку бог признан Гоббсом потусторонним созданной им природе, то использование им речевых средств, естественных для человека как принадлежащего тварному миру, следует квалифицировать как именно сверхъестественное. Также и вся Библия, поскольку Гоббс выражает согласие с иудео-христианской традицией считать ее богоданной, тоже признается им принадлежащей к сфере сверхъестественного. Вот как он излагает свою позицию по вопросу о богоданности Библии: «...все веруют, что первым и первоначальным *вдохновителем* книг писания является бог, и, следовательно, спорность вопроса не в этом. Очевидно, кроме того, что знать о том, что они являются словом божьим, никто не может (хотя все истинные христиане верят этому), за исключением тех, кому бог открыл это сверхъестественным путем...» [Там же. С. 394–395]. Причем Гоббс неоднократно признает заслуживающими доверия людей, объявивших, что бог непосредственно общался с ними. Вот еще одно его заявление об этом: «*Соглашение с богом невозможно без особого откровения. Заключать соглашение с богом можно лишь при посредстве тех, с кем бог общается путем сверхъестественного откровения, или посредством его наместников, правящих под ним или от его имени...*» [Там же. С. 164]. Как видим, Гоббс, отчетливо сознавая отсутствие надежных оснований веры в сверхъестественное, все же оценивает как не только допустимое, но и обязательное доверие людей к тем, кто свои заявления о доступности им сверхъестественного, т. е. прежде всего бога, делает основанием позиционировать себя в качестве посредников между обычными людьми, как лишенными этой способности, и богом. И в этом позиции Гоббса и Спинозы радикально отличаются. Ведь Спиноза решительно отрицал «божественность Писания», квалифицируя то, что до него традиционно считалось «божественным

откровением», как плод воображения создателей ветхозаветных текстов (см.: [Спиноза, 1957б. С. 31]). Соответственно, Спиноза безоговорочно заявлял о своем непризнании «различия между делом противоестественным (*opus contra Naturam*) и делом сверхъестественным (*opus supra Naturam*)» [Там же. С. 93]. При этом здесь же, но в скобках, он отмечает позицию «некоторых», состоящую в том, что «дело сверхъестественное» «хоть и не противоречит природе, однако не может быть произведено или сделано ею» [Там же]. Если удерживать в памяти то, что говорил о сверхъестественном и противоестественном Гоббс, то нельзя не признать, что этим своим сделанным в скобках замечанием Спиноза решительно отмежевывается прежде всего от него, разумеется, конкретно по этому вопросу.

Изложенные особенности позиций Гоббса и Спинозы предмет моего внимания не впервые ¹. Но здесь я намерен сосредоточиться на углублении понимания того, чем же определялись на базисном уровне их концептуальных построений зафиксированные мной только что расхождения их позиций. Делая это, следует, на мой взгляд, не упускать из виду следующие особенности миропонимания каждого из них.

Гоббс, признавая, как мы видели, реальность сверхъестественного, ведет речь о боге как существе, создавшем всю природу, т. е. все естественное, но наряду с этим и владеющем средствами, превосходящими созданную им природную наличность. При этом он мыслит бога находящимся *вне* природного мира, но, тем не менее, по его *творческим* способностям подобным человеку, принадлежащему как раз природному миру. Словом, Гоббс придерживается библейской, так сказать, «схемы», являющейся продуктом религиозного фантазирования древних евреев, что человека бог сотворил подобным себе. Вместе с тем, если не упускать из виду, что реально именно сам человек создал такое представление о боге, перенеся на него и вообразив при этом бесконечно усиленными собственные, оцениваемые им положительно творческие способности и возможности, то за приверженностью Гоббса этим религиозным фантазиям обнаруживается его весьма заинтересованное отношение именно к соответствующим сущностным особенностям человека. А это есть основание уделить должное внимание тому, что в признании Гоббсом сверхъестественного в божественном фактически имеет место выделение и придание

¹ См.: Горан В. П. Т. Гоббс и Б. Спиноза о «богоданности» «Библии» // Сиб. филос. журн. 2018. Т. 16, № 4. С. 299–310.

им особой значимости той ситуации, что человек наряду с использованием имеющихся в его распоряжении готовых продуктов природы из этого природного материала сам создает и то, чего в самой природе не было. Это – вся техника, средства производства, бытовые вещи, произведения искусства и т. п. Но если и допустимо все это квалифицировать как сверхъестественное, то, оговаривая условность этой квалификации, а именно, предупреждая, что при этом сверхъестественным признается то, что природа не производит сама по себе, без творческих усилий человека. Гоббс, разумеется, этого не делал да вряд ли мог делать.

Следуя религиозной традиции переносить эту специфическую для отношения человека к своему природному окружению ситуацию на представление о боге и об отношении этого последнего ко всей природе в ее целостности, Гоббс придает формирующейся при этом в его воображении картине соответствующий масштаб. В итоге он столь своеобразно, т. е. наделением своего образа бога бесконечно усиленными творческими способностями человека, гипертрофированно и в отрыве от человека все же фактически изобразил ту реальную ситуацию, которая имеет место у человека и специфична именно для человека. Ведь эта ситуация характеризуется наличием существа, способного посредством преобразования природных вещей создавать то, что превосходит, в смысле удовлетворения потребностей этого существа, имеющееся в природе. И сложилась такая ситуация в результате того, что еще, так сказать, сугубо природный древний предок человека стал собственно человеком, существом творческим, способным преобразовывать данное ему природой в соответствии, разумеется, с теми возможностями, которые имеются в природе, но реализация которых требует именно творческих способностей от того, кто эту реализацию осуществляет.

А вот Спиноза не мог позволить себе не то чтобы совсем не признавать такую творческую мощь человека как создающего нечто, превосходящее непосредственно предоставляемое ему природой, но, по меньшей мере, не мог уделять ей особое внимание. Он исходит из того, что природа сама реализует абсолютно все свои возможности. Ведь он не признает ничего существующего вне природы, в том числе и внеприродного бога. *«Бог есть имманентная (immanens) причина всех вещей, а не действующая извне (transiens)»* [Спиноза, 1957а.

С. 380]². Словом, бог и природа у Спинозы одно и то же. «А так как божественная природа... заключает в себе абсолютно бесконечное число атрибутов, из которых каждый выражает сущность, бесконечную в своем роде, то из ее необходимости необходимо должно вытекать бесконечное множество вещей бесконечно многими способами (т. е. все, что только может быть представлено бесконечным разумом)...» (с. 377). Соответственно, Спиноза утверждает, «что нет никакой причины, которая побуждала бы бога извне или изнутри к действию, кроме совершенства его природы» (с. 378).

Это отнесение деятельностной активности к сущностным составляющим бога как бесконечной природы, взятой в ее целостности, у Спинозы дополняется утверждением, что и решительно всем конечным составляющим природного мира тоже присуща такая активность. «Все, что существует, выражает известным и определенным образом природу или сущность бога... т. е. ... все, что существует, выражает известным и определенным образом могущество бога, составляющее причину всех вещей; следовательно..., из всего этого должно вытекать какое-либо действие...» (с. 394). В том числе к средствам этой самоорганизации природы на реализацию всех своих возможностей Спиноза относит и человека, его деятельность.

Вместе с тем Спиноза категорически отрицает самодетерминацию этой активности каких бы то ни было отдельных вещей, полная совокупность которых составляет природу, признаваемую им самодействующей, т. е. являющейся причиной самой себя и, соответственно, самоорганизованной, только в ее целостности. Вся природа именно в ее целостности квалифицируется Спинозой как бог. А вот любая вещь как отдельная составляющая этой целостности полностью лишена, по Спинозе, способности самостоятельно определять свою активность, быть самодействующей. Вполне определенно эта его позиция выражена теоремами 26, 27 и особенно 28 «Части первой» «Этики». Действительно, теоремой 26 он однозначно и решительно утверждает: *«Вещь... сама себя определить к действию не может»* (с. 385). Столь же однозначная и решительная формулировка в теореме 27: *«Вещь, которая определена богом к какому-либо действию, не может сама себя сделать не определенной к нему»* (с. 385). Как видим, этими двумя теоремами Спиноза совершенно исключает какую бы то ни было возможность для любой конечной «вещи» в мироз-

² Далее ссылки на эту работу приводятся в круглых скобках с указанием страницы.

дании как определять себя к действию, т. е. быть самодействующей, так и быть способной не осуществлять действие, определенное ей извне воздействием на нее ее окружения. В том числе этими теоремами он совершенно исключает возможность и для человека быть самодействующим, самостоятельно определяющим свои действия. А это означает, что в Спинозовской картине мира человек, как и любая другая «вещь», это фактически предопределенный во всех своих действиях, так сказать, автомат, совершенно лишенный какой бы то ни было возможности хотя бы на мгновение перестать быть таким автоматом. Не менее решительно, однозначно и категорично эту свою позицию Спиноза выразил теоремой 28 «Части первой» «Этики». Вот ее текст. *«Все единичное, иными словами, всякая конечная и ограниченная по своему существованию вещь может существовать и определяться к действию только в том случае, если она определяется к существованию и действию какой-либо другой причиной, тоже конечной и ограниченной по своему существованию. Эта причина в свою очередь тоже может существовать и определяться к действию только в том случае, если она определяется к существованию и действию третьей причиной, также конечной и ограниченной по своему существованию, и так до бесконечности»* (с. 385–386).

А вот в «Части второй» этой же «Этики» Спинозы имеется текст, на первый взгляд как будто дезавуирующий позицию, столь твердо высказанную в только что приведенных мной теоремах ее «Части первой». Действительно, в открывающем эту «Часть вторую» подразделе «Определения» Спиноза следующим образом формулирует, что он имеет в виду под идеей. «Под идеей я разумею понятие, образуемое душой в силу того, что она есть вещь мыслящая (*res cogitans*)» (с. 402). И сразу же после этого он поясняет: «Я говорю *понятие* (*conceptus*), а не *восприятие* (*perceptio*), так как слово восприятие как будто указывает на пассивное отношение души к объекту. Напротив, слово понятие, как кажется, выражает *действие* души» (с. 402). Как видим, здесь Спиноза специально подчеркивает активность человеческой души, реализующуюся в образовании ею понятий. Более того, он оговаривает, что делает это, имея в виду исключить возможность истолковывать его позицию как признание «пассивного отношения души к объекту». Но это столь демонстративное подчеркивание Спинозой активности человеческой души есть ли и признание им ее как «вещи» самодеятельной, способной самостоятельно реализовать свою активность? Отнюдь. Приходится признать, что подчеркивание здесь Спинозой активности не только человеческой души,

но и любой другой конечной вещи не означает, что речь при этом идет о признании способности у них самоопределения к этой активности. Ведь и в приведенных мной перед этим теоремах 26–28 «Части первой» «Этики» Спиноза тоже признает активность конечных вещей, но при этом безапелляционно характеризует ее как детерминированную извне. Так что подчеркивание им активности и человеческой души не означает признание за ней возможности самостоятельно определять направленность проявлений этой своей активности.

После этого столь продолжительного рассмотрения позиции Спинозы, признающего детерминацию происходящего с конечными вещами только извне и завершающего анализ этой ситуации заключением о вечном боге как причине самого себя, возвращусь к позиции по данной теме Гоббса. Для этого рассмотрю его текст, содержательно во многом поразительно сходный с тем, что мы только что видели у Спинозы. «Любознательность, или любовь к познанию причин, заставляет людей переходить от наблюдения последствий к отысканию их причин, а затем к отысканию причин этих причин, так что в конце концов они должны прийти к тому заключению, что есть некая причина, которая не обусловлена никакой предшествующей причиной, а является вечной. И эту первую причину люди называют богом. Таким образом, нельзя углубиться в исследование естественных причин, не став склонным верить в существование предвечного бога, хотя нельзя иметь о нем в уме никакого представления, которое было бы адекватно его природе» [Гоббс, 1964. С. 134]. Здесь Гоббс фактически излагает свое представление о том, как успехи людей в познании причинно-следственных отношений в мире приводили их к понятию вечной первопричины всего сущего, которую они и называли богом. Эту мыслительную операцию проделывали в XVII в. деисты. Ее осуществил, разумеется, по-своему, как мы видели, и Спиноза, этим наглядно продемонстрировав, что Гоббс верно представлял себе ход мысли подобных людей. А именно, это был ход мысли тех, кто придавал особое значение причинно-следственным отношениям в окружающем мире. Вместе с тем этот приведенный мной текст Гоббса демонстрирует также и существенное различие представлений его и Спинозы о боге как вечной первопричине всего сущего. Ведь бог, по Гоббсу, – внешний природному миру и, соответственно, характеризуется им как нечто сверхъестественное. Тогда как, по Спинозе, бог – это сам природный мир в его целостности.

Гоббс, напомним об этом еще раз, считал, что бог сотворил мир, оставаясь потусторонним этому своему творению, что он установил

естественные законы, по которым все в этом мире происходит, однако он же, сверх этого, извне осуществляет и непосредственное вмешательство в происходящее в мире своими сверхъестественными средствами. Делает он это только иногда, для поддержания избранного им еврейского народа, конкретно его священнослужителей, так что его непосредственное влияние на происходящее в мире ограничено. Заметный шаг в направлении признания еще большего ограничения влияния бога на посюстороннюю человеку реальность делают деисты. Ведь согласно им, бог, как подлинно потусторонний этому миру, только сотворил его и после этого совершенно не вмешивается в то, что происходит в нем. А вот Спиноза отвергает представление о наличии чего бы то ни было вне посюстороннего телесного мира, включая и существование бога как потустороннего этому миру и, соответственно, бестелесного существа. Тем самым Спиноза фактически становится на материалистическую позицию. Но до отчетливого осознания, а соответственно, и проведения, этой материалистической сути своей позиции сам он все же не дошел и сохраняет теологическую терминологию, называя богом признаваемый им единственно существующим материальный мир, т. е. отождествляя бога и этот телесный мир, рассматриваемый в его целостности.

Вернусь теперь к категорическому отрицанию Спинозой способности человека самостоятельно определять свою деятельность. Эта особенность его представлений о человеке определила и его позицию по вопросу о том, можно ли признавать человека свободным. Вот его столь же категоричное, как и относительно невозможности для человека быть существом самодеятельным, утверждение о тоже невозможности у него свободы воли. *«В душе нет никакой абсолютной или свободной воли; но к тому или другому хотению душа определяется причиной, которая в свою очередь определена другой причиной, эта – третьей и так до бесконечности»* (с. 445). Обращает на себя внимание сходство этой аргументации Спинозы в пользу непризнания свободы воли у человека с обоснованием им своего представления о человеке как действующем подобно автомату. Причем приведенный только что текст не единственное его, так сказать, заявление о том, что признание даже возможности для человека быть существом свободным – это заблуждение. Вот еще один его текст, в котором утверждается без каких-либо оговорок: *«Люди заблуждаются, считая себя свободными. Это мнение основывается только на том, что свои действия они сознают, причин же, которыми они определяются, не знают»* (с. 433).

Проводя столь последовательно эту свою позицию по вопросу о свободе, вернее о несвободе, человека, Спиноза пытается обосновать и полезность для человека осознания этой невозможности для него свободы. Вот в чем он усматривает эту полезность. «Душа познает, что все вещи необходимы... и определяется к существованию и действию бесконечным сцеплением причин..., и через это она... менее страдает от аффектов, возникающих из них, и... менее волнуется ими...» (с. 594). Суть этого его довода о полезности осознания невозможности для человека свободы в том, что оно побуждает человека стремиться менять не то, что не в его власти, т. е. «порядок мира», а свои желания. Соответственно, Спиноза демонстрирует свою последовательность в плане принципиального непризнания тех творческих потенций человека, которые реализуются посредством самоопределения им направленности своей активности, в том числе и ориентированной на целевое преобразование природного окружения.

Если теперь подытожить сопоставление рассмотренных составляющих позиций Гоббса и Спинозы, то можно сказать следующее. У Гоббса посредством квалификации творческих возможностей бога как сверхъестественных столь своеобразным способом, а именно, наделением продукта религиозной фантазии, именуемого богом, творческими способностями, реально имеющимися у человека, осуществлено на деле столь своеобразное осмысление этой специфики человеческой деятельности как проявления свободы человека. Тогда как у Спинозы эта специфика человеческой деятельности не находит должного признания, и, соответственно, не допускается даже возможность свободы воли у человека. К проявлениям этой особенности позиции Спинозы принадлежит и особенность его мировоззрения, которую можно охарактеризовать как созерцательность. Если Гоббс подчеркивал, что признание богоданности Библии древним еврейским священнослужителям есть дело всего лишь веры, а не достоверного знания, то, тем не менее, он заявляет о своей приверженности этой вере. А вот Спиноза уже открыто и последовательно отвергает эту веру и посредством тщательного критического анализа библейских текстов обнажает вздорность утверждений о их богоданности. Более того, он создает фактически материалистическую картину мироздания, хотя и именуется все это телесное мироздание, рассматриваемое в его целостности, богом. Но это именование его богом – всего лишь, так сказать, вербальная теология, на деле словесное прикрытие еще, соответственно, не проведенной последовательно, а главное – открыто, материалистической сути его мировоззренческой позиции. Отказ Спинозы признавать отличие сверхъестественного от проти-

воестественного – одно из наглядных проявлений его фактической приверженности материалистическому миропониманию.

Список литературы / References

Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 43–678.

Hobbes Th. Leviathan, ili materia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or the Matter, Form and Power of Commonwealth Ecclesiastical and Civil]. Izbrannye proizvedeniya: V 2 t. [Selected Works], Moscow, Mysl' Publ., 1964, vol. 2, p. 43–678. (In Russ.)

Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957а. Т. 1. С. 359–618.

Spinoza B. Etika [Ethics]. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works], Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1957а, vol. 1, p. 359–618. (In Russ.)

Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избр. произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957б. Т. 2. С. 5–284.

Spinoza B. Bogoslovsko-politicheskiy traktat [The Theological and Political Treatise]. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works], Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1957b, vol. 2, p. 5–284. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

01.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Горан Василий Павлович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vasily P. Goran, Doctor of Sciences (Philosophy), professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

goran@philosophy.nsc.ru

УДК 101+378

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-236-246

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке: молодежный вектор

В. В. Петров, О. А. Персидская, А. А. Санжениаков

*Институт философии и права СО РАН;
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В декабре 2018 г. в новосибирском Академгородке состоялась XVI Всероссийская научная конференция молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Организаторами мероприятия выступили НГУ и ИФПР СО РАН. Очное участие в конференции приняло более 50 молодых исследователей, общее число участников превысило 100 чел.

Ключевые слова

социальные и гуманитарные исследования, научные мероприятия, Всероссийская конференция, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет

Для цитирования

Петров В.В., Персидская О. А., Санжениаков А. А. Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке: молодежный вектор // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 236–246. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-236-246

Humanitarian and Social Research in the 21st Century: Youth Vector

V. V. Petrov, O. A. Persidskaya, A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS; Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In December 2018 Novosibirsk Academgorodok became the seat of the XVI All-Russian Scientific Conference of young scientists in the field of humanities and social sci-

© В. В. Петров, О. А. Персидская, А. А. Санжениаков, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

ences «Current problems of humanitarian and social research». The organizers of the event were NSU and IPL SB RAS. Over 50 young researchers took part in the conference, while the total number of participants was over 100 people.

Keywords

social and humanitarian research, scientific events, All-Russian conference, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk State University

For citation

Petrov V. V., Persidskaya O. A., Sanzhenakov A. A. Humanitarian and Social Research in the XXI Century: Youth Vector. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 236–246. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-236-246

С 4 по 5 декабря 2018 г. на базе Новосибирского государственного университета, Института философии и права СО РАН и Технопарка Академгородка прошла XVI Всероссийская научная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». В конференции приняли очное участие более 50 молодых ученых, общее число участников превысило 100 чел. Основными организаторами конференции выступили Институт философии и права НГУ и Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Деятельное участие в организации конференции принял Совет молодых ученых ИФПР СО РАН. Необходимо заметить, что популярность и востребованность ежегодной конференции молодых ученых, которая впервые была проведена в 1999 г. по инициативе Совета научной молодежи ИФПР СО РАН, стремительно растет. Так, изначально статус конференции был региональным и ее проведение было нацелено в первую очередь на то, чтобы дать возможность высказаться на страницах традиционного ежегодного сборника материалов конференции студентам старших курсов, магистрантам и аспирантам преимущественно сибирских университетов. Однако в течение достаточно короткого времени удачно выбранный формат конференции и содержание публикуемых материалов привели к тому, что география участников вышла за пределы Сибирского региона, охватив соседние области, что, в свою очередь, отразилось на изменении статуса конференции, которая с 2006 г. стала межрегиональной. Изначально конференция была однодневной и проводилась непосредственно в Институте философии и права Сибирского отделения Российской академии наук как межвузовский семинар. В 2012 г.

место проведения переместилось в Новосибирский государственный университет, что позволило качественно изменить организационный и технический уровень проведения конференции: увеличить количество проводимых секций и круглых столов, сделать их более узкоспециализированными, вовлечь в работу значительное количество студентов не только социогуманитарных специальностей, но и естественно-научных направлений подготовки из многочисленных российских и зарубежных университетов, а также увеличить время работы конференции до двух полноценных интенсивно загруженных дней за счет организации пленарных заседаний, панелей, секций и круглых столов. Приятно отметить, что в 2018 г. конференция вышла на Всероссийский уровень, поскольку география участников за прошедшие годы существенно расширилась: хотя значительная часть заявок традиционно поступила от новосибирских исследователей, также были получены материалы из Москвы, Санкт-Петербурга, Абакана, Екатеринбурга, Махачкалы, Минска, Мурманска, Нижнего Новгорода, Новокузнецка, Омска, Рязани, Самары, Томска, Улан-Удэ и ряда других городов.

На пленарном заседании было представлено четыре доклада. Канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник ИФПР СО РАН А. М. Аблажей выступил с докладом «Социальные характеристики современных аспирантов», в котором изложил статистические результаты социологического исследования, позволившего определить ценностные и научные ориентиры молодых ученых современной России. Канд. филос. наук, старший научный сотрудник ИФПР СО РАН В. В. Петров выступил с докладом «Университет и квоты: право двойного выбора», где обосновал, что для успешной реализации реформы системы науки и высшей школы следует отказаться от идеи равенства вузов и одинаковой способности всех студентов, а кроме того, признать право «двойного выбора», позволяющее вузам самостоятельно отбирать лучших студентов, и наоборот.

В качестве приглашенных докладчиков на пленарном заседании выступили два молодых исследователя – из Москвы и Улан-Удэ. Канд. ист. наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) А. С. Бреславский выступил с докладом «Пригороды крупных городов России: источники, масштабы и направления демографического и территориального роста». В докладе было отмечено, что резкий скачок пригородного строительства приходится на 1990–2000-е гг., что связано с демократизацией, переходом к рыночной экономике и другими факторами.

На широком материале был проведен сравнительный анализ роста пригородного населения. Докладчик описал источники (движущие силы) роста пригородных территорий, оценил масштабы застройки и привел классификацию пригородов крупных городов России. В заключение доклада было акцентировано, что изучение пригородов – актуальное, но пока что не освоенное отечественными исследователями направление современной урбанистики.

Завершилось пленарное заседание докладом доцента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), Ph. D. Г. И. Чернавина «“Нечленораздельные звуки” феноменологии: Людвиг Витгенштейн и тезис “ничто ничтожит”». Докладчик рассмотрел ряд интерпретаций Витгенштейном хайдеггеровского тезиса «ничто ничтожит». Перебирание этих интерпретаций, по замыслу докладчика, должно было продемонстрировать усидчивость Витгенштейна по наведению «мостов» понимания между разными философскими традициями. И хотя в конечном счете тезис Хайдеггера расценивается как «виньетка» и «словесное кружево», докладчик отметил, что тем самым Витгенштейн отдает должное этому тезису, признавая за ним важную функцию – тезис «ничто ничтожит» призван подчеркивать или оттенять нечто более важное.

Первый день конференции продолжился секционными заседаниями. Секцией философских исследований руководил канд. филос. наук, н. с. ИФПР СО РАН А. А. Санжеников, социальных – м.н.с. ИФПР СО РАН О. А. Персидская, правовых – м.н.с. ИФПР СО РАН А. Н. Артемова. Впервые в этом году на базе НИИ экспериментальной и клинической медицины была проведена секция биоэтики, руководителем которой стала д-р филос. наук, заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного медицинского университета, сотрудник отдела подготовки кадров в аспирантуре ИФПР СО РАН Э. В. Барбашина.

В рамках секции философских исследований были представлены научные результаты по актуальным проблемам философии. Большинство докладов было посвящено фундаментальным вопросам западной философии. На секции обсуждались проблемы эпистемологии, некоторые аспекты истории античной философии, вопросы восприятия времени и др. Расскажем кратко лишь о некоторых очных выступлениях. Открыл заседание секции магистрант второго курса Новосибирского государственного университета А. С. Ашер с докладом «Интерпретация жертвоприношения у Жоржа Батая и Рене Жирара». Сравнивая две эти концепции жертвоприношения, докладчик обра-

тил внимание на разночтения (в частности, Батай полагает жертвоприношение полностью иррациональным и непрактичным, в то время как Жирар отмечает, что оно иррационально для современного человека, но для людей прошлого оно было вполне рациональным действием, аналогично судебной системе наших дней) и на параллели (ни Батай, ни Жирар не расценивают жертвоприношение как акт коммуникации между человеком и божеством). Продолжил заседание секции аспирант Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королева А. Э. Бахметьев с докладом «Проблема интуитивного познания в контексте объективистской философии». Анализируя работы Н. Гартмана и А. Рэнд, докладчик отметил, что обоим философами присущ объективистский подход в теории познания. Сущность интуиции в объективистской философии автор определяет как «форму схватывания существующего» и как «переход между ощущениями, восприятием и интеллектом». Процессуально же интуиция в объективистской философии есть аксиоматизация, т. е. некоторая «фильтрация» опытных данных и переводение их на концептуальный уровень. С. В. Бердаус (м.н.с. ИФПР СО РАН) сделала доклад на тему «Феноменология Гуссерля как слияние метафизики и этики», где показала, что распространенная точка зрения на раннюю этику Гуссерля как на метаэтику может быть оспорена. Альтернатива, предлагаемая докладчиком – интерпретировать этику как метафизику в том смысле, как ее понимал Гуссерль. Аспирантка ИФПР СО РАН К. Н. Евдокимова сделала доклад «Полемика Ж.-П. Сартра и Р. Арона». В докладе устанавливалась степень влияния Раймона Арона (французский философ, социолог, политолог) на Сартра. Докладчик продемонстрировала, что Арон верно подметил слабые места в политической философии Сартра. Критика Арона, полагает докладчик, объективно послужила раскрытию философско-политических взглядов Сартра. В докладе «Логическое соотношение элементов темпорального опыта» А. С. Зайкова (аспирантка ИФПР СО РАН) обратилась к проблеме восприятия времени и предприняла попытку ответить на вопрос, сводимы ли элементы восприятия времени (длительность, одновременность, порядок событий) друг к другу или являются самостоятельными? Для ответа на этот вопрос А. С. Зайкова формализовала различные элементы темпорального опыта и пришла к выводу: на основе данного опыта первого порядка (длительность и ритм) возможно сконструировать и прочие его элементы. А. Ю. Моисеева (м.н.с. ИФПР СО РАН) в докладе «Х. Патнэм, истина и прагматическое обоснование» предлагает вернуться к клас-

сическому определению истины в его регулятивном качестве и отказаться от антинормативного и, по сути, скептического пути, предлагаемого социальной эпистемологией. На этом пути она обращается к концепции внутреннего реализма Х. Патнэма, которая наиболее удачно сочетает в себе эпистемический оптимизм и скептические ограничения, сводящие притязания познающего субъекта до минимума, но при этом не отменяющие эпистемологию полностью. Согласно этой концепции, истину можно понимать «просто как *идеализацию* обоснованности и согласованности». Дополнительную силу решению Патнэма, по мнению докладчика, дает прагматический аргумент. В докладе «Статус субъекта во взаимодействии с кинообразом: концепции коллективного и индивидуального субъекта» студентка НГУ Э. В. Тарасенко обратилась к работам Ж. Делёза, В. Беньямина, Р. Барта и К. Метца, чтобы выявить и прояснить стратегии определения статуса субъекта во взаимодействии с кинообразом в их концепциях. Е. С. Хаблова (СПбГУ) в докладе «Историк философии на перекрестке традиций: складки историко-философской практики» предприняла попытку ответить на вопрос, почему не может быть раз и навсегда написана история философии. В поисках ответа она обратилась к опыту французского историка философии Эмиля Брейе, который учился у А. Бергсона, а также к наследию П. Адо и М. Фуко. В заключении было отмечено, что «историко-философских подходов бывает множество, что означает, что и история философии не одна, и, в зависимости от автора, меняется и содержание». Ни один доклад не остался без внимания аудитории, каждому докладчику было адресовано по несколько вопросов. Представленные на секции результаты исследований способствуют решению важнейших философских проблем в области эпистемологии, онтологии, истории философии, феноменологии, философии науки, семиотики, философии кино.

Секция социальных исследований традиционно была посвящена актуальным проблемам социальной науки. Широкая тематика секции позволила участникам включаться в обсуждение докладов на самые разные темы. Вопросы, связанные с геополитикой, были затронуты в докладах гостей из Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) Ю. С. Филаретовой и Атие Басем (выступление было посвящено взаимосвязи внутривосточного и международного аспектов в сирийском конфликте), а также Е. И. Сеницыной (докладчик выделила проблемы соблюдения Договора о РСМД по документам Конгресса США, которые оказывают существенное влияние на международную ситуацию). Перспективы развития университе-

тов и академических учреждений обсуждались канд. ист. наук, н.с. ИФПР СО РАН (г. Новосибирск) Е. М. Лбовой (которая подняла актуальную для современной науки тему реформирования РАН и связанную с ней проблему необходимости увеличения публикационной активности научных сотрудников), магистрантом ИФП НГУ (г. Новосибирск) В. М. Филатовой (в своем докладе «Ценностные ориентиры современного студенческого сообщества в концепции “Университет 3.0”» она акцентировала необходимость развития механизмов студенческого самоуправления для повышения эффективности внедряемой в университетах концепции) и канд. социол. наук, сотрудником Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) М. В. Евдокимовой (в докладе развитие информационных технологий было рассмотрено в качестве фактора генезиса фальсеоинтеракций). Канд. ист. наук, доцент Новосибирского военного института им. И. К. Яковлева М. В. Гавриленко рассказала об эстахологических представлениях старообрядцев и их влиянии на повседневную жизнь, которое хотя и трансформируется в современных условиях, но все-таки остается значительным, позволяя старообрядцам сохранять свою локальную отличительность в современном мире. Канд. филос. наук, с.н.с. ИФПР СО РАН С. А. Мадюкова и м.н.с. ИФПР СО РАН О. А. Персидская представили сообщение о коммерциализации темы этнического, которая, в своих крайних проявлениях, приводит к эрзатизации этнической традиции, ее вырождению. Также были заслушаны доклады об особенностях освоения пригородного пространства (аспирантка Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, В. Н. Буртонова), типах личной информации в социальной сети (старший преподаватель Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, И. В. Сапон), особенностях жизненных стратегий сельской молодежи (преподаватель Новосибирского радиотехнического колледжа, аспирантка ИФПР СО РАН Е. И. Заседателева), репрезентациях в литературе образа советской женщины (магистрант ИФП НГУ, г. Новосибирск, Т. К. Булай), доступности образования для детей с ограниченными возможностями (аспирантка Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, И. Д. Украинцева), медиевализме в брендинге (студентка Сибирского института управления филиала РАНХиГС, г. Новосибирск, Л. Г. Зайнулина) и развитии туризма в КНР (студенты Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, К. К. Абзалутдинов и Чжан Чэньзи). Доклады, представленные на секции,

характеризуются высоким уровнем подготовки материала, актуальностью выбранных тем и заинтересованностью исследователей изучаемой областью науки.

В рамках работы секции правовых исследований молодые ученые представили доклады, посвященные актуальным проблемам права. Широкие тематические рамки позволили охватить различные его отрасли: уголовное, гражданское, конституционное, экологическое и др. Внимание было уделено также вопросам философии права. Разнообразие тематик выступлений позволило осветить как теоретические, так и практические вопросы. Особо следует выделить очные выступления аспиранта факультета права НИУ ВШЭ К. А. Тимонина с докладом на тему «Проблемы взыскания компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в рамках уголовного судопроизводства» и м.н.с. ИФПР СО РАН А. Н. Артемовой «Ответственность лиц, контролирующих юридическое лицо, за злоупотребление правом в гражданском праве РФ». Докладчики выявили недостатки в законодательном регулировании институтов гражданского и уголовно-процессуального права и вынесли на обсуждение секции свои предложения по их правовому регулированию. Опираясь на накопленный опыт работы в Фонде поддержки пострадавших от преступлений, К. А. Тимонин предложил способ реформирования существующего порядка взыскания компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок: возможность обращения в суд в подобных спорах от лица граждан (вне зависимости от материального положения) – прокуроров, так как именно за ними законодательно закреплена обязанность по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. На основе анализа практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции РФ А. Н. Артемова сделала вывод о необходимости принятия Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, содержащего критерии определения лиц, контролирующих юридическое лицо, критерии установления злоупотребления правовой конструкцией юридического лица, а также распределяющего бремя доказывания недобросовестности лиц, контролирующих юридическое лицо. Доклады вызвали большой интерес и оживленную дискуссию среди участников секции правовых исследований, что свидетельствует о высокой актуальности представленных тем исследований и практической ценности их результатов.

На секции по биоэтике были представлены работы, связанные с этическими аспектами коммуникации врача и пациента, фармацев-

тической этикой, проблемой использования лабораторных животных в медицинских исследованиях, феноменологическим подходом к интерпретации болезни и медицины, вопросами генной инженерии и пр.

Во второй день конференции, 5 декабря, в Технопарке новосибирского Академгородка состоялся круглый стол «Цели философской деятельности в рамках научного сообщества»¹, организованный Институтом философии и права СО РАН и научно-образовательным проектом «Гуманитарная экспертная школа». Перед молодыми философами был поставлен вопрос: может ли философия претендовать на то, что ее цели и задачи отличаются от научных? Если да, то в чем их специфика? Как полагают организаторы круглого стола, философия сегодня надежно инкорпорирована в научное сообщество: существуют научные институты философии, научные философские журналы, научные конференции по философии. В связи с этим возникает вопрос: существует ли особенная характеристика, которая не позволяет редуцировать философию к науке? Традиционно считается, что отличие есть. Цель науки – открытие законов, устойчивых причинно-следственных связей между фактами. Философия же занимается предельными категориями – бытие, мышление, язык, знание, сознание и т. п. Зачастую у философа по объективным причинам нет в распоряжении четких понятий и определений, поэтому говорить о формулировке законов в данной области не приходится. Вместе с тем «школьная» философская традиция (как в античные времена, так и в современном университетском образовании) демонстрирует возможность преемственности философского знания. Что уже говорит о «техничности» этого знания и приближает его к науке. Однако все усложняется тем, что философское предприятие во многом является сугубо индивидуальным, именно поэтому мы говорим о философии Платона и Гегеля, Канта и Рассела. В итоге взгляд философа – это взгляд отдельного человека на мир и себя. В связи с этим вопрос о целях и задачах философской деятельности, по сути, есть вопрос, который каждый из нас должен адресовать себе. Мы не можем взять чужой ответ или воспользоваться вышеприведенной формальной, общепринятой формулировкой.

Участники круглого стола предложили самые разнообразные ответы на поставленный вопрос: (1) философия и есть наука; (2) фи-

¹ Подробнее см.: Круглый стол «Цели философской деятельности в рамках научного сообщества». URL: <https://leader-id.ru/event/13907/> (дата обращения 23.12.2018).

лософия является помощницей науки, конструируя метаязык для выстраивания связи между различными научными дисциплинами; (3) философия значительно отличается от науки, ибо последняя работает с уже имеющимися смыслами, в то время как первая призвана создавать новые смыслы, расширяя границы осмысленного. В ходе четырехчасовой беседы было рассмотрено множество вопросов, касающихся специфики философской деятельности и тех затруднений, которые возникают при попытке отрефлексировать ее цели и результаты.

В целом результаты конференции можно оценить исключительно положительно. По итогам конференции издан традиционный сборник научных трудов [Актуальные проблемы..., 2018]. Участники конференции завязали новые полезные знакомства, подискутировали на разнообразные темы и в доброжелательной обстановке обсудили содержание своих научных изысканий. Мы надеемся, что проведенное мероприятие вдохновит молодых исследователей на дальнейшую работу.

Список литературы / References

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований.

Материалы XVI межрегион. науч. конф. молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / Редкол.: В. В. Петров, А. Н. Артемова, О. А. Персидская, А. А. Санжеников; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2018. 288 с.

Aktualnye problemy gumanitarnykh i socialnykh issledovaniy: Materialy XVI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh v oblasti gumanitarnykh i socialnykh nauk [Actual problems of humanitarian and social research: Materials of the 16th All-Russian Scientific Conference of Young Scientists in the Humanities and Social Sciences]. Novosibirsk, 2018. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

24.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Петров Владимир Валерьевич, кандидат философских наук, доцент
Института философии и права Новосибирского государственного

университета (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir V. Petrof, Candidate of Science (Philosophy), Docent, Institute of Philosophy and Law NSU (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

v.v.p@ngs.ru

Персидская Ольга Алексеевна, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Olga A. Persidskaya, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

olga_alekseevna@mail.ru

Санжеников Александр Афанасьевич, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexander A. Sanzhenakov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sanzhenakov@gmail.com

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы по широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематике. Журнал выражает общий настрой и позицию Сибирского отделения Российского философского общества, философского факультета Новосибирского государственного университета, а также дух новосибирского Академгородка, совмещающий интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональности аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс по каталогу Роспечати – 18289 (договор № 6585 от 02.11.2006). Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

09.00.00 – Философские науки;

22.00.00 – Социологические науки.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецен-

зируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
философский факультет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись формально делится на два раздела – «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора; почтовый адрес места работы (с индексом); e-mail; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 30 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы и адрес места работы на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, почтовый адрес места работы с индексом, должность, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа A4: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см, Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 30 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится

цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы). Ссылки на архивные документы и документы из сети Internet оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети Internet кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

6. Размер изображений не должен превышать 190 × 270 мм. Рекомендуемый размер фотографий 100 × 150 мм. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Просим Вас *не изменять исходный электронный формат* создаваемого Вами графического объекта. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101+378

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-236-246

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке:

молодежный вектор

В. В. Петров, О. А. Персидская, А. А. Санжеников

*Институт философии и права СО РАН;
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В декабре 2018 г. в новосибирском Академгородке состоялась XVI Всероссийская научная конференция молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Организаторами мероприятия выступили НГУ и ИФПР СО РАН. Очное участие в кон-

ференции приняло более 50 молодых исследователей, общее число участников превысило 100 чел.

Ключевые слова

социальные и гуманитарные исследования, научные мероприятия, Всероссийская конференция, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет

Для цитирования

Петров В.В., Персидская О. А., Санжеников А. А. Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке: молодежный вектор // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 236–246. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-236-246

Humanitarian and Social Research in the XXI Century: Youth Vector

Petrov V. V., Persidskaya O. A., Sanzhenakov A. A.

*Institute of Philosophy and Law SB RAS; Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In December 2018 Novosibirsk Academgorodok became the seat of the XVI All-Russian Scientific Conference of young scientists in the field of humanities and social sciences «Current problems of humanitarian and social research». The organizers of the event were NSU and IPL SB RAS. Over 50 young researchers took part in the conference, while the total number of participants was over 100 people.

Keywords

social and humanitarian research, scientific events, All-Russian conference, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk State University

For citation

Petrov V. V., Persidskaya O. A., Sanzhenakov A. A. Humanitarian and Social Research in the XXI Century: Youth Vector. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 236–246. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-236-246

Основной текст статьи

Список литературы / References

Сведения об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006. P. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие подстрочных сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ...¹. Второй пример ². В качестве подстрочных сносок допускаются ссылки на источники в Интернете, например ³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образец оформления списка литературы

Список литературы / References

- Аристид.** Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетеия, 1999. С. 290–336.
- Aristid.** Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]. In: Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]. A. G. Dunaev (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, p. 290–336. (In Russ.)
- Григорий Чудотворец.** Творения святого Григория Чудотворца / Пер. Н. Сагарда. Петроград, 1916.
- Grigorii Chudotvoretz.** Tvoreniya svyatogo Grigoriya Chudotvortsa [Works of St. Gregory Thaumaturgus]. Trans. by N. Sagarda. Petrograd, 1916. (In Russ.)
- Иринеи Лионский.** Св. Иринеи Лионский. Творения. М.: Паломник, 1996.
- Irinei Lionskii.** Sv. Irinei Lionskii. Tvoreniya [St. Irenaeus. Works]. Moscow, Palomnik Publ., 1996. (In Russ.)
- Hieronymus Sridonensis.** Translatio homiliarum Origenis in Jeremiam et Ezechielem. Migne J. P. Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis Presbyteri opera Omnia. P., 1845. (Patrologia Latina. T. 25).
- Lee J. Y.** God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. The Hague, Martinus Nijhoff, 1974.
- Sarot M.** Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. *Religious Studies*, 1990, vol. 26,

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [Петров, 2002. С. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в [Rorty, 1979].

³ См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. URL: http://www.philosophy.ru/library/husserl/gus_fil.html (дата обращения 11.09.2001).

p. 363–375.

Slusser M. Theopaschite Expressions in Second-Century Christianity as Reflected in the Writings of Justin, Melito, Celsus, and Irenaeus. Oxford D. Phil. Dissertation, 1975.

Tertulliani Opera. Corpus Christianorum Series Latina II. Turnholt, Brepols, 1965.

Young F. M. Apathos Epathen: Patristic Reflection on God, Suffering, and the Cross. In: Within the Love of God: Essays on the Doctrine of God in Honour of Paul S. Fiddes. A. Clarke, A. Moore (eds.). Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, p. 79–94.

Образец оформления сведений об авторе

Санженakov Александр Афанасьевич, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexander A. Sanzhenakov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sanzhenakov@gmail.com

Таблица транслитерации символов

Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация
А	A	К	K	Х	Kh
Б	B	Л	L	Ц	TS
В	V	М	M	Ч	CH
Г	G	Н	N	Ш	SH
Д	D	О	O	Щ	Shch
Е	E	П	P	Ы	Y
Ё	E	Р	R	Ь	'
Ж	ZH	С	S	Э	E
З	Z	Т	T	Ю	YU
И	I	У	U	Я	YA
Й	I	Ф	F		